

НОШИ СЕРДЦО

юрий мельников

Наши сердца

Пролог.....	3
Глава первая. Слепота	6
Глава вторая. Витражи	18
Глава третья. Картография раны	25
Глава четыре. Симбиоз	36
Глава пятая. Спирали и линии.....	45
Глава шестая. Призывающий к миру	52
Глава седьмая. Налёт	64
Глава восьмая. Возвращение	71
Глава девятая. Лагерь	77
Глава десятая. Алхимия крови	84
Глава одиннадцатая. Штольня	93
Глава двенадцатая. Исход.....	102
Глава тринадцатая. Имани	112
Глава четырнадцатая. Симфония распада	120
Глава пятнадцатая. Лео	127
Глава шестнадцатая. Траектория цели.....	134
Глава семнадцатая. Кость земли.....	143
Глава восемнадцатая. Капище.....	150
Глава девятнадцатая. Дождь.....	156
Глава двадцатая. Медь	162

Разбухшие сердца — вы как любви соборы,
 В которых просьбы «помилуй» и «славься» звучат.
 Душ всех вечерня — свет от часовни, ступеньки к Богу,
 Где в час заката трубы органа молчат.
 — *Эрих Мария Ремарк*

Пролог

Земля здесь всегда шептала.

Но люди этого не слышали — для людей она молчала, молчала упрямо, глухо, как молчит старик, который знает ответ, но решил, что молчание — единственная честная форма участия в чужой катастрофе. Шептала она самой себе: тонкое, почти неразличимое гудение, идущее из глубины, из трещин, из пор, из того предвечного пространства между камнями, куда не проникал ни свет, ни воздух, ни время в том виде, в каком его понимали те, кто жил на поверхности. Кто-то из рабочих — тот, что проработал здесь уже третий год и давно перестал отличать суеверие от геологии — говорил, что это вода. Подземная, рудничная, просачивающаяся сквозь известняк и кварц. Вода, которая шумит, когда течёт по узким жилам, как кровь по капиллярам. Он говорил это уверенно, как говорят о вещах, в которые очень хочется верить, чтобы не сойти с ума до наступления субботы.

Остальные притихли. Потому что звук, который они слышали — каждый слышал, но ни один не признавался, потому что признаться — значило бы превратить звук в факт, а факт уже нельзя было бы отменить даже субботой, даже страхом потери рассудка, — звук этот был слишком низким для воды и слишком ритмичным для мёртвого камня. Он был похож на дыхание. На вдох-выдох, неторопливый, глубокий, — такой, каким дышит то, что спит слишком давно и не собирается просыпаться человеком.

Воздух на глубине ста двадцати метров был твёрдым, угловатым. Его приходилось жевать, с трудом проталкивать в лёгкие вместе с доломитовой пылью, сыростью и металлическим привкусом многовековой, окаменевшей соли. Время здесь не текло, оно крошилось. Вибрация массивного старого перфоратора рвала его на мелкие, зазубренные секунды. *Ppp-tax. Ppp-tax.* Отдача била в плечи, вытряхивая из суставов остатки тепла, превращая людей в покорные, бездумные придатки слепого, ревущего железа. Тьма давила со всех сторон — густая, физически осязаемая масса, пахнущая спёртым потом, нагретым машинным маслом и остывающей, потревоженной породой.

Они работали в забое последние две недели. Задача была простая, как всё, что делается руками: пройти ещё пару десятков метров по жиле, уточнить состав, зафиксировать координаты. Но в это утро всё пошло не так. Жозеф заметил это ещё в клети, когда они спускались: воздух густел, становился

плотнее, будто кто-то добавил в него вес, и каждый вдох оставлял на альвеолах тонкую плёночную сырость.

Звук изменился внезапно. Синкопа. Исчезло тупое, привычное сопротивление камня. Бур резко, без предупреждения провалился в пустоту, взвизгнув вхолостую, как сорвавшийся с цепи пёс. Стена утробно, тяжело вздохнула. Мелкая крошка брызнула под резиновые сапоги, монолит дал трещину, и порода осыпалась с сухим, шуршащим кашлем, обнажив неровный, рваный провал сантиметров шестьдесят в диаметре.

Наступила тишина. Оглушительная, ватная, всасывающая в себя эхо падающего щебня.

Из образовавшейся брешки потянуло пронзительным, невозможным холодом. Это был запах забытых тысячелетий, влажной, первородной гнили и потревоженного глубокого сна — запах самой глубины, извергнутый наружу. Лучи налобных фонарей метнулись в проём, разрезая взвесь пыли жёлтыми, дрожащими конусами. Свет скользнул по невидимым сводам внутренней пустоты. Там, за границей чёткой видимости, шевелились тени. Смутные, пульсирующие сгустки мрака, медленно перетекающие друг в друга, словно черная вода под толщей льда.

— Карлос. Фонарь сюда, — хрипло сказал Жозеф.

Карлос, коренастый бурильщик с привычкой жевать сухую траву, когда внутри закипал страх, шагнул ближе. Он вцепился мозолистыми, белыми от напряжения пальцами в острый, крошащийся край пролома и заглянул внутрь. Запрокинул голову, пытаясь рассмотреть невидимый потолок пещеры, откуда исходило странное, едва уловимое шуршание, похожее на шелест сухих листьев в безветренном саду.

Сверху сорвалась капля.

Она упала на его грязную, покрытую холодной испариной левую щеку, чуть ниже скулы. Тёплая. Густая. Вязкая тяжесть медленно поползла вниз по коже, к уголку обветренного рта. Карлос замер. Машинально стер жидкость тыльной стороной ладони, ощутив кончиками пальцев её противоестественную, почти живую температуру — жидкость была теплее, чем всё, что могло существовать на этой глубине. Он опустил взгляд на руку и направил туда дрожащий луч фонаря.

В резком электрическом свете влага блестела густым багровым гляncем. Свежая. Алая. Кровь. С запахом ладана и цветущей гардении.

— Это кровь, — сказал Карлос. Голос его был ровным — настолько ровным, что эта ровность пугала сильнее крика. Камень над проёмом кровоточил, медленно и трудно, будто у породы была плоть, и эту плоть только что вскрыли ржавым железом.

Прежде чем разум успел осознать этот факт, из недр пещеры ударил звук. Пронзительный, вибрирующий визг на самом пределе человеческого слуха, от которого мгновенно полопались капилляры в глазах, а челюсти свело судорогой. В нём была высота, невозможная для горла, для гортани, для любых живых связок. Вой проникал не в уши — в кости, в череп, в позвоночник, заставляя тела цепенеть.

Из черного зева пролома выплеснулась живая, пульсирующая масса. Огромные летучие мыши — неестественно крупные, с размахом кожистых крыльев более метра — бросились наружу. Чёрная река, текущая против гравитации, против логики, против самого творения. Они били тугими, холодными перепонками по лицам, цеплялись когтями за пластик касок, рвали одежду в лоскуты. Возник настоящий, физический ветер, от которого свет налобных фонарей заметался по стенам рваными сполохами. Глаза тварей — Жозеф успел увидеть это на долю секунды — они были не красными, а слепыми, светящимися мертвенно-белым, фосфорическим блеском глубоководных чудовищ.

Визг стал невыносимым, порода резонировала, вибрировала в такт этому безумию. Рабочие кричали, закрывая головы окровавленными руками, но их голоса тонули в воющем урагане, как тонут камни в болотной жиже.

Через минуту стая ушла вверх по стволу, к поверхности, оставив после себя лишь свистящее эхо и запах первобытной бойни.

Наступила тишина. Но это была тишина отсутствия звуков, тишина послекатастрофная, когда воздух продолжает дрожать, сохраняя память о насилии. Жозеф опустил руки. Его пальцы были измазаны странной, горячей лимфой. Карлос стоял рядом, не шевелясь, сухая трава так и застыла между его побелевших губ.

И тут фонари на их касках начали гаснуть.

Один за другим. Медленно, будто выпиваемые темнотой. Жёлтые конусы света сужались, тускнели, превращаясь в крошечные, умирающие искры. Рабочие бросились к клетки, но Жозеф замер, не в силах отвести взгляд от пролома.

В абсолютной, наступившей темноте, там, за разбитой стеной, звук дыхания земли не прекратился. Он изменился. Он стал ближе. И сквозь этот ритмичный, глубокий вдох-выдох Жозеф отчётливо почувствовал, как в крошечной тьме что-то огромное, тяжёлое и водянистое медленно перевернулось на другой бок и сделало первый шаг навстречу.

Из глубины проёма, прямо к его ногам, беззвучно хлынул новый поток тёплой, густой жидкости, забрызгивая сапоги рабочих вязкой, пурпурной влагой.

Глава первая. Слепота

Вентилятор под потолком крутился.

Лео лежал на спине, не шевелясь, и смотрел, как лопасти — три, белые, обшарпанные, с налипшей за долгие годы оранжевой пылью — рассекают душный воздух над ним с ровным, убаюкивающим и страшным упорством. Он видел себя со стороны, сверху, чужим отстранённым взглядом: тонкие простыни, скомканные у влажных ног, голый торс, руки раскинуты в стороны, как у распятого или у того, кто сдаётся на милость победителя, — и вентилятор над головой, неумолимый, как секундомер на гильотине. Лопасти проносились перед потолком, разрезая облупившуюся штукатурку на белые сегменты, и каждый такой сегмент был отдельным кадром, отдельным состоянием его распадающегося сознания. Лео лежал под этим невидимым монтажным столом, чувствуя, как рецепторы плавятся, и не в силах собрать разрозненные мгновения в единую последовательность.

Три лопасти. Восемь оборотов в секунду. Двадцать четыре кадра — столько, сколько нужно человеческому глазу, чтобы неподвижное стало движением, чтобы мёртвое ожило, чтобы обман притворился правдой.

Он знал это из кино. В детстве, в далёком, призрачном Нью-Йорке, отец часто водил его в небольшие кинотеатры на ретроспективы — Годар, Коппола, Тарковский. Он, девятилетний мальчик, сидел в прохладном тёмном зале, вдыхая сладковатый запах изношенного плюша и потёртых кинематографических бобин, смотрел на экран, и экран показывал ему мир, в котором всё было либо медленнее, либо быстрее, чем в настоящей жизни. В этой щели, в этом зазоре между экраном и реальностью, и существовало истинное кино. Там, в «Апокалипсисе», Мартин Шин лежал на постели точно так же: душный потолок, крутящийся вентилятор, лопасти, лопасти, липкий пот, — а потом он вставал и шёл в душ, и мутная вода смывала с него Вьетнам, но на самом деле не смывала ничего, оставляя войну под кожей.

Но песня была другой. И Лео был не в Сайгоне. Лео был в Киншасе. И никакая вода в мире не смогла бы смыть с него то, что осталось на его коже этим утром, — этого было так много, что оно уже проросло внутрь, впиталось в поры, стало частью его собственной биологии.

Чужой пот. Его собственный — тоже здесь, но он был привычным, растворённым, невидимым, как невидим воздух, которым дышишь каждый день от рождения. А поверх него — другой: солёный, тонкий, с тем особенным, мучительным послевкусием, которое оставляет на теле не просто чужая плоть, а пугающая близость, — то, что рождается между вдохом и выдохом другого человека, когда расстояние равно нулю и ты уже теряешь рассудок, не зная, где кончаешься ты сам и где начинается она.

Она.

Воздух в номере — густой, сырой, тропический, застоявшийся за ночь за закрытыми деревянными ставнями, — хранил в себе пряный запах ливня. Дождь шёл всю ночь. Лео слышал его сквозь лихорадочный сон — или сквозь то, что казалось сном, — крупные, безжалостные капли барабанили по жестяному карнизу с ритмом, похожим на бешеное сердцебиение. Теперь, утром, эта влага висела в комнате плотной взвесью, оседала на стенах, на мутном стекле, на бледной коже, превращая всё вокруг в нечто клейкое, живое, дышащее в унисон. И среди этой душной сырости — ещё один запах, еле ощутимый, цветочный, и абсолютно не его: что-то приторно-сладкое, тёмное, экзотическое, — не как парфюм из *duty free* или туалетное мыло, а как густой аромат ночного цветка, растущего в какой-то древней, жирной, не знавшей зимы земле. Этот запах держался в воздухе с упрямством, которое имело физический вес и осязаемую текстуру.

На прикроватной тумбочке темнела бутылка. Местная, дешёвая, с грязной этикеткой, буквы на которой Лео не мог разобрать, потому что они двоились и плясали перед глазами: *Lotoko* — кукурузная водка, перегоняемая в самодельных аппаратах на окраинах, пахнущая горелым зерном, дымом и техническим спиртом. Рядом, на полу, сиротливо жались две пустые бутылки пива *Primus*, а третья, наполовину полная, тёплая и плоская, стояла у ножки кровати.

Лео с трудом повернул голову. На соседней подушке осталась вмятина. Чужая. Там, где ещё недавно покоилась чья-то голова, ткань была мокрой и пахла тем самым одурманивающим цветочным ароматом. Он наклонился, вдохнул этот след, и в этот момент внутри него качнулся гипнотический маятник — туда-сюда, туда-сюда, — и он с ужасом понял, что помнит и не помнит одновременно. Память его превратилась в решето, в дырявое сито, через которое утекло всё рациональное, оставив лишь животные, чувственные детали: температуру тела, жёсткость коротких волос, прижатых к черепу, обжигающий шёпот и музыку, которая до сих пор звенела в ушах.

...Love is blindness...

Песня играла в баре. Лео помнил это отчётливо. Бар «Ле Копакабана» — совсем не тот, роскошный, что в Рио, а его конголезский тезка, уютный в своём убожестве, жалкий, обаятельный, с кривыми деревянными стульями и барменом, который улыбался так, будто улыбка была формой профессиональной вежливости, а не живым чувством. Бар притаился на авеню де ла Жюстис, в том районе, где бельгийская колониальная архитектура — помпезная, с высокими балконами и облупившейся лепниной — давно перестала быть колониальной и стала просто декорацией для никому

ненужного увядания, как становится просто тряпкой мундир, с которого сорвали погоны.

Лео прилетел в Киншасу утром — изматывающим рейсом из Найроби через Аддис-Абебу, четырнадцать часов в воздухе и на пересадках. К вечеру он уже находился в том особенном состоянии полусонной дезориентации, когда тело уже перенеслось в другой часовой пояс, а мозг застрял где-то над океаном, и между ними образовался зазор, ментальная щель, в которую безвозвратно проваливается всё, что принято звать здравым смыслом. Он добрался до гостиницы «Ориент-Экспресс» — дешёвой, но относительно чистой, бросил рюкзак на кровать, принял еле тёплый душ с устойчивым запахом ржавчины, переоделся и спустился в лобби. Там его уже ждал Реми Гайяр, который безапелляционно заявил: «Пойдём выпьем, Гонзалес. Завтра начнётся ад в красной зоне, а сегодня мы ещё имеем право побыть людьми».

Реми Гайяр. Француз. Врач-инфекционист. Сорок два года — или сорок три, он никогда не называл точную цифру, как не называют её те, кому эта цифра категорически не нравится. Высокий, болезненно худой, с лицом, на котором вечная усталость и едкая ирония жили бок о бок, как соседи, которые ненавидят друг друга, но не могут разъехаться из-за нехватки денег. Он работал в Конго уже два года — сначала в Букаву, потом в Кисангани, теперь в Киншасе, координировал программы ВОЗ. За эти два года Реми оброс тем непробиваемым, злым цинизмом, который появляется от того, что человек слишком долго смотрит на вещи, которые вообще не должны существовать в цивилизованном мире, и вынужден каждый день называть их по имени.

Разведённый. Жена ушла полгода назад — Лео не знал деталей, а Реми не распространялся, но по тому, как француз смотрел на местных женщин — быстро, оценивающе, с голодной жадностью, прячущейся за изысканной учтивостью, — было ясно, что рана внутри него всё ещё кровоточит, а цинизм — лишь сухая корочка на этой ране.

— За миссию, Гонзалес, — Реми поднял полную рюмку. Текила была местной, без названия, с резким запахом печёной агавы и бензина.

— За миссию, — Лео чокнулся с ним.

Они пили грубо и быстро. Текила — в рюмку, залпом, а следом — глоток ледяного, колющего горло пива *Primus*. Этот ритуал Лео привёз ещё из Техаса, из колледжа, с тех времён, когда алкоголь был не только удовольствием, но и формой доступного самоуничтожения. Реми же пил иначе: медленно, смакуя каждый глоток, как истинный сомелье, и каждую рюмку сопровождал язвительным комментарием: «Слабая», «Лучше, чем та дрянь в Букаву», «О, а в этой есть нота земли, если бы только у кукурузы водилась душа».

Бар был заполнен наполовину. Местные мужчины в ярких рубашках, женщины с высокими причёсками, экспаты из ООН, парочка заезжих туристов-

авантюристов и хмурый военный советник из Марокко, который пил чистый виски и смотрел в одну точку. Из динамиков, прибитых к стенам грязным скотчем, лился пёстрый музыкальный поток — лингала, соул, электронные басы, а потом, вдруг, без всякого перехода, колонки выплюнули тягучий, дребезжащий звук.

...I don't want to see...

U2. «Love is Blindness». Лео мгновенно узнал первые такты — этот низкий дрон клавишных, тяжёлый и густой, как чёрный мёд. Внутри него что-то болезненно дёрнулось, как дёргается оголённый нерв, когда задевают давний, забытый шрам. Песня из далёкого прошлого. Из того самого кинотеатра «Сан-Мартин», где он сидел подростком и ещё не понимал смысла всех этих английских слов, но кожей чувствовал безнадёжный, красивый, обволакивающий тон, от которого хотелось зажмуриться и никогда больше не открывать глаза.

— А тебе в каком исполнении она нравится больше? — Реми повернулся к нему, держа рюмку так, что тусклый свет от стойки проходил сквозь жёлтую жидкость, окрашивая его пальцы в цвет старого золота. — U2 или Джек Уайт?

Лео слушал, как нарастает музыкальное удушье. Боно тянул слова, растягивал гласные, и эти гласные были тягучими, как патока, как ночной воздух Конго.

— Джек Уайт, — ответил Лео. — Уайт честнее. В ней чувствуется разрушение.

Реми усмехнулся. Усмешка была короткой, кривой, с одним приподнятым уголком рта — излюбленный жест человека, который привык спорить ради самого процесса.

— А мне U2, — отрезал француз. — Уайт — это просто ремесло. Техника. Он берёт чужую боль и устраивает из неё рок-н-рольную истерику. Но U2 — это оригинал. А оригинал, Гонзалес, всегда ранит сильнее, потому что он родился в темноте, а не под софитами.

Лео хотел возразить. Он мог бы сказать, что Уайт не просто перепевает — он разбирает песню на части, как старинные карманные часы, чтобы обнажить шестерёнки, чтобы увидеть сам механизм страдания, и в этой хирургической анатомии есть своя суровая честность, которой лишён сентиментальный оригинал. Лео мог бы это сказать, но текила уже сделала своё дело — разжижила внутренние границы, превратила мысли в зыбкие полутени. А в следующий миг в огромном, покрытом слоем жира зеркале за бутылками, отражавшем входную дверь, он увидел её.

Она вошла так, словно это пространство принадлежало ей по праву рождения и давно её ждало: без спешки, без ложной робости, без того

кокетливого замедления шага, которым пользуются те, кто отчаянно ищет чужого внимания. Не так, как обычно входят в портовые бары одинокие женщины. Она просто возникла. Стала частью геометрии бара, как становится частью холста точный мазок мастера, — естественно, неизбежно, так, будто до её появления здесь зябко дрожала пустота, а теперь мир обрёл завершенность.

Двадцать три года — это он узнает позже. Но в ту секунду земной возраст не имел значения, потому что она принадлежала к редкой породе женщин, существующих вне хронологии, как существуют вне времени великие реки или горы: они просто всегда были и всегда будут.

Её кожа была невероятно тёмной — глубокой, бархатистой, с тем редким подкожным свечением, которое бывает у людей, чья плоть напитана солнцем, а не сожжена им. В полумраке кабака эта кожа отливала матовой бронзой и янтарём, если поднести к нему горящую спичку. Короткие, жёсткие волосы, подстриженные почти под ноль, безжалостно обнажали идеальную линию лба, высокую шею и хрупкий затылок. И в этой абсолютной открытости, в этой обнажённости черепа не было беззащитности — наоборот, в ней угадывалась пугающая точность, с какой точен оголённый нерв или свежая рана.

На ней было яркое платье из плотной ткани-ваксы, покрытое сложными геометрическими узорами, спиралями и ломаными линиями. Лео не мог их расшифровать, но ему казалось, что эти узоры живут собственной жизнью, приходя в движение при каждом её шаге. Каждая линия была не украшением, а тайным знаком, принадлежащим древнему, забытому языку, к которому человеческий алфавит был неприменим.

Она опустилась на высокий стул у барной стойки, всего в двух шагах от них. Поставила перед собой бутылку минеральной воды «Аква» с блёклой голубой наклейкой. Бармен, секунду назад лениво разглядывавший свои ногти, мгновенно материализовался перед ней со льдом, словно подчиняясь беззвучному приказу королевы.

Реми, разумеется, заметил её первым. Это было его проклятием: он видел красивую женщину как охотник видит мишень — мгновенно, с холодным расчётом, который прятался за натренированным парижским обаянием. Он плавно развернулся на стуле, подался вперёд и ослепительно улыбнулся:

— Добрый вечер, мадемуазель. Позвольте представиться — Реми Гайяр, инфекционист из Всемирной организации здравоохранения. А это мой коллега, Лео Гонзалес, он тоже врач, но слишком скромен для этой ночи и потому предпочитает молчать.

Она посмотрела на француза. Спокойно, прямо — тем непереносимым взглядом, который ничего не ищет и ничего не избегает, а просто фиксирует реальность, как чистое зеркало.

— Имани, — произнесла она низким, с лёгкой хрипотцой голосом. — Имани Нгой.

Её имя прозвучало как застывшая музыка, как голос, заключённый в изящный треугольник арфы, а не как обычное сочетание букв. Произнесённое вслух, оно зависло в душном воздухе на секунду дольше, чем положено по законам акустики, и от этой лишней секунды у Лео поползли крупные мурашки по предплечьям — это было непохоже на холод или страх — это было дикое, необъяснимое чувства узнавания, словно тело вспомнило ритм, который никогда раньше не слышало.

— Вы местная? — спросил Реми, сокращая дистанцию.

— Зависит от того, что именно вы называете этим словом, — Имани чуть улыбнулась, и её улыбка была ровной, как зеркало воды перед тем, как в него рухнет камень.

— Нет, — выдержав театральную паузу продолжила она. — В Киншасе у меня дела.

— О, и какие же?

— Личные, доктор.

Реми наигранно рассмеялся — так смеются мужчины, желающие показать, что лёгкий отпор их ничуть не задел, — и обернулся к стойке:

— Бармен, ещё текилы. Три рюмки.

Имани медленно подняла бровь, всматриваясь в запотевшее стекло.

— Я не пью текилу.

— Обязательно попробуйте, — Реми пододвинул к ней стопку. — Она отвратительна. Но в сочетании с пивом становится сносной. Как и вся наша жизнь в этой прекрасной стране.

Она посмотрела на рюмку, а затем перевела взгляд на Лео. Тот молчал. Он не мог думать об этой женщине, потому что мысль требует расстояния, перспективы, а никакой дистанции между ними уже не оставалось. Лео с удивлением фиксировал, как учащается его пульс и как внутри нарастает то самое чувство, которое испытываешь, стоя на краю глубокого обрыва: восторг, смешанный с неизбежностью падения.

— Хорошо, — согласилась Имани и взяла стопку тонкими, длинными пальцами. — Но сначала у меня вопрос к вашему молчаливому другу.

Она впиалась глазами в Лео.

— Вы ведь американец?

Лео внутренне вздрогнул от безжалостной точности её догадки.

— Почему вы так решили?

— Ваш французский, — она слегка наклонила голову, и этот жест показался Лео настолько древним, будто она тренировала его веками. — Он звучит чудовищно. Он насквозь пропах Техасом.

Реми захохотал в голос, хлопая себя по колену:

— Гонзалес, она раскусила тебя с первого слова!

Лео неловко улыбнулся. Улыбка вышла вымученной.

— Мои родители из Аргентины, — выдавил он. — Но медицинскую школу оканчивал в Гарварде, а потом немного практиковал в Техасе. Так что да, мой французский ужасен. Я знаю.

— Он не ужасен, — Имани поднесла рюмку к мерцающей вывеске, и мутная жидкость вспыхнула золотом. — Он честный. Вы не умеете прятать свой акцент, Лео, а значит, не умеете прятаться сами. В наших краях это опасная редкость.

Она выпила. Одним точным, слитным движением — не залпом, но и не пригубливая — просто перелив алкоголь внутрь себя. Поставила пустую стопку на дерево стойки и на мгновение закрыла глаза. В эту единственную секунду её лицо странно изменилось: мелкие мимические мышцы расслабились, пухлые губы приоткрылись, и Лео сквозь хмель увидел — как видят внутренности на рентгеновском снимке, — что под этой маской уверенности и царственного покоя прячется нечто иное. Что-то безмерно глубинное. Тёмное. Что-то, что знало о нём самом гораздо больше, чем он мог себе вообразить.

— А вы? — спросила Имани, открывая глаза и глядя прямо в его зрачки. — Откуда вы знаете эту музыку?

Лео не сразу сообразил, о чём она. Потом прислушался: «Love is Blindness» всё ещё тянулась из динамиков, как заевшая грампластинка, заполняя бар удушливым туманом скорби.

— Из детства, — тихо ответил он. — Из какого-то фильма...

— Из фильма, — повторила она, и это слово прозвучало в её устах как окончательный приговор.

Они продолжали пить. Текила сменялась пивом, пиво — текилой. Реми без умолку говорил, рассказывая дикие истории о Букаву и Кисангани, о том, как он тушил вспышку Эболы и как однажды ночью в госпитальной палатке услышал, что за стеной поёт кто-то нечеловеческий, — поёт так страшно и сладко, что у него, завязатого циника, хлынули слёзы, которые он не мог остановить до рассвета. А утром выяснилось, что в ту ночь в лагере не умер ни один безнадежный больной, хотя гемоглобин у троих упал до критического минимума.

— Обычное суеверие, — горячился Реми, и его голос был слишком громким, словно он убеждал в этом не их, а самого себя. — Массовый психоз на фоне стресса, бессонницы и местного фольклора. Но совпадение, согласитесь, чертовски странное.

Имани слушала его молча. Она уже отказалась от минералки и пила обжигающую текилу наравне с ними. Её молчание было плотным, осязаемым, как пауза в оркестровой партитуре, как полное отсутствие звука, как пространство, в котором этот звук созревает перед ударом.

— А вы, Имани? — Реми наклонился к ней почти вплотную, позволяя себе ту наглую близость, которую демонстрируют пьяные мужчины. — Чем вы зарабатываете на жизнь?

— Я учительница, — спокойно ответила она. — При католическом приходе в небольшом провинциальном городке. Учю маленьких детей читать, писать и считать.

— Католический приход? — француз цинично усмехнулся. — И вы верите во всю эту чушь с распятием?

— Я верю, — её глаза блеснули в темноте. — А вы, доктор?

— Я француз, — гордо заявил Реми, и это прозвучало одновременно как диагноз, как приговор и как нелепое извинение перед вселенной.

Имани улыбнулась своей ровной, водной улыбкой, и в этой улыбке Лео преломлённым текилой зрением увидел глубокое, почти материнское сострадание. Так смотрят на смертельно раненого солдата, который ещё не понял, что его внутренности вывалились на траву.

— Лео, а вы? — она впервые обратилась к нему по имени, и его имя в её устах обрело совершенно иное звучание — не короткое «Лео», к какому он привык в Бостоне, а протяжное, с густым ударением на втором слоге, превращая имя в античное описание хищника: лев. — Зачем вы приехали сюда?

— Официальная миссия ВОЗ, — с трудом выговорил он, стараясь, чтобы язык не заплетался. — Мобильная клиника, лагеря беженцев в Верхней Катанге.

— Верхняя Катанга... — повторила она, и в её голосе прорезался холод. — Что ж. Может быть мы увидимся там, за холмами.

— Вы едете туда?

— Я иногда там бываю, — тихо произнесла Имани. — Знаете, Лео, Катанга — это такое место, из которого невозможно уехать навсегда. Земля, которая никогда и никого не отпускает живым.

Она сказала это обыденно, но сквозь хмель он уловил в её интонации нечто свинцовое, первобытное. На мгновение ему стало по-настоящему страшно, но это был страшный восторг самоубийцы, который уже стоит на

парапете и знает, что шагнёт вниз — нет, не из-за того так хочет умереть — просто гравитация бездны сильнее его воли.

...Won't you wrap the night around me...

Музыка продолжала душить бар. Текила в бутылке иссякла. Реми что-то яростно доказывал бармену — поминал короля Леопольда, резиновые плантации, отрубленные руки конголезцев, бельгийский колониальный позор. Французы всегда начинают без умолку говорить, когда алкоголь обнажает их внутреннее одиночество. Но Лео уже не слышал Реми. Он слушал только её: не слова — плотное молчание между ними, ритм её глубокого дыхания, шелковистое шуршание ткани платья о её гладкую кожу, едва слышный скрип высокого стула, когда она слегка поворачивала торс.

— Так откуда вы, Имани? — наконец-то спросил он.

— Потанцуйте со мной, — вместо ответа сказала она.

Не «давайте потанцуем», не «вы не хотите потанцевать?». Это было как повелительное наклонение. Как древнее заклинание. И Лео поднялся со стула послушным манекеном, подчиняясь импульсу: его мышцы сработали раньше, чем разум успел выставить логические барьеры.

Он плохо помнил сам танец. Точнее, память сохранила лишь ослепительные, пересвеченные алкоголем осколки той ночи, никак не связанные между собой законами рации.

Один из этих осколков, обжигающий пальцы: её рука на его плече. Её пальцы — длинные, сильные, с коротко обстриженными ногтями — лежали на грубой ткани его рубашки, и от этого простого прикосновения ткань мгновенно растворилась, исчезла, и её ладонь легла прямо на его голые ключицы, и кожа под её пальцами вспыхнула чистым термическим огнём.

Другой осколок ночи, пахнувший темно-красными листьями и надвигающейся грозой: её лицо в нескольких сантиметрах от его лица. Теперь он точно знал, откуда исходил этот одурманивающий цветочный аромат — он шёл от её кожи, от её дыхания, от её открытого затылка. Это не был парфюм, купленный в магазине, это был её собственный запах, встроенный в тело, неотделимый от плоти, как пахнет дикое растение после полуденного ливня.

Ещё одна вспышка памяти: её приглушённый голос, шепчущий слова на непонятном языке, который не был похож ни на французский, ни на лингала, ни на суахили. Язык был гортанным, утробным, и эти чужие слова складывались в странную песню. В этой песне не было привычной мелодии — только дикий, первобытный ритм, который с пугающей точностью совпадал со стуком его собственного сердца, ускоряя его вопреки законам медицины.

А затем — она смеялась. Тихо, с хрипотцой, обнажая ровные белые зубы. И этот смех был странным — не весёлым, скорее освобождённым, как смеётся

узник, с которого после долгих лет заточения в кромешной тьме наконец-то сбросили железные оковы.

И снова текила. Прозрачная жидкость, льющаяся в стаканы, тёплое пиво, которое они пили прямо из горлышка. Имани запрокидывала голову, и Лео заворожённо смотрел на безупречную линию её шеи — длинную, беззащитную, с глубокой пульсирующей ямкой между ключицами. Он отчётливо видел, как под её тонкой кожей бьётся живая, горячая тёмная кровь.

Короткий отблеск уличных фар: Реми. Француз остался сидеть у барной стойки в полном одиночестве, глядя на них сквозь стекло своей пустой рюмки. На какую-то долю секунды его лицо показалось Лео настолько покинутым и старым, что у него болезненно сжалось сердце. Но Имани сделала резкое движение, развернулась, прижалась к нему всем телом, и весь мир снова сузился до размеров её зрачков.

А потом — такси. Жёлтый, разваливающийся на куски дребезжащий «Мерседес» с молчаливым водителем, который даже не оборачивался назад. За мутным окном проносился ночной город: ядовитые неоновые вывески, длинные уродливые тени на бетонных стенах, уличные торговцы алкоголем и дурью, треск мотоциклов, костры, горящие прямо на грязных обочинах, удушливый запах гниющего мусора и жареных бананов. Всё это мелькало перед глазами, как рваные кадры в испорченном кинопроекторе, когда плёнка начинает плавиться от тепла лампы.

Она сидела на заднем сиденье рядом с ним. Её ладонь лежала на его колене. Пальцы — сильные, тёплые — сжимали его сустав с той безжалостной точностью, которая говорила: я знаю, где ты сейчас находишься, я знаю, кто ты такой на самом деле, я знаю каждую твою тайную мысль, и тебе не нужно ничего мне объяснять.

— Ты насквозь пахнешь страхом, белый доктор, — произнесла она тихо, прямо ему в губы. Её дыхание обжигало.

— Я не боюсь, — соврал он, чувствуя, как пересыхает во рту.

— Это не обвинение, Лео. Страх — это единственная честная правда человеческого тела. Тело всегда гораздо честнее твоего гордого разума.

Он хотел возразить, хотел сказать, что он окончил Гарвард, что он полевой медик, что он видел смерть десятки раз и умеет держать себя в руках, но слова намертво застряли в горле. Вместо ответа он наклонился и поцеловал её. Её губы были горячими, влажными, с горьким привкусом кукурузной водки, соли и чего-то исконного, земляного. От этого поцелуя у Лео закружилась голова — физически, по-настоящему, как кружится голова у человека, летящего с крыши небоскрёба без парашюта.

Последний проявленный осколок ночи: тёмный коридор гостиницы. Крутая винтовая лестница. Номер — его собственный или чужой, он уже не соображал. Скрежет ключа в ржавом замке. Склизкая тьма внутри комнаты, и лишь узкая полоса жёлтого света от уличного фонаря, пробившаяся сквозь щель в ставнях, упала на серую стену. На этой стене они увидели свою тень — одну-единственную, слитную, огромную, неразделимую тень монстра, у которого было два сердца.

Кровать. Жёсткие простыни. Их общий запах, заполнивший комнату, как душливый газ. Этот запах очертил новую территорию, невидимую границу, пересечение которой для Лео было абсолютно необратимым.

И её шёпот. Чужие, вибрирующие слова прямо в его ушную раковину. От этой вибрации колебалась его барабанная перепонка, передавая дрожь дальше, в позвоночник, в кости, в кровь. А потом наступила тишина. Глубокая, звенящая, как тишина на поле боя после взрыва крупнокалиберного снаряда, в которой переплелись два рваных дыхания.

Провал. Абсолютная темнота.

...Oh my heart...

Громкий, настойчивый стук в дверь разорвал пелену забвения.

Лео резко открыл глаза. Вентилятор над головой продолжал крутиться с прежней монотонностью. Белые лопасти отсчитывали секунды его новой, разбитой реальности. Он лежал на простынях совершенно один. Вся кожа была липкой, покрытой подсохшим слоем чужого и своего пота. Бутылка из-под *Lotoko* валялась на полу, а сквозь щели деревянных ставней пробивался ядовитый, пыльный утренний свет Киншасы.

Стук повторился, на этот раз громче.

— Мистер Гонзалес?

Голос за дверью был женским, сухим, вежливым — профессиональный голос гостиничной горничной, привыкшей будить постояльцев после бурных ночей. В этом голосе не было ничего личного, никакой тайны — чистая функция.

— Мистер Гонзалес, я принесла ваш утренний кофе и грейпфрутовый сок.

Лео рывком сел на кровати. Деревянный каркас протестующе скрипнул. Голова была тяжёлой, свинцовой, как после плохого наркоза. Каждое движение отзывалось тупой болью в затылке, виски бешено пульсировали.

— Поставьте поднос у двери, — крикнул он, и его собственный голос показался ему хриплым, надсаженным, чужим. — Я сейчас встану.

За дверью послышались лёгкие, быстрые шаги горничной, удаляющейся по длинному коридору.

— Я разве это заказывал? — крикнул он ей вдогонку, но ответом ему была лишь глухая тишина гостиницы.

Лео несколько минут сидел на краю матраса, опустив голову на ладони и пытаясь удержать ускользающие обрывки ночных видений. Потом он встал — резко, сжав зубы. Профессиональные рефлексы и холодный аналитический ум, вбитые годами тренировок, мгновенно включились, заглушая похмельный бред. Классический сценарий для белого дурака-туриста: красивая местная девушка в портовом кабаке, текила, провал в памяти, скополамин в стакане, пустые карманы. Каким же кретином нужно быть, чтобы подставиться в первую же ночь в Африке!

Он бросился к стулу, где бесформенной кучей валялась его одежда. Джинсы. Рубашка. Он лихорадочно выхватил кожаный бумажник и раскрыл его. Пачка наличных долларов — на месте, до последней купюры. Корпоративная кредитная карта Visa — на месте. Удостоверение сотрудника ВОЗ, международное водительское разрешение — всё лежало в строго определённых кармашках, нетронутое, неподвижное.

Он перевёл взгляд на рюкзак, стоявший у стены. Молния главного отделения застёгнута, пломба-индикатор на замке цела. Он сорвал её, открыл рюкзак: рабочий ноутбук со сложным двойным шифрованием лежал на своём месте. Паспорт, командировочные документы миссии в запечатанном конверте — всё было в идеальном порядке. Медицинский кейс с ампулами заперт на кодовый замок. Ни одна вещь в комнате не сдвинулась ни на миллиметр.

Всё было на месте.

Она ничего не взяла.

Эта мысль ударила его первой, как автоматический удар под дых. За ней следом пришла вторая, такая же липкая, как его пот, и стыдная: почему он вообще проверял? Он проверял, потому что так предписывали инструкции, потому что во всех этих прифронтовых и неблагополучных городах, где ему уже пришлось побывать по долгу службы — Найроби, Амман, Дакка, — всегда ходили одинаковые жуткие истории об экспатах, проснувшихся в дешёвых номерах без денег, документов или с грубым швом на боку вместо почки. Лео проверял вещи не потому, что не доверял Имани, а потому, что он уже перестал доверять этому миру.

Или всё-таки доверял ей?

Он взял со стола телефон, разблокировал экран и зашёл в список контактов. Прокрутил пальцем историю за вчерашний день. Бар. Такси. Гостиничный коридор. Он отчётливо, до боли в суставах помнил, как уже здесь, в номере, удерживая её за тонкую талию, открыл телефон, и она продиктовала

ему свой номер, а он нажимал пальцами на цифры. Она ещё улыбнулась тогда своей странной улыбкой и шепнула: «Смотри не потеряй, белый доктор».

В телефоне не было ничего. Ни одной новой записи. Никакого имени на букву «I». Никакого пропущенного или набранного номера. Список вызовов был девственно чист, словно вчерашний вечер, бар «Ле Кобакабана», текила и сама Имани Нгой были лишь плодом его воспалённого похмельного воображения.

Лео медленно положил телефон обратно на тумбочку. Постоял секунду, слушая мерзкий скрежет потолочного вентилятора, затем накинул халат, приоткрыл дверь номера и забрал с пола поднос. На нём стояла белая керамическая чашка с дымящимся чёрным кофе, высокий стакан с мутной розовой жидкостью грейпфрутового сока и два кубика сахара в бумажной обёртке. Горечь к горечи. Стандартный завтрак для стандартного постояльца.

Он перенёс поднос на стол и направился в ванную комнату, чтобы принять ледяной душ и смыть с себя этот навязчивый, сводящий с ума налёт прошедшей ночи. Включил свет. Архаичная люминесцентная лампа под потолком натужно зажужжала, моргнула несколько раз и наконец залила мертвенно-белым светом пожелтевший кафель стены.

Лео подошёл к раковине и поднял глаза на зеркало.

На большом, слегка запотевшем от утренней сырости стекле горела размашистая надпись. Буквы были выведены крупно, с яростным, уверенным нажимом. Жирная, ярко-бордовая губная помада. Рука, писавшая это в полутьме, явно не дрожала от страха и точно знала, что эти слова прочтут.

Я найду тебя.

Глава вторая. Витражи

Её укрытие пахло перегретым пальмовым маслом, жжёным луком и сладковатым дымом древесного угля. За рваным брезентовым навесом уличной жаровни, где грузная женщина переворачивала в кипящем фритюре золотистые шарики аккра, Имани была полностью скрыта от чужих глаз. Плотная завеса чада и пара надёжно отделяла её от шумной улицы.

Она стояла абсолютно неподвижно. На ней было длинное, строгое белое платье из плотного хлопка с высоким закрытым воротом. Голову покрывал белый платок, повязанный по традиции католических приходов Верхней Катанги — туго, полностью скрывая волосы и шею. В этом облачении её тонкий силуэт казался выточенным из слоновой кости, а лицо на контрасте с белоснежной тканью выглядело ещё темнее, глубже и выразительнее, подобно тёмной воде лесного озера перед грозой.

Она ждала его.

Это ожидание существовало вне логики и решений. Оно жило в самом её дыхании, в биении пульса на запястьях, в том непостижимом чувстве, которое пригнало её сюда ранним утром через мокрый, лениво просыпающийся город. И это ожидание было телесным: как не может не дышать лёгкое, как не может не биться сердце.

Она стояла на углу авеню Каса-Вубу, наблюдая за фасадом костёла Святого Петра, и смотрела, как жаркое солнце медленно зажигает его неоготические башни. Сначала оранжевый отблеск коснулся верхних карнизов, затем золотая волна спустилась к подножию ступеней, и, наконец, витражная розетка над входом вспыхнула изнутри густым, ослепительным светом.

В восемь пятнадцать появился Гонзалес. Лео.

Имани узнала его шаг ещё до того, как разглядела лицо. Быстрый, собранный, чеканный шаг человека, привыкшего переступать пороги больничных палат. Он шёл в светлой рубашке, с рюкзаком через плечо. Из-за брезентового навеса Имани вглядывалась в его черты и поражалась увиденному: в его облике не осталось и следа от безумной, бессонной ночи и выпитого алкоголя. Он выглядел абсолютно свежим, собранным, умытым, с ещё сырыми после душа темными волосами. Это безупречное бесстрашие его тела, способность выглядеть чистым посреди тропического хаоса заставили её сердце сжаться.

Когда Лео остановился у подножия лестницы и поднял голову к розетке, утреннее солнце ударило ему прямо в лицо. Кожа его мгновенно вспыхнула бронзой и золотом, словно на древней фреске.

В груди Имани оборвалась тонкая, натянутая нить. На её место пришла волна невиданной прежде нежности — глубокой, оглушающей, почти святотатственной. Это было совершенно новое чувство, непохожее ни на что из того, что она знала раньше. К собственному мужу она никогда не испытывала ничего подобного: там всё строилось на долге, тени и замалчиваемой боли. А здесь, перед лицом этого незнакомого белого врача, в ней проснулся дикий, отчаянный порыв. Ей нестерпимо захотелось выбежать из тёмного укрытия, пересечь улицу, обнять его изо всех сил, прижать его голову к своей груди и держать так, не отпуская ни на сантиметр.

Это было то самое объятие, каким её сама когда-то обнимал дедушка. В те далёкие, страшные дни, когда бабушка молча собирала свои, только ей одной принадлежавшие вещи и уходила из дома в глухую темноту, в сторону джунглей, оставляя после себя лишь запах разрытой земли и засушенных трав. В такие дни дед садился на деревянный порог, усаживал маленькую Имани на колени и прижимал к себе с такой силой, словно пытался заслонить своим телом от всего мира. В том старом дедовском тепле не было слов или обещаний — только глухая, спасительная защита.

Сейчас Имани хотела стать такой же защитой для Лео. Она ощущала, как вокруг него смыкается невидимое кольцо опасности, центром которого была она. И эта отчаянная жажда уберечь его жгла её изнутри.

Она дождалась, пока громоздкая дубовая дверь костёла поглотит фигуру американца. Выждав три минуты, Имани вышла из-за брезента и бесшумно направилась к храму.

Внутри царила благословенная, гулкая прохлада. Толстые каменные стены удерживали ночную свежесть, защищая пространство от подступающего полуденного зноя. Но главным в костёле был свет. Утреннее солнце уже поднялось достаточно высоко, и узкие стрельчатые витражи зажглись в полную силу. Высокие цветные столбы — сапфирово-синий, густой рубиново-красный, янтарно-золотой — пронзали полумрак насквозь, разрезая воздух острыми, пульсирующими лезвиями. Пылинки танцевали в этих лучах, превращая внутреннее пространство в сияющий, молитвенный колодец.

Лео сидел во втором ряду от алтаря. Его голова была опущена, пальцы сцеплены в тугой замок. Он молился, погруженный в знакомый с детства католический канон, находя в нём единственную опору посреди этого странного, конголезского мира. Рядом с ним на полированной скамье лежал потёртый чёрный рюкзак с пришитой вручную, слегка кривоватой эмблемой ВОЗ — в этой неровной строчке проглядывала трогательная человеческая усталость.

Имани подошла не издав ни звука и тихо опустилась на скамью рядом с ним.

Лео вздрогнул. Его молитва оборвалась. Он повернул голову, и в его карих глазах, подсвеченных снизу цветным отблеском витражей, вспыхнуло чистое, ошеломлённое изумление.

— Имани?.. — выдохнул он.

— Тише, — едва слышно шепнула она, указывая взглядом на алтарь. — Мы в доме Божьем.

— Как ты... откуда?

— Ты сам спросил меня прошлой ночью, — её голос звучал тихо, но заполнял всё пространство между ними, подобно воде, наливаемой в хрустальный сосуд. — Ты спросил, где здесь можно помолиться на рассвете. Я ответила: костёл Святого Петра, в восемь утра.

Лео нахмурился, тщетно пытаясь выудить это воспоминание из мутных провалов памяти:

— Спросил? Когда? Я не помню этого...

— Я знаю.

Витражи продолжали лить свой пронзительный свет. Синий и красный лучи скрещивались прямо на её белом платье, окрашивая ткань в пурпур. Взгляд Лео скользнул к её шее. Там, поверх строгого ворота, в том месте, где ключицы сходятся в V, где кожа тонкая и под ней видна пульсация, на тёмном шнурке висел амулет, которого не было накануне вечером.

Он не был похож на крест. Он не был похож на икону. Он был другим, древним, чужим, — и в то же время Имани носила его поверх белого платья, поверх белого платка, — и это поверх было не вызовом, не противоречием, а сосуществованием: два мира, два взгляда, два понимания, живущие в одном теле, на одной шее, рядом, вместе, не мешая друг другу. Это был небольшой, отполированный от времени деревянный цилиндр, обмотанный сухими жилами и исписанный тонкой резьбой, узором — круг, внутри которого точка, а вокруг точки — спираль.

Лео взгляделся в узор, и его голос понизился до профессионального шёпота:

— Это Нкиси?

В глазах Имани блеснул живой, изумлённый огонёк:

— Ты знаешь это слово?

— Я читал о Конго перед поездкой, — ответил Лео, сохраняя дистанцию. — Нкиси это... Дух? Предмет силы? Хранитель?.. Я читал разные интерпретации.

— Хранитель, — мягко повторила она, и в её интонации прозвучала глубокая, древняя уважительность к человеку, который попытался понять её мир. — Да. Можно назвать это так.

— Хранитель, — повторил Лео. Посмотрел на амулет. Потом снова на неё. В глаза. — А что он хранит?

Имани не ответила. Она полезла в свою небольшую сумочку из пальмового волокна и извлекла оттуда массивный предмет. Это был толстый медный браслет, покрытый потемневшей от времени гравировкой — те же спирали и точки, что и на деревянном амулете. Металл казался удивительно тёплым, словно хранил в себе живое человеческое дыхание.

Имани взяла Лео за правую руку — на левой у него тускло поблёскивал стальной корпус часов. Её движения были плавными, но абсолютно непреклонными. Кожа была слегка покрасневшей от утреннего солнца, сухой, с тонкими тёмными волосками на руках, с видимой голубой веной, пульсирующей ровно, спокойно, и Имани подумала (не головой, пальцами, кончиками пальцев, подушечками, — пальцы её думали сами по себе, как думают отдельные существа), что пульс этот бьётся в ритме, знакомом только ей ритме, который она слышала раньше, с самого детства, там — дома... И надавив пальцами на его запястье, она соскользнула медным кольцом на его кожу.

Металл плотно облёг сустав. Лео почувствовал странный, глубокий импульс, прошедший от запястья прямо к плечу, и дальше — вниз по спине.

— Там, куда вы едете, может быть опасно, — сказала Имани, удерживая его руку в своих ладонях. — Там может быть опасно по-настоящему.

— Я знаю, — ответил Лео, не сводя глаз с её лица, рассечённого фиолетовым лучом витража.

— Ты не знаешь, — она чуть наклонила голову, и этот жест, тот самый, тот, из бара, — заставил Лео замолчать. — Ты думаешь, что знаешь. Ты читал свои бумаги, смотрел карты, изучал протоколы. Но бумага не пахнет. Карты не дышат. Протоколы не плачут по ночам.

Она замолчала, глядя куда-то вперёд, за алтарь.

— В Катанге Эбола? — посмотрев на него, спросила она.

— Мы не знаем. Пока нет точных данных. Поэтому мы с Гайяром и отправляемся туда.

Лео сделал паузу, всматриваясь в её тёмные зрачки, вокруг которых в свете солнца проступали янтарные ободки:

— Почему ты удалила свой номер из моего телефона?

— Я не удаляла.

— В моём телефоне нет...

— Ладно, Лео, — она прервала его, и на её губах появилась печальная, мудрая улыбка. — Там, куда вы едете, мобильная связь не работает. Нет вышек. Нет спутников. Нет ничего. Телефон — это вещь. А вещи, — она помолчала, — вещи теряют смысл, когда выходят за пределы того, для чего они были сделаны. Телефон сделан для связи. А там связь устанавливается иначе.

Она медленно поднялась со скамьи. Белая хлопковая ткань проскользнула по полированному дереву.

— Я приеду туда, — произнесла она тихо, глядя в сторону светящегося распятия. — Я родом из Верхней Катанги. Прости, что не сказала сразу... Это моя земля, Лео. Иногда нужно возвращаться домой.

Прежде чем он успел ответить, Имани наклонилась, обхватила его правую руку — ту, на которой сияла тёмная медь, — и сжала её с такой страстной, отчаянной силой, что у Лео перехватило дыхание. В этом её пожатии была вся нерастраченная нежность, вся тревога и вся дикая, необъяснимая связь, возникшая между ними. И от этого сжатия он почувствовал, как кровь в его запястье замедлилась, как пульс успокоился, как тело расслабилось, — и физическими, химическими, медицинскими терминами это было не объяснить.

— Береги себя, белый доктор, — шепнула она.

Развернулась и пошла к выходу. Её светлое платье двигалось сквозь цветные столбы витражного света, растворяясь в золотой пыли, пока дубовая дверь не закрылась за ней без единого звука. В воздухе остался только её запах — тёмный, ночной, пахнувший ночными цветами и сырой землёй.

Лео продел руки в лямки рюкзака, перекрестился и вышел на улицу.

Утренний зной Киншасы ударил в лицо плотной, влажной волной. У подножия ступеней, прислонившись к обшарпанному жёлтому такси, стоял Реми Гайяр.

Француз с аппетитом уплетал местную шаурму — ту самую, киншасскую, завернутую в промасленную газету, с рубленным мясом, жареным луком, зелёным перцем и жёлтым, острым соусом, который тёк по пальцам и капал на брюки, — и Реми не обращал на это ни малейшего внимания, потому что есть для него было не просто процессом, а своего рода действием, формой присутствия, — есть — значит быть здесь и сейчас.

Рядом с ним на капоте лежала вторая шаурма, завернутая в такую же газету.

— А, вот и наш праведник! — промышчал Реми с набитым ртом, протягивая Лео второй свёрток. — Держи, Гонзалес. Горячее мясо, куча перца — лучшее средство от похмелья. Нам пора в аэропорт, ооновский чартер уже греет моторы.

Лео взял свёрток, ощущая пальцами жарящее тепло. Он резко повернулся и окинул взглядом площадь, жаровню, пёструю толпу прохожих. Белого платья нигде не было.

— Ты видел её? — быстро спросил Лео.

Реми перестал жевать и вытер подбородок тыльной стороной ладони:

— Кого?

— Девушку. Имани. Она вышла из костёла пару минут назад, прямо передо мной.

Француз недоуменно нахмурился, взглянув на пустые ступени:

— Лео, я торчу здесь минут десять. Из этих дверей вылез только один хромой старик. Ты уверен, что проспался?

Лео ничего не ответил. По спине прошёл холодный, нездешний сквозняк. Он молча шагнул к открытой дверце такси и бросил рюкзак на сиденье.

— Погоди-ка, — Реми вдруг сузил глаза и резко схватил Лео за плечо, разворачивая к себе. — Чёрт возьми... Похоже, ночь у тебя и правда выдалась бурная. Откуда у тебя кровь на спине?

— Что? — Лео попытался извернуться.

— Повернись спиной! Подними рубашку!

Лео подчинился. Реми осторожно приподнял плотную хлопковую ткань светло-серой рубашки, которая ещё полчаса назад в отеле была безупречно чистой. На ткани расплывались свежие алые пятна.

— Четыре царапины, — констатировал Реми, вглядываясь в раны с въедливостью опытного врача. — Параллельные, от лопатки до самых рёбер. Кожа вспухла, сочится кровь. Как будто тебя полоснула дикая кошка.

Лео осторожно завёл руку за спину и коснулся лопатки. Пальцы ощутили горячие, саднящие борозды и мокрую, липкую теплоту. Утром, когда он стоял под душем в отеле и вытирался полотенцем перед зеркалом, его спина была абсолютно чистой. Ни одной ссадины. Или это всё же местное пойло?

Реми хмыкнул, качая головой, и забрался на переднее сиденье такси:

— Ладно, не бери в голову, Ромео. Под защитным костюмом всё равно никто ничего не увидит. Главное — обработай в самолёте антисептиком.

Лео наконец-то откусил шаурму. Мясо жареное, пряное, горячее; соус острый, сладкий, вязкий; хлеб тонкий, хрустящий, масляный, — и всё это вместе взорвалось во рту, заполнило, затопило, — и он подумал, что вот уже два раза за последние двенадцать часов его тело заполняют жаром — вчера она, шаурма сегодня, — и разница между этими двумя заполнениями была непомерной, несоразмерной, безумной.

— Залезай, нам пора, — прервал его мысли француз.

Лео сел на заднее сиденье. Такси зарычало, окуталось сизым дымом и тронулось с места.

— Реми, — сказал он.

— М-м?

— Ты веришь в то, что не можешь объяснить?

Реми посмотрел на него. Долго. Тяжело. Потом отвернулся, посмотрел в окно.

— Лео, Лео. Я не верю ни во что, — сказал он. — Но я вижу то, что вижу. И вижу я, Гонзалес, — он помолчал, — иногда слишком много.

Лео смотрел в окно на удаляющиеся башни костёла Святого Петра, на мигающие в уже далёких проёмах цветные витражи. На его правом запястье массивным, ледяным кольцом давила медь, на пальцах сохла собственная необъяснимая кровь, а в воздухе раскалённой машины, перебивая запах жареного мяса и бензина, всё ещё стоял отчётливый, стойкий аромат церковного ладана и её тела.

Глава третья. Картография раны

«Cessna-208 Caravan» шла низко.

Одномоторная, с тупым носом и винтом, который вгрызался в густой тропический воздух с монотонным собачьим упорством, она несла их над зелёной пустыней уже четвёртый час. В тесном салоне стоял плотный, едкий замес из авиационного керосина, нагретого на солнце пластика, антисептика и человеческого пота. Пространство между креслами до самого потолка забили картонными коробками с реагентами, опечатанными контейнерами биозащиты, портативными центрифугами и рулонами плотной изоляционной плёнки.

Лео сидел у левого иллюминатора, прижавшись лбом к тёплому, вибрирующему пластику, и смотрел вниз.

Джунгли под ними казались бесконечными. Крона непрерывной зелёной массы, густой, тёмной, непроницаемой, тянулась до самого горизонта, смыкаясь с бледным тропическим небом в едва различимую линию. И эта крона дышала — не метафорически, а физически: восходящие потоки раскалённого воздуха вздымали её медленными волнами, как мерное колыхание исполинской груди задремавшего колосса. Лес спал. Или делал вид, что спал.

А потом начались шрамы.

Первый появился справа, почти под крылом — продолговатый, ржаво-рыжий разрез в зелёной чаще, шириной в несколько сотен метров и длиной, уходящей за пределы зрения. Карьер. Обнажённая глина, вывернутая наружу из-под дёрна, как подкожный жир из-под рассечённой кожи, блестела на солнце мокрой, красновато-бурой поверхностью. По краям разреза торчали вырванные с корнем деревья — их корни, белые, обнажённые, похожие на кости старого скелета, указывали в небо. Рядом с карьером змеились грунтовые дороги, прорезанные гусеницами тяжёлой техники — бульдозеров, экскаваторов, самосвалов, — и эти дороги, узкие, извилистые, сливались в уродливую паутину, опутывающую открытую рану.

Второй шрам — южнее. Больше. Глубже. Это было уже не похоже на разрез, это был огромный кратер, выбитый в земле с такой жестокой эффективностью, что даже с высоты восьмисот метров Лео видел ступенчатые террасы, уходящие вниз спиралью, — как улитка, вывернутая наизнанку. На самом дне кратера стояла мутная, зеленовато-жёлтая вода, похожая на гной. Вокруг, как муравьи вокруг раздавленного плода, копошились жёлтые точки экскаваторов.

Третий. Четвёртый. Пятый.

Раны множились, чередуясь с нетронутыми участками леса, — и в этом чередовании была какая-то зловещая закономерность, ритм бессмысленного, повторяющегося насилия. Лес пытался затянуть повреждения: по краям

карьеров ползли первые, робкие побеги — светло-зелёные, жалкие, неуместные, — но это был детский пластырь на ампутации.

— Недра Конго, — Реми сидел напротив, болезненно бледный, с туго затянутым ремнём безопасности, который он не расстёгивал с момента взлёта. Француз не смотрел в иллюминатор: он закрыл глаза и прижимал к носу комок ваты, смоченный нашатырным спиртом, — от укачивания. — Кобальт, медь, уран, колтан. Земля здесь беременна металлами, и её вспарывают, как вспарывают живот кесаревым сечением. Только ребёнка из неё не извлекают.

— Реми, заткнись, — Сара Хёйбрехтс сидела позади них, у правого иллюминатора, и произнесла это спокойно, без раздражения, как произносят команду человеку, чьи привычки давно стали предсказуемыми.

Сара. Пятьдесят два года — она сама об этом сказала при первой встрече в аэропорту Нджили, без всякого стеснения, протягивая Лео крупную, загрубевшую ладонь: «Пятьдесят два, два раза пережила Эболу, один раз малярию с комой, один раз развод. Считайте, что меня не берёт ни одна зараза на свете». Родом из Брюгге. Фламандка. Низкая, широкоплечая, с короткими седыми волосами и лицом, которое тропическое солнце двадцати лет работы в Африке превратило в старую кожаную карту: морщины, пигментные пятна, ссадины, — но под этой картой скрывалась хрящевая, негибкая структура. Она смотрела на мир глазами человека, который давно перестал удивляться и начал просто считать: количество трупов, процент летальности, дозировку, координаты.

Сара прилетела в Киншасу неделей раньше Лео и Реми — из Гомы, где она закрывала предыдущий проект ВОЗ, — и провела эти дни в министерстве здравоохранения, выбивая разрешения, транспорт и лабораторные реагенты. Она уже знала Верхнюю Катангу: в две тысячи девятнадцатом она работала в очаге в Манонго, где Эбола унесла двести двенадцать жизней за три месяца. Она помнила каждого по имени.

— Семнадцать карьеров, — Сара подалась вперёд, вглядываясь в свой иллюминатор. Её голос был ровным, хирургическим. — Я насчитала семнадцать с момента, как мы перелетели Луалабу. Из них, по меньшей мере, пять — незарегистрированные. Кустарная добыча. Без лицензий, без экологических протоколов. Контрабанда.

Пилот — местный, молчаливый парень в мятой форменной рубашке с нашивкой ООН — резко дал правый крен, и джунгли качнулись за иллюминатором, как зелёная воронка. Лео почувствовал, как медный браслет на его правом запястье медленно сдвинулся, ударив по косточке. Он машинально накрыл его ладонью — металл был холодным, неестественно ледяным, словно всё утро впитывал в себя не только зной, но и глухую прохладу.

Джунгли кончились.

Это случилось внезапно, почти цинично: на протяжении нескольких секунд сплошная зелёная стена расступилась, обнажив ровный, выжженный пяточок земли, — и посреди этого пятка, как бледный шрам на тёмной коже, лежала полоса аэродрома. Узкая, короткая, с потрескавшимся асфальтом и ржавыми, почерневшими от жары бочками, обозначающими края ВПП. Вокруг аэродрома — ни деревни, ни дома, только редкие, обглоданные термитами пни и россыпь гильз, поблёскивающих в пыли.

Посадка была грубой. Шасси ударились о разбитый асфальт, «Цессна» подпрыгнула, проскользила, зарычала тормозами и остановилась в тридцати метрах от ангарной постройки — бетонного куба, из которого торчала ржавая антенна.

Лео расстегнул ремень и посмотрел в иллюминатор.

У края ВПП стояли три человека в военной форме — камуфляж, берцы, автоматы Калашникова за спинами. Один держал рацию, двое других просто стояли, неподвижные, как вкопанные, в тени единственного дерева — жалкого, кривого баобаба, единственного живого существа, которое согласилось расти на этом выжженном пятке. Они сверлили прибывших угрюмыми, недобрыми взглядами.

— Военные? — Лео повернулся к Саре.

Она уже стояла в проёме, стягивая с верхней полки свой потёртый рюкзак.

— FARDC, — бросила она, не оборачиваясь. — Армия Демократической Республики Конго. Насколько можно назвать это армией. Здесь, Лео, правительство не доверяет местным, местные не доверяют правительству, и никто из них не доверяет нам. В прошлую вспышку толпа с мачете сожгла полевой госпиталь дотла, потому что пустили слух, будто ВОЗ специально заражает колодцы, чтобы очистить земли под рудники. Так что без военного сопровождения белый врач в Верхней Катанге — это не гуманитарий, а мишень. Эти парни здесь для того, чтобы нас не разорвали на куски до того, как мы успеем взять первый мазок крови.

Реми, бледный, с мокрым от пота лбом, протиснулся мимо неё наружу и жадно вдохнул горячий, пахнущий травой и выхлопными газами воздух.

— Добро пожаловать в рай, Гонзалес, — он пошатнулся, ухватившись за стойку двери. — Официальный, сертифицированный рай. С вооружённой охраной.

Военный с рацией — капитан, по нашивкам, — подошёл к ним, не улыбаясь, и заговорил по-французски. Быстро, гортанно, с оброненными окончаниями. Лео разобрал не всё, но хватило: сопровождение, безопасность, следовать за ними, не отходить от колонны, не фотографировать.

Тем временем двое солдат и четверо гражданских, появившихся откуда-то из-за ангара, уже выгружали из багажного отсека «Цессны» контейнеры с оборудованием. Лабораторные чемоданы, запечатанные пластиковые ящики с реагентами, складной стол, портативный секвенатор, морозильный блок — всё это перекочёвывало в кузов зелёного армейского грузовика «Мерседес-Бенц» старой, ещё бельгийской модификации, с рваным тентом и ржавыми бортами. Солдаты работали молча, с хирургической серьёзностью, словно каждый контейнер мог взорваться.

— Гонзалес! — окликнул капитан, указывая на грязно-бежевый «Тойота Лэнд Крузер» 70-й серии, стоявший в тени ангара. Дизельный мотор урчал на холостых, от машины разило соляжкой и прелой кожей. — Ваш транспорт.

Лео забрался на заднее сиденье рядом с Сарой. Реми — вперёд, рядом с водителем — местным парнем лет двадцати, с плоским, непроницаемым лицом и мускулистыми предплечьями, покрытыми тонкими белыми шрамами — не похожие на следы травм, скорее на ритуальные надрезы. Парень не обернулся, не представился. Просто включил передачу, и «Крузер» двинулся по пыльной колее, минуя аэродромные ворота.

Дорога заняла около часа мучительной тряски по изрытой колее, рассекающей плотный зелёный тоннель джунглей. Деревья нависали над капотом, сплетая кроны в сплошной, дышащий коридор. Свет пробивался редкими, колючими осколками, роняя на грязный капот золотые монеты. Пыль, поднятая шинами, застревала в этой зелёной воронке, не рассеиваясь, оседая на листьях серой вуалью.

Потом деревья расступились — снова, как расступаются стены, — и перед ними открылся Бата Колё.

Это было не село и не город. Это было что-то между — нежеланное, незапланированное поселение, которое жизнь выбросила на поверхность, как выбрасывает тело инородный предмет, — не по доброй воле, а какой-то чудовищной, механической необходимости. Шахтёрский посёлок. Два ряда бетонных строений, крытых волнистым шифером, — казармы, построенные ещё при Мобуту, — перемежались с самодельными хижинами из необожжённого кирпича, гофрированного железа и мешковины. Между ними, в грязных, вытопанных проулках, бродили куры и голые дети. Тонкий, едкий запах горелой резины и прокисшей воды стоял в воздухе, как плёнка, не пропускающая чистый кислород.

А за посёлком, на расчищенном от зарослей холме — лагерь.

Полноценного госпиталя здесь ещё не развернули. Четыре белые палатки, растянутые на алюминиевых каркасах, с алыми крестами на брезентовых стенах, — красная зона, обнесённая двойным кордоном из ярко-жёлтой пластиковой сетки. Рядом — две палатки поменьше, без маркировки, с утяжелённым входом,

откуда тянуло фенолом и хлоркой — морг, над которым тяжело и непрерывно гудел дизель-генератор, питающий рефрижератор. И в стороне, под навесом из камуфляжной сетки, — несколько жестяных строительных вагончиков, стоящих в ряд, как контейнеры на забытом причале. Зелёная зона. Жильё.

Лео вышел из «Крузера», и его ноги увязли в тёмно-оранжевой, маслянистой грязи. Земля здесь была другой — не землёй, скорее глинистой жижей, смесью пролитого дизельного топлива, дождевой воды и чего-то третьего, глубинного, древнего, что сочилось из недр, как сукровица из плохо перевязанного бинта.

Из дальнего вагончика вышли два человека.

Дзузу Кома — невысокая, жилистая, с быстрыми, птичьими движениями, в засаленном медицинском халате поверх джинсов и резиновых сапог. Ей было лет тридцать пять, может, чуть старше — но годы работы в провинциальных госпиталях Конго прибавляют к возрасту столько же, сколько войны. Тёмная кожа лица была подчёркнута гладкой, без единой морщины, и от этого гладкого, неподвижного лица её глаза — крупные, янтарные, с чуть желтоватым белком — казались чрезмерно живыми, чрезмерно внимательными, как глаза хищной птицы, высматривающей добычу в высокой траве. Она не улыбнулась.

Лукала Мбуйи стоял рядом, чуть позади, — высокий, сутулый, в мятой белой рубашке, закатанных до колен брюках и босоножках. Сорок лет. Лицо — вытянутое, с глубокими носогубными складками и ввалившимися щеками — принадлежало человеку, который давно забыл, как выглядит полноценный приём пищи. Глаза, тёмные, мутноватые, под опухшими веками, смотрели на прибывших с тем выражением, которое Лео уже встречал в подобных местах: не враждебностью и не радостью — усталым, тихим отчаянием профессионала, который слишком долго работал один.

— Рады, что вы добрались. Доктор Кома, — она коротко пожала Лео руку. Её ладонь была горячей, сухой, шершавой. — Доктор Мбуйи. Ситуация скверная. У нас два трупа в рефрижераторе и один тяжёлый пациент в изоляторе.

Лукала кивнул. Не подал руки. Его взгляд скользнул по Лео, зацепился за медный браслет на правом запястье и задержался на долю секунды дольше, чем принято. Потом отвернулся.

Дзузу Кома повела их в вагончик, служивший одновременно кабинетом и складом. Внутри — стол, два стула, карта региона на стене, приколотая кнопками, и стопка папок, перевязанных бечёвкой. Дзузу откинула створку жестяного окна: мутный свет хлынул внутрь, осветив парящие в воздухе пылинки.

Реми тут же достал блокнот, утратив всю столичную вальяжность: — Давайте по порядку. Нулевой пациент?

— Два трупа, — начала Дзузу без прелюдий, как начинают хирурги, привыкшие к тому, что каждая секунда задержки стоит чьей-то жизни. — Первый — неизвестный мужчина. Белый, около тридцати—тридцати пяти лет. Обнаружен четыре дня назад местным охотником в лесу, примерно в трёх километрах к югу от деревни. Без документов, одежда в клочья. Охотник притащил его в деревню на себе. Через сутки неизвестный скончался от массивного внутреннего кровотечения и отказа органов.

Она развернула папку и положила на стол распечатанные фотографии. Лео наклонился. Тело лежало на серо-зелёном брезенте, в тени дерева. Мужчина — крепкий, с широкой грудью и короткими, мускулистыми ногами, с мозолями на ладонях — был мёртв уже несколько часов к моменту съёмки. Лицо почернело. Рот открыт. Руки вытянуты вдоль тела, пальцы скрючены. На груди и животе — тёмные, почти чёрные пятна, подтёки, экхимозы.

— Второй, — продолжала Дзузу, — сам охотник, Касонго Мпала, тридцать восемь лет. Деревенский. Нашёл тело, сообщил старосте, вернулся домой. Через двадцать три часа — жар, рвота, диарея. Ещё через двенадцать — кровотечения из дёсен и носа. Умер сегодня утром, через сорок восемь часов после контакта.

— Классика геморрагической лихорадки, — кивнула Сара.

— И да, и нет, — тихо вставила Дзузу, словно взвешивая каждое слово. — Симптоматика совпадает, но скорость распада тканей аномальная. И кровь... Она не несворачиваемая и алая. Она нетипично тёмная. Почти чёрная и густая, как дёготь. Я за пятнадцать лет работы ничего подобного не видела. Это конечно может быть геморрагическая лихорадка, но мы не можем подтвердить Эболу без лабораторного анализа. У нас нет ПЦР-оборудования. Мы ждали вас.

— А третий? — спросил Реми.

Дзузу и Лукала переглянулись.

— Шахтёр, — ответил Лукала, заговорив впервые. Его голос был низким, глухим, с тихой, гортанной вибрацией, которая, казалось, зарождалась не просто в горле, а где-то в грудной клетке. — Парень лет двадцати, из местной кустарной артели. Помогал переносить тело охотника. Три дня назад — температура, озноб, боль в мышцах. Вчера — кровоточивость дёсен, сыпь. Мы его изолировали, но полноценный анализ не проводили. Он в красной зоне, стабилен, в сознании. Но его коллеги начали паниковать. Несколько шахтёров отказались выходить на смену. Охрана рудника усилила периметр.

— Охрана? — Лео присел на свободный табурет, вытягивая перед собой ноги и чувствуя, как браслет давит на сустав. — Вы упомянули рудник. Белый мужчина в глухом лесу без документов... Откуда здесь вообще белые?

— Компания называется IC Waze, — сказала Дзузу, возвращаясь к столу. — Частная. Израильская. Добывают медь и кобальт. Лицензия — на двадцать лет. Участок — в шести километрах к северу от Бата Колé. Собственная инфраструктура: жильё, электрические генераторы, дизельные склады, вертолётная площадка. У них своя охрана — тоже частная. Southbridge Security, зарегистрирована в Претории, но владельцы, говорят, из Румынии. Южноафриканцы. Бывшие военные. Они никого не впускают, и их люди не спускаются в Бата Колé. На наши запросы по радио они не отвечают.

— А откуда на их руднике мог оказаться неизвестный труп в лесу? — спросил Реми.

— Контрабандисты, — Лукала произнёс это слово как медицинский диагноз. — Мелкие копатели, «партизаны», как их здесь называют. Они проникают на территорию рудника через джунгли, крадут руду, перепродают на чёрном рынке. Southbridge их ловит, но не всегда. Иногда находят тела со стрелковыми ранениями. Но этот погибший был без следов насилия. Ни пуль, ни ножевых ранений. Просто умер.

— Просто умер, — повторил Реми. — В лесу. Без одежды. Без документов. В трёх километрах от шахты, где работают израильтяне. И ни у кого нет вопросов.

Дзузу Кома посмотрела на него долгим, ровным взглядом.

— Вопросы, доктор Гайяр, — тихо произнесла она, — здесь задают только мёртвым. И только тогда, когда мёртвых становится слишком много.

Вечер опустился на Бата Колé внезапно, как падает занавес. Солнце — огромное, багровое, безжалостное — село за линию джунглей, и за несколько минут мир переключился с раскалённого белого на душный, густой синий. Комары и мошкара набросились мгновенно, облепив открытые участки кожи плотной, жужжащей шалью.

Реми ушёл к себе в вагончик первым, бросив через плечо:

— Завтра в восемь начинаем. Конго не ждёт.

Сара задержалась в лабораторной палатке, распаковывая контейнеры и проверяя реагенты. Лео слышал сквозь тонкие брезентовые стены, как она бормочет что-то себе под нос — списки, цифры, коды пробирок, — и в этом бормотании была утешительная, монотонная, почти материнская размеренность, от которой тревога отступала.

Вагончик Лео стоял крайним в ряду. Внутри — узкая койка, жестяной столик, табуретка, ржавая раковина с краном, из которого сочилась мутная, пахнущая железом вода. Маленькое окошко без стекла, затянутое москитной сеткой. Лео бросил рюкзак на койку, стянул ботинки. Он подошёл к раковине, включил воду, ополоснул лицо. Вода была тёплой, с привкусом ржавчины и глины.

Он посмотрел на своё отражение в мутном, покрытом разводами куске зеркала, висевшем над раковиной. Спину под рубашкой нестерпимо жгло — четыре параллельные царапины, появившиеся утром под витражами собора в Киншасе, горели, словно свежий ожог.

Медный браслет на запястье блеснул в полумраке. Лео постучал по нему костяшками пальцев — металл ответил глухим, низким звоном, который длился секунду дольше, чем должен был.

Он думал о ней. Об Имани. О том, как она исчезла из костёла — или, точнее, как Реми не видел, как она вышла. О её деревянном амулете, о её словах: «Я приеду туда вслед за вами... Это моя земля, Лео». О надписи на зеркале гостиницы — бордовой помадой, размашистым, уверенным почерком: «Я найду тебя». Эта надпись могла быть угрозой. Или обещанием. Или — что страшнее обоих — простой констатацией неизбежного факта. Но память об аромате её тела вытеснила всё.

Накинув на плечи лёгкую куртку и взяв ноутбук для настройки с портативным спутниковым терминалом Starlink, Лео вышел из вагончика и направился в лабораторную палатку.

Ночь стояла абсолютная. Ни луны, ни звёзд — тучи, низкие, грузные, набухшие дождём, закрыли небо сплошным бархатным пологом. Воздух был густым, как ткань, — горячий, влажный, пропитанный запахом гниющей листвы, дизельного топлива и чего-то ещё — едва уловимого, кислого, органического, — того специфического запаха, который бывает только в местах, где рядом с жизнью лежит смерть.

Лео прошёл мимо двух солдат FARDC, стоявших у входа в зелёную зону. Они молча пропустили его, даже не повернув головы — фигуры, влитые в темноту, безликие, как камни.

Лабораторная палатка стояла в центре лагеря. Белый брезент тускло светился изнутри — Сара оставила на столе налобный фонарь, включённый в режиме тусклого рассеянного света, а сама уже ушла спать. Внутри пахло хлоркой и озоном. Портативный генератор, подключённый к палатке, жужжал тихо, ровно, поддерживая работу освещения и маленького кондиционера, который выдувал слабую струю сухого воздуха.

Лео собрал и нацелил на небо тарелку Starlink. Индикатор на роутере мигал зелёным — связь была.

Он сел за складной алюминиевый стол, включил ноутбук. Экран вспыхнул холодным голубоватым светом, осветив его лицо снизу холодным, неживым светом, так, как освещают лица на допросе. Войдя в сеть ВОЗ, он открыл медицинскую базу данных, начал пролистывать последние отчёты из регионов: Мбандака — отрицательно; Гома — подозрение, не подтверждено; Кисангани —

чисто; Лубумбаши — три случая геморрагической лихорадки, скорее всего Марбург.

Теперь компания. IC Waze. Другой сервер, другая сеть, другой протокол.

Он набирал заметки, листал файлы, сверял координаты. Время тянулось жидкой, вязкой патокой. Лео чувствовал, как устают глаза, как тяжелеют веки, как тело, измотанное перелётом, жарой и двумя бессонными ночами, начинает предательски отключаться — участок за участком. Сначала ушла концентрация. Потом — нить мысли. Потом — ощущение времени.

Он опустил лоб на скрещённые перед клавиатурой руки и заснул.

Не постепенно, не плавно — мгновенно, как проваливается в обморок человек, потерявший кровь.

И тут же реальность в палатке исказилась.

Его прохватил нечеловеческий, пронизывающий мороз. В палатке стало так холодно, что выдыхаемый воздух превращался в плотный белый пар. Гул генератора за стеной изменился: механика пропала, остался лишь низкий, утробный, пульсирующий ритм — словно глубоко под землёй тяжело стонало гигантское существо. Запах хлорки испарился. Вместо него пространство заполнил густой, одурманивающий аромат цветущего ночного жасмина, сырой земли и ржавого железа. Аромат тропической крови.

Спину прожгла вспышка дикой боли — казалось четыре ссадины вспыхнули огнём. Медный браслет на запястье раскалился до ледяного ожога, въедаясь в кожу. Лео попытался встать, закричать, но тело сковал абсолютный, тяжелейший паралич.

Во сне — или в этой призрачной яви — он стоял в древнем, непроглядном лесу. Деревья росли так близко, что их стволы сливались в живую стену. Кроны закрывали небо целиком. Только тьма и мертвенный воздух, пахнущий гниением и тем самым цветом.

Лео шёл. Ноги несли его сами — босые, по мокрой земле. Он слышал чьи-то шаги рядом. Параллельным курсом, за стеной из лиан, кто-то тоже шёл: дыхание — лёгкое, ровное; шорох босых ног; и низкий, гортанный звук — словно кто-то тянул одну-единственную ноту, вибрирующую в его грудной клетке.

Он вышел на поляну. На земле лежало тело — тот самый белый мужчина с фотографии Дзузу Кома. Чёрное, запёкшееся лицо, скрюченные пальцы. Тело было окружено кольцом крупных белых цветов с толстыми лепестками, растущих прямо из грязи под трупом.

Тело пошевелилось. Медленно, с мучительной неохотой, оно начало подниматься — не как человек, скорее как марионетка, которую тянут за

невидимые нити: рывком, ломано, с хрустом суставов. Встав на четвереньки, оно повернулось к нему.

Но лица не было. На его месте находилась ровная, гладкая, тёмная поверхность — как экран, на который ещё не проецировали изображение. Ни глаз, ни рта. Только кожа, натянутая на череп, и под ней — слабая, едва заметная пульсация.

И тогда Лео услышал голос. Не ушами — изнутри, из собственного позвоночника, из рёбер:

— *Ты пришёл...*

Голос был её голосом. Не Имани. Не женским. Не мужским. Голос был запахом. Цветочным ароматом, превращённым в насыщенный звук, в котором тонуло всё его естество.

— *Ты пришёл... И ты носишь его. Спи. Завтра. Всё завтра...*

Темнота захлопнулась, как створки ловушки.

— Доктор! — резко раздалось над ухом.

Резкий, слепящий луч налобного фонаря ударил Лео прямо в глаза.

Лео судорожно дёрнулся, с грохотом опрокинув стул, и тяжело, надрывно задышал, хватая ртом воздух. Сердце колотилось в горле.

Перед ним стоял солдат FARDC — тот самый, что дежурил у входа. Высокий, в камуфляже, с автоматом на груди. Он молча смотрел на него.

— Доктор? — переспросил солдат. Голос был ровным, без выражения. — Вы заснули. Уже второй час ночи. Идите отдыхать. Завтра у вас трудный день.

Лео вытер мокрое от холодного пота лицо. В палатке снова стояла удушающая тропическая духота, пахло хлоркой и ровно гудел генератор. Никакого мороза. Никакого жасмина. Позвоночник ломило, ноги были ватными.

Он кивнул, потянулся к ноутбуку, чтобы закрыть его. Экран находился в спящем режиме, но на чёрной поверхности — прямо над отражением его перепуганного лица — мелким белым шрифтом мерцала одна-единственная строчка, которой он не набирал и которой не могло быть в системе:

SHE KNOWS YOU'RE HERE

Лео резко моргнул и коснулся тачпада — строчка мгновенно исчезла. Обычная заставка. Обычный тёмный экран.

Он закрыл ноутбук, поднялся и вышел из палатки в непроглядную ночную тьму.

Лагерь спал. Единственный шум — монотонное урчание дизеля да далёкое стрекотание цикад за периметром. Лео сделал несколько шагов по

грязной дорожке, поджимая ворот куртки. Его било мелкой, нервной дрожью — остаток того сна, того голого лица и голоса, который был запахом.

И тогда он замер.

Со стороны деревни Бата Колé, пробиваясь сквозь ночную тишину, доносился ритм.

Низкий, глухой, отчеканенный удар. *Тум...* Пауза. *Тум-тум.*

Барабаны.

Звук шёл из-за лагеря, из-за деревьев — далёкий, но чёткий, как биение чужого сердца. Ритм был странным — не привычный африканский полиритм, не тот сбивчивый рисунок, что Лео слышал в баре Киншасы. Это было другое. Два удара — пауза. Два удара — пауза. Ровных, тяжёлых, одинаковых по силе. Как шаги огромного существа, которое идёт по земле, не торопясь, зная, что ему некуда спешить.

К ритму барабанов примешивалось пение — низкое, хоровое, гортанное, на незнакомом языке. Мелодия проникала в Лео через кожу, через кости, — и внутри его грудной клетки что-то откликалось, вибрировало в унисон с этим ночным хором.

А затем из этого пения отделился один тон. Женский голос — высокий, чистый, пронзительный, тянущий одну-единственную ноту. Длинную, бесконечную, древнюю. В ней звучали первобытная тоска, фатальная неизбежность и ласковое обещание.

Лео сжал кулаки. Медный браслет впился в кожу запястья, давя на кость. Песня лилась прямо в него, словно этот голос пел только ему одному.

Потом барабаны смолкли. Голоса растаяли. Ночь снова стала тихой, густой, безмолвной — но эта тишина была живой. Казалось она слушала его.

Лео дошёл до своего вагончика, открыл замок, зашёл и запер дверь изнутри на задвижку.

Он повернулся к койке, чтобы упасть на неё прямо в одежде, и внезапно застыл.

На жестяной тумбочке у изголовья — рядом с его телефоном и фонариком — стоял стакан воды. Полный, прозрачный, с короной мелких пузырьков на стенках.

Лео не наливал этого стакана. Когда он уходил в лабораторию, тумбочка была пуста, а дверь заперта на навесной замок.

Вода в стакане была тёплой.

А на её поверхности, плавно покачиваясь в самом центре, плавал единственный плотный белый лепесток.

Крупный. Толстый. Незнакомый. Пахнущий ночью и цветущим жасмином.

Глава четыре. Симбиоз

Утро в Бата Колé наступало как атака врага, которую уже давно перестали ждать.

Сначала тишина. Абсолютная, звенящая, предрассветная тишина, когда даже цикады замолкают, выжидая. Потом первый луч, резкий, горизонтальный, вонзающийся в красную глину, как скальпель в плоть. И сразу за ним — жар. Не нарастающий, не подступающий, а мгновенный, тотальный: воздух за считанные минуты вспыхивал температурой, и вагончик превращался в раскалённую жестяную коробку, из которой не было выхода.

Лео проснулся в восемь десять. Он помнил, что вчера упал на койку прямо в одежде и ботинках. Но сейчас лёгкое покрывало было аккуратно откинута, а ботинки стояли у ножки койки — ровно, подошвами к стене.

Он сел, протирая глаза. Потрогал спину. Крови не было.

На тумбочке стоял стакан. Пустой, вымытый до блеска и поставленный вверх дном на чистую салфетку. Белого лепестка внутри тоже не было — словно ночной гость вернулся, чтобы забрать своё приношение.

Посмотрев на экран телефона, Лео чертыхнулся. Шестнадцать минут девятого. Он проспал.

Схватив рюкзак, Лео выскочил из вагончика и бегом бросился к лабораторному комплексу. У входа в зелёный блок его встретил доктор Лукала Мбуи — высокий конголезец в синем хирургическом костюме, методично заполнявший журнал учёта биоматериалов.

— Доброе утро, Лео, — Лукала поджал губы, не отрываясь от планшета. — Если ты ищешь заступников, то их нет. Сара уже в лаборатории. И поверь, она зафиксировала твоё отсутствие ещё в восемь ноль-ноль.

Лео юркнул сквозь брезентовый полог. Внутри пахло тальком, спиртом, озоном и нагретой резиной. Старший эпидемиолог миссии, доктор Хёйбрехтс, стояла у микроскопа. Её седые волосы были туго убраны под одноразовую шапочку, а спина оставалась прямой, как у строевого офицера.

— Опоздал, Гонзалес, — произнесла она, не поднимая головы от окуляров. Голос Сары звучал без гнева, но с той ледяной констатацией факта, с которой объявляют диагноз. — Реми уже полчаса работает в изолированном блоке с Дзузу. Мы потеряли ценное утреннее время, когда температура в изоляторе ещё позволяет дышать.

— Я прошу прощения, Сара. Снотворный эффект... — попытался начать Лео.

— Извинения не стерилизуют инструменты и не останавливают репликацию филовирусов, — отрезала Хёйбрехтс, наконец повернувшись к нему. Её серо-голубые глаза за линзами очков фиксировали его, как предметный столик фиксирует препарат. — Я видела людей, которые опаздывали на смену в Киквите в девяносто пятом. Половина из них потом легла в общие могилы, потому что спешка порождает бреши в защите. Одевайся. Лукала проконтролирует герметизацию.

Шлюз перехода в красную зону располагался под двойным брезентовым навесом. Здесь, на металлическом столе, лежали защитные комплекты высшей биологической защиты — запечатанные в прозрачные вакуумные пакеты, с инструкциями на четырёх языках.

Лео начал раздеваться. Пот — мгновенный, склизкий — тут же покрыл грудь и спину. Стянув джинсы и рубашку, он остался в белье на вытоптанном бетонном полу. Снял массивные стальные Casio и положил на край стола. Затем расстегнул и снял обруч с запястья.

Медь соскользнула с кожи, и Лео невольно вздрогнул. Он почувствовал холод. Нет, скорее, ощущение внезапной физической утраты, словно с руки сняли живую присоску. На запястье осталась чёткая, побледневшая полоса — след от металла за ночь.

Дзузу Кома, стоящая у стойки проверки экипировки, сделала шаг вперёд. Её янтарные глаза на секунду — буквально на пару мгновений — зафиксировались на медном браслете. В этом взгляде не было обычного любопытства: Дзузу посмотрела на амулет с глубоким, почти профессиональным узнаванием. Но уже через мгновение её лицо вновь стало непроницаемым.

— Ваш костюм там, доктор, — тихо сказала она и протянула ему руку, на ладони которой лежали два латунных ключа на проволоочном кольце. — Вот. Простите. Я вчера в суматохе забыла отдать запасные ключи от вашего вагончика. Они были у меня.

Лео взял ключи. Латунь была влажной от её кожи.

— Так это вы оставили стакан с водой?

— Да, — Дзузу кивнула, сохраняя птичью осанку. — Вчера вечером, когда вы ушли в лабораторию, я заметила, что окно было приоткрыто, набились насекомые. Я зашла проверить, всё ли в порядке, и увидела, что вы совсем не пьёте воду. В наших условиях обезвоживание наступает незаметно.

— А цветок? Белый лепесток в воде?

Дзузу чуть прищурилась, взвешивая, стоит ли объяснять.

— Костус. *Costus lucanusianus*, белый костус. Растёт только в самых глухих балках этих лесов, где почва никогда не пересыхает. Местные женщины заваривают его лепестки при сильных тревогах и лихорадке. В нём есть алкалоиды, действующие как мягкое седативное средство. Народная медицина, доктор Гонзалес. Иногда она работает не хуже бензодиазепинов.

— Да, я заметил... Спасибо, Дзузу.

— Не за что. А теперь надевайте защиту. Лукала, помоги ему.

Одевание костюма индивидуальной защиты Tyvek — это строгий, почти религиозный ритуал, где малейшая халатность означает приговор. Первыми шли плотные хирургические носки и бахилы. Затем — белоснежный комбинезон с молнией от паха до горла. Ткань неприятно зашуршала, мгновенно перекрыв доступ воздуха к телу.

Мбуйи подошёл сзади, ловко натягивая на Лео первую пару латексных перчаток, заправляя под них рукава комбинезона и тщательно проклеивая стыки армированным скотчем.

— Держи руку ровно, Лео, — проговорил Лукала, сноровисто наматывая липкую ленту. — В девяти случаях из десяти заражение происходит не из-за прорыва ткани, а из-за того, что какой-нибудь зазевавшийся вирусолог плохо зафиксировал манжету.

Затем массивные резиновые сапоги, вторая пара плотных нитриловых перчаток поверх первых. И, наконец, маска-респиратор 3М с парой серых коробчатых фильтров класса РЗ и прозрачным щитком.

Как только Лео затянул затылочные ремни и проверил герметичность — резко вдохнул, заставив маску вплотную присосаться к щекам, — внешний мир окончательно отдалился. Звуки превратились в глухое, ватное эхо. Единственным доминирующим ритмом стало его собственное хриплое дыхание, резонирующее внутри пластикового шлема.

— Добро пожаловать в белый мир, доктор Гонзалес, — произнёс Лукала из-под своей маски и хлопающим движением опустил брезентовый полог шлюза.

В изоляторе красной зоны воздух был плотным, горячим, насыщенным, пропитанным плотным запахом гипохлорита натрия, которым санитары заливали деревянный настил.

Реми уже стоял у первой койки. В своём белом скафандре, залитом галогенным светом, он казался огромным изваянием из тумана.

— Наконец-то, Лео, — глухо пробормотал Реми через динамик маски. — Я уже думал, ты решил взять выходной. Вглядись в нашего парня.

— Мбул Бенга, — произнёс Мбуйи не глядя на больного. Его голос из-под маски звучал приглушённо, как из-за стены. — Двадцать один год. Шахтёр-партизан. Работал на кустарном участке в полутора километрах от рудника IC Waze. Помогал переносить тело первого погибшего.

Тонкий, жилистый, с впалой грудью и сухой тёмной кожей. На его шее, плечах и грудной клетке отчётливо проступали пятна — но это была не классическая геморрагическая сыпь, а мелкая, тёмная петехиальная сетка, похожая на пролившийся под кожу сок диких ягод. Парень был в сознании. Его крупные, воспалённые глаза с расширенными зрачками следили за каждым движением белых фигур. В этом взгляде не было паники — лишь глубокое, отрешённое внимание.

Лео достал электронный стетоскоп и приложил датчик к груди шахтёра, выведя аудиопоток на внутренний наушник шлема.

То, что он услышал, заставило его замереть.

— Реми... Дзузу... Вы это слышите?

Сердце билось с частотой шестьдесят два удара в минуту. Для человека с температурой под сорок, с лихорадочным синдромом и признаками поражения сосудов это было физиологическим нонсенсом. Тахикардия должна была разрывать его грудь, заставляя миокард колотиться на частоте ста сорока ударов. Но пульс оставался невозмутимым и ровным.

Но главным было не это.

Вместо привычного чистокровного тона Лео слышал низкий, утробный, тяжело пульсирующий гул. Аорта работала с невероятной, гипертрофированной силой. На шее шахтёра, прямо над ключицей, была видна визуальная пульсация — кожа натягивалась и проседала в ритме, который казался слишком объёмным для человеческого тела.

— Я слушаю его с самого утра, — произнёс Реми, наклоняясь ближе. — Это не просто регургитация. Послушай основание. У тебя нет ощущения, что там... два источника ритма?

— Именно, — подтвердила Дзузу, стоявшая с планшетом у изголовья. — Вчера на портативном УЗИ я не нашла анатомического разрыва клапанов. Стенка аорты утолщена, но сохраняет целостность. Однако сердце качает кровь так, словно внутри него установили дополнительный гидронасос. Оно не справляется с разрушением — оно... адаптировалось?

Лео сместил датчик ниже, к эпигастрию. Низкочастотный шум отдавался в его собственном слуховом канале, и на секунду Лео почувствовал странную, тошнотворную тоску: его собственное сердце внутри скафандра попыталось сбиться, подстраиваясь под этот другой, чужеродный ритм.

— Ладно, — тяжело выдохнул Лео. — Пошли в рефрижератор. Нам нужно сравнить это с мёртвыми.

Второй блок красной зоны — секционный морг — располагался в отдельной палатке, оснащённой двумя холодильными контейнерами. Холод вырвался наружу густым белым паром, затуманив щиток маски.

На стальных столах лежали два тела: белый мужчина, найденный в лесу, и местный охотник Касонго Мпала.

Разница между живым шахтёром и этими двумя носила катастрофический характер.

— Здесь вирус сработал как классический детонатор, — произнёс Реми, помогая Лео зафиксировать край секционного разреза. — Тотальный некроз. Посмотри на печень.

Лео сделал глубокий надрез. Скальпель вошёл в ткани с тихим, влажным хрустом. Печень белого мужчины была увеличена вдвое, потеряла всякую структуру и напоминала варёную, полуразрушенную массу с мускатным рисунком на разрезе. Брюшная полость была заполнена полутора литрами черной, несвернувшейся крови, похожей на отработанное моторное масло. Сосуды распались, эндотелий был уничтожен подчистую.

Но когда Лео добрался до грудной клетки и вскрыл перикард, он остановился.

— Сара должна это видеть, — тихо сказал Реми.

Аорта умершего белого мужчины была расширена по всей протяжённости — от корня до дуги — примерно на двадцать процентов. Стенки сосуда выглядели невероятно плотными, отёчными, а на их внутренней поверхности проступали мелкие узелки, похожие на перламутровые рисовые зерна. В них не было следов обычного кальциноза или атеросклероза. Ткань стенки имела странный, перламутрово-фиолетовый оттенок, напоминающий раковину моллюска.

Лео аккуратно отрезал три фрагмента: для формалина, для заморозки и для ПЦР-анализа.

— У охотника то же самое? — спросил он.

— Один в один, — ответил Реми, указуя кивнув на второе тело. — Молниеносная смерть за сорок восемь часов, разрушенные внутренности, черная кровь... и перестроенная, гипертрофированная аорта с узелками.

К трём часам дня в зелёном блоке лаборатории собрался весь врачебный состав. В воздухе стоял гул портативного секвенатора DNA-MinION, пахло хлоркой и креозотом. Сбросив свои скафандры, врачи сидели вокруг рабочего стола в промокших от пота хирургических пижамах.

Хёйбрехтс изучила свежую распечатку геномного анализа. Её палец с коротко стриженным ногтем прошёл по графику нуклеотидной последовательности.

— Это филовирус, без всяких сомнений, — произнесла она. Голос Сары был сух, но в нём проступало напряжение, которого Лео не замечал у неё раньше. — Посмотрите на структуру белкового каркаса. РНК, гликопротеиновая оболочка — всё указывает на семейство *Filoviridae*. Эбола.

— Но посмотри на вариабельность! — Реми нервно взъерошил потные волосы. — Вы же прогнали образцы первого трупа через все известные базы. Майинга, Киквит, Судан, Тай Форест, Бомали... Несовпадение по геному — тринадцать процентов!

— Тринадцать процентов — это пропасть, — подал голос Лукала Мбуйи, опираясь на край стола. — Разница между человеком и шимпанзе — чуть больше одного процента. Тринадцать процентов для филовируса означают, что перед нами не новая мутация и не сезонный штамм. Это совершенно отдельная ветвь. Или... очень древний прародитель, который эволюционировал изолированно от всех остальных.

— Хорошо, — Лео вывел на экран монитора биохимию и данные ПЦР живого пациента, шахтёра. — А теперь объясните мне вот это. Это анализы Мбул Бенга. Вирусная нагрузка в его крови есть, но титр в двадцать раз ниже, чем у трупов. Вирус не уничтожает его печень. Почечные пробы — в норме. Коагулограмма чуть сдвинута, но не смертельна. При этом аорта расширена, а эхокардиограмма показывает аномальный второй ритм.

Сара медленно подняла глаза на Лео.

— Что ты думаешь, Гонзалес?

— Эбола — это слепой и тупой убийца, — медленно произнося слова, ответил Лео. — Она врывается в организм, сжигает эндотелий сосудов за три дня, убивает хозяина и погибает вместе с ним, если не успевает передаться дальше, — он выдохнул. — А этот штамм у живого пациента ведёт себя иначе. Он не разрушает клетки. Он использует их. Вирус перестраивает его сердечно-сосудистую систему. Он заставляет аорту уплотняться, а сердце — качать кровь с удвоенной силой, но при этом сдерживает собственный лизис тканей.

— Симбиоз? — тихо спросил Лукала.

— Симбиоз, — повторил Лео. — Наверное. Или адаптивная перестройка. Вирус не убивает носителя, он превращает его тело в постоянный, долговечный резервуар.

— Вирусы не занимаются «ремонтom» органов из альтруизма, Лео, — резко перебила Сара. — Если вирус укрепляет стенки сосудов и меняет работу

сердца, значит, ему нужна повышенная гемодинамика для выполнения другой задачи. И эта задача нам пока неизвестна.

Дискуссию прервал крик, донёсшийся со стороны внешней границы лагеря. Голос принадлежал одному из солдат охраны.

Сара, Лео и Реми мгновенно поднялись.

У жёлтой пластиковой ленты, разграничивающей периметр, собралась толпа. Трое солдат с автоматами наперевес удерживали группу местных жителей.

Впереди стояли две девочки, явно сёстры — четырнадцати и одиннадцати лет. На старшей было выцветшее синее платье, на младшей — розовое, не по размеру большое. Обе стояли, прижавшись друг к другу, и неподвижно смотрели в землю. За их спинами нервно переминались родители — заплаканная мать и хмурый отец с загрубевшими руками крестьянина.

Чуть поодаль, оперевшись на резную трость, стоял местный шаман. Высокий, высохший старик в потёртой европейской рубашке поверх юбки из сухих растительных волокон. На его шее висели кости, ракушки и высушенные лапы птиц. Старик смотрел на белых врачей выцветшими, подёрнутыми мутью глазами, а его губы непрерывно шевелились, произнося беззвучный, ритмичный наговор.

Дзузу Кома уже была у ленты, быстро переговариваясь с отцом на лингала.

— Что там? — быстро спросила Сара, подходя к периметру.

— Утром у девочек пошла кровь, — Дзузу обернулась к коллегам. — Из носа и дёсен. Одновременно. Родители в панике. Сейчас кровотечение прекратилось, но посмотрите на их глаза.

Лео подошёл ближе. Старшая девочка медленно подняла голову. Её склеры были густо заплывшими, темно-красными — не от слёз или бессонницы. Капиллярная сетка воспалилась и слилась в сплошную пурпурную мембрану, обрамляющую тёмные, удивительно спокойные зрачки. У младшей девочки картина была идентичной.

— Температура? — резко спросила Сара.

— Тридцать семь и два у старшей, тридцать семь ровно у младшей, — ответила Дзузу.

— Нам нужны образцы крови, — сказал Лео. — Лукала, принеси наборы для экспресс-забора.

Пока Лукала Мбуйи и Дзузу быстро и умело брали кровь из вен девочек — те даже не вскрикнули, лишь сильнее сжали пальцы матери, — отец сестёр торопливо заговорил по-французски, обращаясь к Лео:

— Доктор... Заберите их. Положите в палатки. Спасите их!

Лео посмотрел на Сару. Та твёрдо качнула головой.

— Нет, — сказал Лео, поворачиваясь к отцу. — Послушайте меня внимательно. В тех белых палатках лежат люди с тяжёлой, смертоносной формой инфекции. У ваших дочерей сейчас нет ярких симптомов. Если мы поместим их в изолятор, они гарантированно подхватят вирус от больных и умрут через три дня. Вы этого хотите?

Отец отступил на шаг, растерянно смотря на жену.

— Мы их осмотрим. Но затем, дома, карантин, — вступил в разговор Лукала, передавая отцу четыре белые медицинские маски. — Заприте девочек в отдельной комнате. Никаких контактов с соседями. Никому не заходить к ним, кроме вас. Вы заходите только в этих масках. Завтра утром доктор Кома придёт к вам в деревню для осмотра.

Шаман за спиной родителей внезапно повысил голос. Его глухое бормотание сменилось резким, гортанным речитативом. Старик поднял трость и указал ею не на лагерь, а куда-то в сторону возвышающегося за деревней холма, где находились шахты.

— Что он говорит, Дзузу? — тихо спросил Реми.

— Он говорит... что эта болезнь пришла не из деревьев и не от зверей, — медленно перевела Дзузу, не сводя глаз со старика. — Он говорит, что белые люди раскопали камень, который должен был лежать в земле до конца времён. Что это не болезнь. Это — проклятье. И земля заберёт тех, кого сочтёт своими.

Шаман развернулся и, не прощаясь, пошёл прочь по кирпичного цвета пыли.

Результаты анализа крови сестёр были готовы к девяти вечера. Снаружи начиналась тропическая гроза: крупные, редкие капли с гулким треском ударили по брезентовой крыше лаборатории.

Сара, Лео и Реми склонились над распечаткой.

Образцы обеих девочек дали положительный результат на филовирусную РНК. Но показатели титра были настолько ничтожны, что автоматический анализатор вывел на поля редкую системную плашку: «*Below threshold — uncertain significance*» (Ниже порога детекции — неопределённая значимость).

— Он не просто сдерживает себя, — прошептала Сара Хёйбрехтс, и в её голосе впервые прозвучало нечто, похожее на суеверный затаённый страх. — В теле этих детей вирус вообще не вызывает иммунного отклика. Ни IgM, ни IgG не обнаружены. Иммунная система их организмов просто... не видит его. Или считает своей собственной тканью.

— И посмотрите на пульс, — Лео указал на нижнюю строку распечатки. — У обеих девочек частота сердечных сокращений на двенадцать ударов ниже нормы для их возраста. Точно так же, как у Бенга.

— Вирус ассимилировался, — констатировал Реми, откидываясь на спинку стула. — У взрослых мужчин с ослабленным здоровьем он вызывает катастрофу или перегрузку сердца. У детей он просто прячется в тень и меняет метаболизм.

— Чёрт. Если вы правы... Это не просто вспышка, коллеги, — тихо резюмировала Сара, закрывая тетрадь с протоколами. — Мы столкнулись с чем-то, что готовилось здесь десятилетиями. Всем спать. Завтра будет непростой день.

Около одиннадцати вечера Лео вернулся в предбанник-раздевалку зелёной зоны, чтобы забрать свои личные вещи. Лагерь уже погрузился в темноту, разрываемую лишь вспышками далёких молний и тусклым светом галогеновых фонарей.

Лео умылся из умывальника, вытер шею жёстким бумажным полотенцем и открыл свой металлический шкафчик.

Часы Casio лежали на деревянной полке. Рядом с ними покоился медный амулет.

Лео протянул руку и взял браслет.

Металл обжёг пальцы.

Это не была температура комнаты. Браслет был *ледяным*.словно кусок меди несколько часов пролежал в глубокой заморозке при минус двадцати. Холод был пронзительным, нереальным, исходившим из самой структуры металла.

Лео замер, готовый выпустить амулет из рук, но пальцы не разжались. словно повинувшись неосознанному, мучительному импульсу, он преодолел сопротивление, силой раздвинул дужку и надел браслет на правое запястье.

Казалось, что ледяная волна мгновенно проткнула кожу, устремившись вверх по предплечью, к локтю, к плечу и вниз по спине. Пульс Лео резко подскочил, а затем под обручем вспыхнула и тут же погасла прохладная, тупая ломота. Линия побледневшей кожи на запястье мгновенно исчезла — браслет сел идеально, точно на своё прежнее место, как будто вращаясь в тело, которое уже считал своим.

Он выскочил из раздевалки и пошёл по размокшей от дождя тропе к своему вагончику.

Ночь над лагерем была густой, пахнувшей озоном, сырой глиной и прелыми листьями. Дизель-генератор морга гудел за палатками ровным, белым шумом.

И тут Лео услышал их.

Барабаны.

Но на этот раз звук был абсолютно иным. Он лишился вчерашней пугающей близости и давления. Удары звучали далёко, глухо и искажённо, словно долетали сквозь толщу воды или преодолели многокилометровый бетонный тоннель.

Тум... Тум-тум.

Два удара. Пауза. Два удара.

Пение — одинокий, тонкий женский голос, вытягивающий бесконечную ноту, — пробивалось сквозь пелену дождя едва слышным эхом, мерцая на самой грани человеческого слуха. Это был не сам ритуал. Это был его призрак, его отражение, застрявшее в ночном воздухе джунглей.

Лео остановился у двери своего вагончика.

Медный браслет на его запястье постепенно отдавал холод, нагреваясь от кожи. Но на какую-то долю секунды Лео показалось, что металл вибрирует в такт далёким ударам.

Он вошёл в вагончик, запер замок на два оборота и опустился на койку, не зажигая света.

Потолок из прогнувшегося железа стоял над ним в темноте. На тумбочке тускло отсвечивал пустой стакан.

Лео прижал ладонь к груди. И там, в тишине закрытого пространства, он отчётливо почувствовал, как его собственное сердце — здоровое, тренированное сердце — вдруг споткнулось. Сбилось. Пропустило один удар.

И в образовавшейся паузе в его грудной клетке отозвалось нечто чужое.

Тихое, глухое, второе биение.

Как далёкое эхо барабана.

Глава пятая. Спирали и линии

Мбанза-Нгунгу дышал высокогорным, плотным туманом.

Здесь, на западе, за сотни километров от красных выжженных карьеров Верхней Катанги, воздух был перенасыщен влагой, плотным ароматом эвкалиптовых рощ и гниющей коры гигантских фикусов. Белая сырость ползла по брусчатке бельгийских улиц, цеплялась за ржавые чугунные ограды,

неторопливо затекала в открытые окна старых колониальных вилл, давным-давно сдавшихся под натиском вечной джунглевой зелени.

Имани шла по крутой, вымощенной камнем тропе. Её шаги были бесшумными, почти невесомыми. Подол белого хлопкового платья впитывал утреннюю росу, намокая и тяжелея с каждой сотней метров подъёма.

Время в доме её деда двигалось по совсем иным, нездешним законам. Оно оседало на резных панелях махагони густой древесной пудрой, скапливалось в углах вместе с перламутровыми крыльями мёртвых ночных мотыльков, впитывалось в пожелтевшие фотографии на стенах. Дом был настоящим архивом теней. Сюда, в эту сырую прохладу, оставшиеся из семьи Нгой принесли с собой из южных провинций лишь старые сундуки, запертые на висячие замки, и долгую, непрерывную память.

Но самые тяжёлые призраки этого дома принадлежали далёкой Катанге.

Имани знала их всех. Она помнила пряный запах раскалённой меди, навсегда вшитый в складки платья её покойной бабушки — женщины, которая родилась на той ядовитой, богатой рудой земле, всю жизнь дышала её пылью и там же легла под тяжёлый слой суглинка. Она помнила ночь, пахнущую жжёным бензином и страхом, когда скрежет мачете по рифлёному железу оборвал голоса её родителей. Их лиц в памяти почти не осталось, сохранились лишь отрывки: сухие, жёсткие ладони отца, привыкшие копать землю, и последний, срезанный ночной тишиной вскрик матери. Катанга забрала их, переварила и превратила в серую золу, из которой теперь росли новые деревья.

Имани отворила деревянную калитку. Железо отозвалось высоким, тонким скрипом, помнившим прадеда, поставившего эту ограду в начале тридцатых годов.

Палуку Нгой сидел в глубоком плетёном кресле на крытой веранде. Ему было под восемьдесят. Точной даты никто не знал: церковную книгу в приходе съели термиты ещё во времена бельгийцев, и Палуку отсчитывал свой век не годами, а великими войнами, морями и сменой правителей в столице. Дед напоминал изваяние из морёного дуба, выточенное тысячелетиями дождя. Его глаза, затянутые густой молочной плёнкой катаракты, смотрели поверх сада, пронзая туман. Ясное, физическое зрение давно покинуло его, уступив место иному, пугающе точному восприятию мира.

— Дети в приходской школе три дня читали молитвы по пустой доске, — произнёс Палуку, не поворачивая головы. Его голос шелестел, как шелестит сухая трава под ветром. — Мел остался лежать на столе. Директор присылал мальчишку. Я сказал, что ты больна, но он не поверил. Человек, привыкший ко лжи, правду принимает за обман.

Имани опустилась на низкую деревянную скамью у его ног, расправив складки влажного платья. Скамья была тёплой от старого дерева, сохранившего в себе пот и влагу нескольких поколений.

Она коснулась его сухой, узловатой руки.

— Я должна была предупредить тебя, что уеду так надолго, — тихо сказала она. — Как ты справляешься здесь один? Без моих глаз.

Палуку чуть заметно усмехнулся, и его лицо на секунду утратило свою гранитную строгость, став просто лицом старого, уставшего человека.

— Старый человек в Мбанза-Нгунгу никогда не бывает один. Соседка, вдова Кабемба, приносит мне горячий фуфу и рыбу по вечерам. Думает, я не замечаю, что она кладёт туда слишком много пальмового масла, — он издал короткий, сухой смешок. — А её старший сын иногда заходит починить радио или сыграть со мной партию в макао.

— И ты ему поддаёшься? — Имани слабо улыбнулась.

— Ни за что, — дед качнул головой. — Мальчишка жульничает, думая, что раз я плохо вижу карты, то и не слышу, как шуршат его рукава. Но он добрый парень. Приносит мне табак с рынка. Здесь спокойно, Имани. Слишком спокойно для того, чтобы волноваться обо мне.

Он вздохнул, и бытовая мягкость вдруг снова покинула его голос, сменившись прежней, стариковской размеренностью.

— Директор мне не поверил, — продолжил старик. — Я не обиделся. Люди, которые верят всему, в конце концов не верят ничему... Но ты не ответила.

— Я уезжала в Киншасу, дедушка.

— Киншаса. Он произнёс это слово, как произносят название болезни...

Он произнёс это слово, как произносят название болезни.

— Зачем?

— По просьбе мужа.

Палуку едва заметно качнул головой. Его белые густые брови чуть вздрагивали, улавливая вибрацию её голоса.

— Человек, чью постель ты делила по моему слову, редко отправляет женщину в столицу просто так, — старик сложил длинные, похожие на сухие корни пальцы на коленях. — У его поступков всегда есть причина, и чаще всего она соткана из страха. Чего он боится теперь?

— Говорит, что земля проснулась, — тихо ответила Имани. — Он правда боится. Попросил мне найти чужака. Кого-то из Всемирной организации здравоохранения. Врача. Местные люди на рудниках в Бата Колé ропщут, дедушка. Они шепчутся в хижинах, собирают старые амулеты. Они верят, что

белые машины раскопали в холмах то, что должно было спать, и теперь чужеземцы хотят очистить землю от наших людей, пустив по воде смерть. Местные думают, что проклятие проснулось, и они потеряют всё. Ему были нужны глаза в столице до того, как врачи прилетят на рудник.

Палуку медленно кивнул, словно прислушиваясь к внутренней, одной ему слышимой музыке.

— Врачи дают древним вещам новые имена. Эбола?

— Да. Они соберут пробирки и стёкла, чтобы назвать это так, — Имани посмотрела на свои тонкие, тёмные ладони. — Они ищут причину в крови и слюне... Но они ещё ничего не знают.

Тишина на веранде сгустилась. С мокрых листьев бугенвиллии на каменные ступени с тихим звоном падали редкие капли. Имани вошла в дом.

Когда она вернулась к нему со свежесваренным, ароматным чаем с местными травами, старик подался вперёд, обратив своё полуслепое лицо к внучке.

— Твоя правая рука звучит иначе, — сказал он. — Ветер обдувает кожу, которая была скрыта металлом с тех пор, как у тебя выпал первый молочный зуб. Я больше не слышу тяжести. Где твой браслет?

Имани опустила взгляд. Правое запястье было пустым. Лишь ровная полоса чуть более светлой кожи напоминала о массивном медном обруче.

— Я отдала его.

— Отдала, — повторил Палуку. В его голосе не было удивления — только глубокая размеренность. — Американцу?

— Да.

— Ты думаешь, он тот самый?

Имани закрыла глаза. На мгновение перед ней снова возник полумрак костёла Святого Петра, цветные лучи, проходящие сквозь витраж, и пальцы чужеземца, коснувшиеся её руки.

— Я не знаю, дедушка. Он другой... Но когда я надевала медь на его руку, я почувствовала что-то. Как будто между нами натянулась нить. Металл принял его тепло. Не то тепло, которое даёт солнце, а то, что живёт глубоко внутри... Настоящее тепло. Человеческое.

Палуку откинулся на спинку кресла. Его ладонь проехала по сухому подбородку.

— Женщина, чью кровь ты носишь, говорила об этом в ночь перед тем, как лечь в землю, — тихо проговорил старик. — Твоя бабушка сидела на такой же веранде в том нашем доме и плела узор из бисера. Она сказала: «Чужак придёт

из далека. Его сердце будет звучать пустым, незнакомым ритмом, но именно он закроет дверь». Она всегда запрещала отдавать тебя в дом местных. Запрещала связывать тебя с людьми, чьи предки копают эту медь.

— Она видела сны, — тихо произнесла Имани, и в этих словах не было сомнения — была форма давнишнего, привычного согласия, как соглашаются с тем, что небо голубое, а вода мокрая.

— Бабушка видела то, что видела, — отрезал Палуку. — И она прямо говорила: не выдавай её замуж в Катанге. Не потому, что Катанга плохая. А потому, что Катанга — это замок без дверей. Кто приходит туда — остаётся. А кто остаётся — уже не уходит. Земля не отпускает.

Имани опустила голову, глядя на каменный настил и стоящий на нем чайник.

— Семья Мбоко дала нам укрытие, дедушка. Они защитили нас, когда сгорел дом в Катанге. Это был хороший союз. Ты сделал то, что должен был сделать старейшина рода, оставшийся с чужим ребёнком на руках.

— Сомнение — тяжёлый груз для старика, — голос Палуку отозвался лёгкой горечью. — Дом Мбоко был богат, их люди были вооружены, их слово много значило в Лубумбаши. Мне казалось, что я строю для тебя крепость. Но крепость, которая защищает тебя от мира, одновременно закрывает от тебя твою судьбу. Возможно, я был неправ, настояв на вашей помолвке. Мы пытались обмануть узор, а узор просто ждал своего часа.

— Ты был прав, дедушка.

— Может быть. А может быть, — он помолчал, — я был неправ. Потому что щит, который закрывает тебя от мира, закрывает и мир от тебя. А ты, Имани... ты не из тех, кого можно закрыть.

— Ты хотел лучшего для меня, — сказала Имани.

Ветер прошёл через двор, подняв столб оранжевой пыли. Она кружилась на пороге — медленно, красиво, точно, — как кружится то, что знает, куда ему нужно лечь.

— Значит ты должна вернуться туда, — Палуку повернулся к ней и указал пальцем в другую сторону, на север, где за холмами и реками лежали джунгли Бата Колё. — Не потому, что муж отдаёт приказы. Не потому, что американец ждёт. Ты должна идти за своей медью.

— Я знаю.

Да, Имани знала. Она знала это так, как знают вещи, которые не учат, а вспоминают, — как вспоминают дорогу домой, идя по ней ночью, без фонаря, на ощупь, по запаху земли и направлению ветра.

Палуку вздохнул. В его груди что-то сухо проскрипело, точно балка в старом здании перед дождём.

— Расскажи мне ещё раз про тот день, дедушка, — тихо попросила Имани.
— Про сухой колодец.

Старик замолчал на долгое время. Капли продолжали падать с листьев, отсчитывая мгновения. Но когда он неспеша допил чай, заговорил:

— В тот день в Катанге горели деревни. Пришли люди из Шабы с факелами и железом. Тебе было четыре года. Твой отец успел привести тебя сюда, ко мне, а сам вернулся за матерью. Больше я их не видел. Их имена записаны в книге у священника, которую потом съела сырость. А тебя я спустил на верёвке на дно колодца за сараем, который выкопал твой прадед. Он был сухим уже пять лет к тому дню, вода ушла на глубину.

— Я помню темноту, — прошептала Имани.

— Ты сидела там двое суток. Без единого плача. Я спускал тебе маис и воду в корзине. Ты была совсем маленькой, но когда я вытащил тебя на свет, твои пальцы были сжаты в кулак.

— Я держала камень, — сказала Имани.

— Камень, — кивнул Палуку. — Тёмный, гладкий, круглый голыш, который ты нащупала в глине на самом дне. Он был тёплым. Всегда тёплым. Никто не знает, откуда он взялся в деревянной кладке из тали. Но ты не выпускала его три дня.

— Но вода же вернулась, дедушка?

Он чуть заметно улыбнулся морщинками вокруг глаз.

— Вернулась... Позже. Гораздо позже. В тот самый день, когда твоя бабушка закрыла глаза и перестала дышать. Вода поднялась на три метра. Чистая, прохладная. С тех пор я пью только воду из колодца.

— Что было с той водой, дедушка?

— Я не знаю, — ответил Палуку. — Но бабушка знала. Бабушка знала многое. Она родилась в том доме, на той земле, и когда она умерла, земля забрала её обратно, но оставила воду. Как подарок. Или как напоминание.

— Пойдём, — сказал он Имани, поднимаясь.

Они прошли на задний двор, за сарай, где в тени развесистого дерева стоял старый колодезный сруб. Каменная кладка, сложенная ещё в тридцатых годах, потемнела и покрылась густым мхом.

— Его тоже выкопал твой прадед. А я опустил в него тот камень.

— Что это был за камень?

Палуку отстранился. Посмотрел на неё. Долго, тяжело, мутными глазами, в которых отражалось багровеющее небо.

— Это было то, что было до тебя, — произнёс он. — И то, что будет после. Бабушка называла это «костью земли». Я не знаю, что это. Я знаю только, что оно легло на дно колодца задолго до того, как твой прадед выкопал его. Оно было там до нас. И оно будет после нас.

Имани наклонилась и заглянула в черное жерло.

На глубине нескольких метров стояла вода. Абсолютно неподвижная, ровная, как отполированное черное стекло. Она не отражала нависающие ветви, а словно втягивала свет в себя. От колодца поднимался лёгкий, ни с чем не сравнимый аромат — запах ночного цветка, костуса прекрасного, произрастающего только в самых глубоких и тёмных балочных топях.

— Возьми её с собой, — сказал Палуку, стоя за её спиной.

— Зачем?

— Может быть доктору понадобится эта вода, — ответил старик. — Не его лекарства, не его бумаги. Вода из колодца, который хранит твой камень.

Имани вошла в дом, нашла пустую стеклянную бутылку, тщательно промыла её и вернулась к колодцу. Она спустила ведро на плетёной верёвке. Металл коснулся глади без единого всплеска — глухо и мягко, словно погрузился в плотную маслянистую среду.

Она набрала воду и перелила её в бутылку, плотно притёрла пробку. Сосуд в её руках казался удивительно тяжёлым, словно внутри была не просто прозрачная жидкость, а расплавленное тёмное серебро.

Палуку тоже зашёл в дом, а когда вернулся, протянул внучке небольшой полотняный свёрток.

Имани развернула ткань. На её ладони лежал второй медный браслет. Он был изящнее и тоньше того, что она отдала Лео. На его поверхности не было спиралей — лишь тонкие, строгие параллельные линии с выбитыми между ними крошечными точками.

— Браслет твоей бабушки, — проговорил Палуку. — Надевай. Левое запястье не должно оставаться немым.

Имани застегнула обруч на левой руке. Металл отозвался чистым, прохладным импульсом, пройдя от кисти к самому плечу. И в ту же секунду она явственно ощутила правое запястье — пустое, хранящее фантомный след. Между её левой и правой рукой, сквозь сотни километров джунглей и тумана, натянулась невидимая, гудящая струна, уходящая прямо в лабораторный блок Бата Колé, к человеку, носящему её первый амулет.

— Пора, — произнесла Имани.

Палуку Нгой стоял на пороге, выпрямившись во весь свой высокий рост. Его подслеповатые глаза были устремлены вдаль, где над лесом поднимался кирпичный диск солнца.

— Иди, — произнёс старик. — Пусть земля узнает тех, кто возвращается домой.

Глава шестая. Призывающий к миру

Лабораторный секвенатор закончил работу в восемь тридцать. Он выплюнул длинную ленту термобумаги с тихим жужжанием, и в спёртый воздух лабораторной палатки ударил слабый озоновый запах нагретого пластика и химических реагентов.

Лео стоял над распечаткой, прижимая закручивающийся край листа к царапанной алюминиевой столешнице складного стола. Стальное ребро стола было прохладным, а бумажная лента — ещё тёплой. Он вчитывался в строки, которых не должно было быть. Мбул Бенга, двадцать один год, шахтёр-партизан, пациент из красной зоны — поправлялся. Температура опустилась до тридцати семи и восьми. Печёночные ферменты выравнивались. Лейкоциты падали. Кровь — по-прежнему густая, тёмно-бордовая, но уже не та сгустившаяся дегтярная масса с навязчивым, тошнотворно-железистым запахом — начала сворачиваться нормальными, здоровыми сгустками.

Вирус не убивал его. Он затаился. Он устроился внутри организма тихо, сдержанно, почти вежливо — как жилец в чужой съёмной квартире, старающийся не двигать мебель и не оставлять следов на паркете.

Но самая нижняя строка заставила Лео сжать губы. *Генотипический профиль: обнаружено отклонение. Вариабельность генома — 0.4% от исходного образца. Корреляция с мутационным дрейфом: низкая. Направленность изменений: не определена.*

Ноль целых четыре десятых процента за сорок восемь часов.

— Реми, взгляни, — Лео не обернулся.

Реми подошёл со стороны стерильного бокса. От него пахло въевшимся в халат формальдегидом и горькой, брезентовой пылью: он жевал сухой гранулированный кофе прямо из пластикового стаканчика, отправляя горсти в рот, как поджаренный арахис, потому что вода в электрическом чайнике вспыхнула искрой и заглохла ещё рано утром. Сухие крупички хрустели на его зубах.

— Что там? — переспросил Реми, суховато сглотив.

— Вирус у Бенга. Он переписывает себя.

Реми вытащил распечатку из-под пальцев Лео, пробежал глазами по коду, вернул назад. Взял щепотку кофе, бросил на язык.

— Ноль четыре за двое суток, — пробормотал он, прищурившись на свет дневной лампы. — Это чертовски много. Или ничтожно мало. Всё зависит от вектора.

— Вот именно. Если это направленная мутация, а не случайный сбой при копировании — вирус подстраивается. Он учится мимикрировать.

— Под конкретного Бенга?

— Или под человека вообще.

Реми поставил стаканчик на угол стола с сухим стуком.

— Нужно немедленно снять повторные пробы у девочек из деревни, — сказал он. — Если у них тот же профиль — тихая клиника и медленный дрейф, — мы имеем дело не с инфекционной атакой, а с колонизацией. Вирус не уничтожает ткань. Он заходит, расселяется, занимает пустые ниши, налаживает свою инфраструктуру. А когда его станет критически много...

Он осел на полуслове. В этом не было нужды — мысль висела в воздухе тяжёлым осадком.

В палатку, шурша плотным брезентом, вошла Сара. От неё несло едким репеллентом и мокрой шерстью. Она бросила на стол записную книжку в кожаном переплёте.

— Вы уже видели окончательную секвенцию? Дзузу уже уехала в деревню. Взяла сумку-холодильник. Забор крови сделает к обеду.

— Хорошо, — Лео медленно сложил термобумагу вдвое.

Первый хлопок услышал Реми.

Он замер с поднесённой к губам ладонью. Повёл головой, прислушиваясь инстинктивно, как дикое животное ловит ухом гул под землёй.

— Слышали?

Лео замер. Сначала палатку наполняли лишь привычные шумы: низкий, вибрационный гул дизель-генератора за сеткой, влажный шорох нагретого брезента и где-то далеко — хриплый, петушиный крик. А затем сквозь зелёный массив джунглей проскочил второй звук. Глухой, сухой удар, прокатившийся над кронами, будто кто-то хлопнул тяжёлой сырой доской по воде.

— Выстрел, — произнёс Лео.

Третий. Четвёртый. Короткая, рваная очередь — раскатистое *та-та-та-так*. Пауза, за время которой успеваешь сделать лишь полувдох. И снова очередь — длинная, плотная, злая.

Лео знал этот характерный металлический треск. Не по кинематографу или репортажам — по опыту.

— Калашников, — проговорил он.

— АКМ, — точнее определил Реми. — Калибр семь шестьдесят два. Судя по длинным очередям, палец на спуске держит нервный дурак.

Сара мгновенно поднялась.

— Откуда стреляют?

— Похоже из лесного массива, — Лео шагнул на улицу. — Северо-запад. Километра два. Может, чуть дальше.

У жёлтой пластиковой сетки периметра уже замер капитан правительственных войск FARDC. Ему на плечо давил потёртый ремень автомата, а к уху была прижата рация, из которой вырывался трескучий, искажённый пшиканьем поток речи. Капитан говорил на лингала — быстро, низко, а его тёмное лицо с широкими скулами оставалось неподвижным и серым, как застывший бетон.

— Капитан! — окликнул его Лео, переступая через небольшую канаву с водой. — Что там?

— Стрельба на тропе, — не глядя на него, буркнул офицер. — Патруль докладывает: северный сектор, ближе к старому карьере.

— Кто ведёт огонь?

— Кто угодно. Повстанцы. Частная охрана из Southbridge. Или не поделили руду.

— Там могут быть раненые, — Лео подошёл вплотную к сетке. — Нужно проверить.

Капитан медленно повернул голову. На его потной, упрямой шее вздулась жила. В его глазах не было ни страха, ни героизма — только холодный, свинцовый прагматизм человека, чётко знающего границы своей инструкции.

— Исключено, доктор. Вы остаётесь в лагере. В чаще сейчас носятся люди с патронами, которые не станут разглядывать ваши медицинские эмблемы. Если вы шагнёте за периметр — вас срежут первой же очередью. А потом некому будет латать вот этих, — он мотнул подбородком в сторону медицинских тентов.

— Мы давали клятву, — тихо сказал Лео.

— Вы единственная затычка между этим районом и чёртовой лихорадкой, — жёстко отрезал капитан. — Ваша шкура стоит дороже одного подстреленного контрабандиста.

Стрельба в лесу оборвалась. Тишина, рухнувшая на Бата Колé вслед за этим, была тревожно-липкой и удушливой. Воздух между деревьями будто загустел, пахнув озоном, пороховой гарью и гниющей зеленью.

Лео молчал ровно две секунды. Затем развернулся, вбежал в лабораторный вагончик и сорвал со стены красную нейлоновую сумку-укладку с белым крестом. Пальцы двигались автоматически, выдёргивая из ящиков упаковки гемостатических губок, стерильные бинты, ампулы лидокаина, хирургический зажим, длинные щипцы и пачку одноразовых шприцев.

— Ты свихнулся, Гонзалес, — произнёс Реми, прислонившись к дверному косяку.

— Возможно.

— Если тебя там пристрелят, вскрывать буду лично я. Повезло тебе — у меня идеальный разрез.

— Я вернусь.

— Гонзалес, стой.

Лео вскинул голову.

— Возьми хотя бы Лукалу, — Реми тяжело вздохнул, выпустив изо рта запах горького кофе. — Он местный. Знает лес и тропы. И он не белый — в этой чаще это главный бронежилет.

Мбуйи ждал его на выходе из «зелёной зоны». Он уже успел переобуться в высокие резиновые сапоги, а поверх линялой футболки набросил старый охотничий жилет со множеством карманов. На плече висел лёгкий рюкзак. На его лице застыло то особенное, угрюмое спокойствие, с каким деревенские жители идут выполнять трудную, грязную, но неизбежную работу.

— Я тоже слышал выстрелы, — сказал Лукала. — Пошли.

Капитан всё же выделил им сопровождение — одного солдата, совсем юного, жилистого парня с круглым детским лицом. Бельгийская автоматическая винтовка FN FAL в его тонких руках казалась чужеродным, слишком массивным куском железа.

Они пересекли контрольную черту и вступили под зелёный навес.

Джунгли накрыли их мгновенно, словно выключился свет. Влажный зной ударил в лицо плотной, душной волной. Воздух после дождя пах перегноем, мокрой корой, разлагающимися плодами и тонким, едва уловимым ароматом каких-то ночных цветов, который то возникал при каждом шаге, то пропадал, уступая место запаху стоячей воды.

Солдат вёл их по едва заметной стежке, едва пробитой сквозь подлесок. Мокрые корни скользили под подошвами. Густая мошकारа липла к потному лицу,

забивалась в ноздри и глаза. Лукала двигался вслед за Лео — бесшумно, с поразительной пластикой человека, выросшего в этой чаще. Он ступал на всю стопу, не хрустя сушняком и не задевая свисающих лиан.

Пятнадцать минут хода. Двадцать. Рубашка Лео насквозь промокла от пота и липла к лопаткам.

Солдат впереди неожиданно поднял сжатый кулак. Лео замер. Лукала застыл рядом, чуть раздув ноздри и ловя звуки лесного массива.

Вокруг стояла звонкая, натянутая, как струна, тишина. Но эта тишина была живой — она дышала чужими телами.

Солдат вытолкнул из горла несколько коротких, гортанных фраз на лингала. Голос прозвучал тихо, но чётко разнёсся под сводами деревьев.

Ответ пришёл спустя долгие десять секунд. Голос из глубины зарослей был хриплым, глубоким.

Солдат переглянулся с Лукалой. Тот скупно кивнул.

— Партизаны, — прошептал Лукала Лео на ухо. — Их трое. У одного пуля в ноге.

Они ступили на небольшую прогалину, вытопанную в папоротнике. Возле поваленного ствола дикого фикуса сидели трое.

Двое стояли на ногах. Высокие, сухие, в рваных камуфляжных штанах, с автоматами, небрежно вскинутыми на плечо. Их чёрные, мокрые от пота лица выражали не столько враждебность, сколько дикую, звериную насторожённость. У того, что повыше, через всю щеку — от брови до челюсти — тянулся старый, бледный шрам.

Третий полулежал, опираясь спиной о мшистую кору. Парень лет двадцати пяти, с короткими жёсткими волосами и широким, плоским лицом. Обеими руками он судорожно сжимал правое бедро. Сквозь его пальцы и порванную ткань штанов сочилась кровь — густая, багровая, почти черная в полумраке джунглей, пахнувшая солёным железом.

Лео опустился на колено прямо в сырую грязь рядом с раненым.

— Пулевое? — спросил он, глядя на человека со шрамом.

Тот кивнул:

— В бедро. Навылет не вышла. Видимо на излёте. Или пробила ствол дерева перед тем, как войти, иначе бы вырвала кусок мяса с кулак.

Лео достал изо рта тупые хирургические ножницы и с треском рассёк пропитанную кровью ткань. Рана выглядела обманчиво невинно — маленькая, аккуратная входная дырочка с рваными краями. Но пальцы Лео, осторожно ощупав глубокие ткани через стерильную салфетку, сразу нащупали плотное,

застрявшее между мышцами тело. Пуля села глубоко, но кость осталась цела, а отсутствие пульсирующей струи говорило о том, что бедренная артерия чудом не задета.

— Я смогу вытащить, — произнёс Лео, доставая из укладки ампулу лидокаина и металлический зажим. — Но не на земле. Нужно нести его в наш лагерь.

Партизаны переглянулись. Человек со шрамом насупился:

— Куда именно?

— В полевой госпиталь ВОЗ, — вмешался Лукала, заговорив на лингала. Голос его стал мягким, доверительным. — Мы врачи. Там есть свет, антисептики и инструменты. Мы вернём его вам через пару часов на своих ногах.

Шрам посмотрел на раненого. Тот приподнял голову. Его глаза, расширенные от боли и шока, впелись в лицо Лео. Он оценивал доктора с той быстрой, инстинктивной точностью, с какой раненый зверь оценивает человека.

— Идём, — выдохнул раненый. Голос его хрипел. — Несите.

Солдат FARDC и один из партизан соорудили носилки из двух крепких жердей и застёгнутых курток. Раненого уложили и потащили назад. Лео шёл рядом, придерживая ногу, чтобы при тряске свинцовый сердечник не разрушил мягкие ткани.

На тропе Лео не удержался и тихо спросил у партизана со шрамом:

— С кем вы сцепились?

— С патрулём с прииска, — буркнул тот, продираясь сквозь лианы. — Охрана Southbridge.

— Они открыли огонь?

— Просто вышли из чащи. Они теперь ходят четвёрками, в броне и с ночной оптикой. Даже днём. На нашей земле.

— У них есть раненые?

Мужчина со шрамом криво ухмыльнулся, обронив:

— Не знаю. Мы ударили первыми.

Лукала, шедший следом, нагнулся к уху Лео:

— Обычные будни. Партизаны тащат из карьера руду, Southbridge их отстреливает. Иногда они просто палят в воздух, чтобы отчитаться перед начальством. Иногда — вот так. Местный бизнес.

В лагерь раненого доставили за тридцать минут. Его внесли в перевязочный вагончик. Лукала за считанные секунды развернул рабочее

место: стерильная клеёнка, яркий свет налобного диодного фонаря, лоток с зажимами.

Лео работал без паузы. Щёлкнула ампула. Шприц вошёл в ткани вокруг раны — сухое сопротивление кожи, затем мягкое погружение. Разрез — чёткий, короткий, ровно три сантиметра. Хирургический зажим ушёл в глубину раны мягко, на ощупь, как ключ входит в тугую скважину замка. Металл звякнул о свинец. Лео зафиксировал пулю и одним плавным, единым движением вытянул её наружу.

Небольшой, деформированный кусок свинца в оболочке калибра 5.56 миллиметра. Лео с тихим звоном бросил его в почкообразный лоток.

Раненый парень не издал ни звука. Он лежал, стиснув зубы до хруста, а по его вискам катились крупные, блестящие капли пота.

Лукала промыл раневой канал перекисью — белая пена зашипела на ткани, — наложил дренажную трубку и быстро завязал аккуратный шов.

— Тебя как звать? — спросил Лео, сдёргивая окровавленные латексные перчатки.

Раненый опустил веки, потом выдохнул:

— Мвепу.

Лукала коротко хмыкнул, приматывая стерильный бинт к его бедру:

— «Призывающий к миру». На лингала — Мвепу. Ирония, правда, доктор?

— Не ирония, — слабым, но ровным голосом отозвался Мвепу из темноты кушетки. — Напоминание. Отец назвал меня так, чтобы я помнил: стрельба начинается тогда, когда у людей кончаются нормальные слова.

К тому времени, когда последний шов был завязан, солнце уже коснулось верхушек крон. Густые тропические сумерки накрыли Бата Колé мгновенно, словно сверху накинули плотное бархатное покрывало. Мвепу уснул в вагончике — обезболивающее взяло своё. Его товарищи растворились в чаще, пообещав вернуться на рассвете. Капитан прочёл Лео монотонную пятиминутную нотацию про воинскую дисциплину и ответственность за нарушение приказа, после чего вернулся к своей рации.

Лео стоял у вагончика, вдыхая прохладный вечерний воздух, пахнущий дымом от костра и сырой травой.

Из лаборатории вышел Реми, держа в руках свежие термораспечатки.

— Результаты по деревенским девчонкам, — сказал он, передавая листы. — Один в один. Филовиральные маркеры. Минимальный титр. Иммунология молчит. И — ноль три процента геномного сдвига. Тот же вектор.

— Куда он идёт?

— В сторону полной адаптации, — Реми тяжело вздохнул, вытирая лысину ладонью. — Вирус затирает свои следы. Через пару недель мы не сможем отличить его РНК от стандартного клеточного материала.

Лео сложил бумагу в карман.

— Иллюминатор, — тихо проговорил он.

— Что?

— Мы смотрим в микроскоп, а смотрим сквозь стекло. Там пусто. Вирус стал прозрачным.

Реми хотел что-то добавить, но замолчал.

Со стороны лесной дороги донёлся низкий рык дизельного двигателя. Лагерь в ту же секунду подобрался: часовые у ворот вскинули стволы.

На расчищенную площадку выкатился старый «Мицубиси Паджеро» — весь в кирпичной подсохшей грязи, с трещиной на лобовом стекле. Дизель чихнул, выбросил из выхлопной трубы сизый клочок вонючего дыма и перешёл на ровное урчание.

На водительском месте сидел плотный мужчина в камуфляжной куртке с автоматом на коленях. С пассажирского сиденья выскочил другой — лет тридцати, сухой, с резкими скулами и темными, цепкими глазами. На нем была простая серая футболка, грязные армейские брюки и высокие ботинки. На поясе в кожаной кобуре висел пистолет.

Он поднял руки ладонями вперёд, показывая чистые пальцы, и легко пошёл к медицинским палаткам.

— Все в порядке, — Лео вышел вперёд. — Это за раненым.

Пришелец остановился перед Лео. Посмотрел на него — внимательно, не мигая, без тени улыбки.

— Я у них за старшего, — произнёс он. Голос у него был низкий, с хрипотцой. — Спасибо, что подлатали Мвепу.

— Работа у нас такая, — ответил Лео.

— Знаю. Доктор Гонзалес из ВОЗ. А это доктор Мбуйи. Слухи по лесу разлетаются быстрее, чем малярийные комары.

Он расстегнул кожаную сумку на плече, залез внутрь и вытащил бутылку. «Johnnie Walker Red Label». Настоящая, из толстого стекла, с неповреждённой акцизной маркой. Лео не видел такого алкоголя со дня вылета из Киншасы.

— Предлагаю, — сказал парень, — скрепить знакомство. Вы вытащили моего бойца. Это стоит выпивки.

Лео взглянул на бутылку, затем на Реми. Француз лишь покачал головой и скрылся в глубине вагончика. Сара даже не вышла. Лишь Лукала остался стоять у края настила, скрестив руки на груди в нейтральном ожидании.

— Ну, давай выпьем, — согласился Лео.

Они уселись на шершавые бетонные блоки под камуфляжным навесом. Воздух вокруг был пропитан запахом жжёной древесины, дыма и опавшей листвы. Небо над джунглями окончательно потемнело, став густо-фиолетовым, и над кронами проступили первые крупные звёзды.

Парень вскрыл бутылку одним коротким, привычным движением — свернул пробку с металлическим треском. Налил янтарную жидкость в два пластиковых стаканчика. На дне виски блеснуло отблеском далёкого костра.

— За здоровье, — сказал Лео, поднимая стаканчик.

— За Мвепу, — поправил тот. — И за то, чтобы он дурак, меньше подставлялся под свинцовые посылки.

Виски обожгло пищевод чистым, дубовым теплом. Лео на секунду зажмурился, и в его памяти на мгновение вспыхнул полутёмный бар в Киншасе, текила, глухой звук мелодии «Love is Blindness» и нежный, терпкий запах цветка, исходивший от кожи Имани.

— Хорошая штука, — сказал Лео, кивнув на бутылку. — Откуда?

— Трофей, — усмехнулся парень и протянул руку:

— Илунга.

— Лео.

— Я знаю. — Илунга вновь улыбнулся. — Про тебя тут уже шепчутся. Белый доктор, который попёрся в чащу за контрабандистами. Капитана чуть инфаркт не прибрал.

— Он выдержит.

— Выдержит, — Илунга налил ещё по одной. — Он три года сидит в Верхней Катанге. Здесь кости быстро крепнут.

Лео отпил виски. Помолчал, разглядывая собеседника, потом спросил ровно:

— Что вы там моете в лесу?

Илунга посмотрел на него в упор.

— Редкоземельные металлы, — спокойно ответил он. — Лантан, неодим, церий. Всё, без чего ваши смартфоны и турбины превращаются в куски пластика. На мировом рынке килограмм стоит хороших денег. Залежи здесь

глубокие. Но IC Waze отхватила лицензию на двадцать лет вперёд. На лучших землях.

— И вы работаете на них?

Илунга издал сухой смешок:

— Я на них не работаю. Я здешний. Мой дед копал тут медь, когда бельгийцы ещё в коротких штанишках ходили. Но пришли израильтяне и заявили: у нас бумажка с печатью. А мы ответили: у земли право первого. Вот и возникли разногласия.

— Значит, вы партизаны?

— Не люблю эти громкие слова, — Илунга сделал глоток. — Партизаны воевали за идею. А мы просто хотим жить на своей земле и копать свою руду. Продаём на черном рынке. Это не война. Это выживание.

Лео кивнул.

— А тот мёртвый белый, которого нашли в чаще? Тот, от кого заразился охотник?

Илунга поставил стаканчик на бетон.

— Я думаю, он из Southbridge.

— Из наёмников?

— Возможно. У них на закрытом объекте сидит не меньше тридцать стволов. Южноафриканцы, румыны, пара белых из Киншасы. Сидят за колючкой под током. В деревню не спускаются. Своя скважина, свой дизель, вертолётная площадка. Государство в государстве. Но иногда шныряют по лесу. Патрулируют.

— И один из них просто ушёл в лес и умер?

— Или они сами его списали, — Илунга поднял палец. — У них там жёсткие понятия. Если кто-то начинает пить, сходить с ума или ловить галлюцинации — его просто выставляют за ворота. Без оружия и документов. Местный способ увольнения.

— Вы такое уже видели?

— Видел трупы, — тихо проговаривал Илунга. — Дважды. Оборванные, избитые. У одного была пуля в спине. Но этот ваш... на нем не было синяков?

— Нет.

— Значит, либо он вылетел за периметр и загнулся от лихорадки, либо...

— Либо?

— Либо он не бежал. Либо он ушёл сам, потому что нашёл на руднике что-то такое, от чего у него помутился разум.

— Что там можно найти?

— Вы про руду спрашивали? — Илунга подался ближе, его голос упал до шёпота. — Компания декларирует редкоземы. Но мои парни, которые нанимались к ним на отсыпку дороги, говорили: шахту бьют слишком глубоко. Для неодама такие горизонты не нужны. Там ищут что-то другое. И охрана стоит не от нас. Они охраняют то, что лежит на глубине.

— Уран?

Илунга неопределённо пожал плечами:

— Может и уран.

Лео допил виски. Сухой дубовый аромат смешался с запахом ночной сырости.

— А он здесь есть?

— Уран?.. Есть. Или был... Но есть, что-то похуже...

— Ты веришь в такие байки?

— Я верю своим глазам, — твёрдо сказал Илунга. — А глаза мои видят: как только IC Waze пробила пласт на глубине, в округе начали валиться люди. Сначала один. Потом двое. Охотник. Потом шахтёр. Вы приехали сюда и называете это «эпидемией». А я говорю: это не болезнь. Это отклик.

— Отклик?

— Старики говорят, так земля отвечает, — Илунга взглянул прямо в глаза Лео. — Тем, кто забыл, как с ней обращаться.

Наступила пауза, наполненная треском ночных цикад и далёким пощёлкиванием остывающего дизеля. Илунга перевёл взгляд на правое запястье Лео.

— Откуда у тебя эта вещь? — спросил он.

Лео взглянул на металл:

— Купил в Киншасе. У уличного торговца. Он божился, что это амулет защиты.

Илунга криво улыбнулся.

— Торговцы на панели такое не продают, — тихо произнёс он. — Этоковка. Настоящая. Из рода, который держит секрет медных кузнецов. Их осталось два или три человека на всю Катангу. Каждый такой обруч куётся под человека. Их не продают за медяки. Их передают из рук в руки.

Лео посмотрел на спиральные узоры и насечки, выбитые на темной меди.

— И что тут выбито?

Илунга наклонился ближе. Его мозолистый палец со сбитым ногтем завис над металлом, не касаясь кожи.

— Я не колдун, — сказал он. — Но если читать знак... по мне — спирали — это карьеры. Видел, как выглядит открытая разработка с высоты? Круги, уходящие в глубину. Земля, вывернутая наружу. А мелкие точки вокруг — это люди. Маленькие, зажатые со всех сторон.

— Кем зажатые?

— Кругами, — Илунга распрямил спину. — Но это моё прочтение. Я всего лишь контрабандист.

Лео негромко рассмеялся. Илунга тоже коротко усмехнулся.

— Ты женат, Лео? — вдруг спросил Илунга.

Лео качнул головой:

— Нет. С такой жизнью не получается. Три месяца в Кении, потом Бангладеш, потом Конго. Какая женщина станет ждать человека, который постоянно исчезает в чужих карантинах?

— Находятся и такие, — проговорил Илунга.

— Может быть. Но я не встречал. А ты?

Илунга повертел стаканчик в пальцах, глядя в темноту джунглей.

— Женат. Или числюсь, что женат. Нас обручили родители, когда мне было одиннадцать, а ей шесть. Старейшины так решили. Союз земель, гарантии безопасности. Всё как в старые времена. Она живёт далеко отсюда. А я здесь. Между нами — бумага, пара ритуальных фраз и медное кольцо, которое я снял и повесил на гвоздь в доме.

— Она тебя любит?

— Не знаю. Не спрашивал. В браках, которые заключают на небесах, а живут на грешной земле, такие вопросы не задают.

Лео промолчал. В его памяти вновь возник образ Имани. Изгиб её шеи, ощущение её пальцев на его плече, запах незнакомого цветка, который до сих пор не выветрился из его лёгких — словно этот аромат стал частью его собственного дыхания.

Илунга поднялся с бетонного блока. Размял плечи.

— Пора. Парни отвезут Мвепу в деревню, положат на тюк.

Они пожали руки. Ладонь Илунги была сухой, горячей, с жёсткими мозолями у основания пальцев.

Лео проводил его до «Паджеро». Партизаны уже уложили Мвепу на заднее сиденье — тот полулежал, прижимая к груди перевязанную ногу.

Илунга открыл дверь, но перед тем как сесть, обернулся:

— Лео.

— Что?

— Если тот белый из леса был из Southbridge... Патруль двигался целенаправленно на юг. Понимаешь? Они шли прямо к вашему лагерю. Они шли за ним.

— Что это значит для нас?

— Это значит, что они придут. Не сегодня, так через день. У них тридцать профессионалов со штурмовыми винтовками, ночники и прямая связь с Преторией. А у вас — четыре брезентовых тента, несколько солдат и француз, который жуёт сухой кофе.

— Спасибо за правду.

— Береги себя, доктор, — Илунга прыгнул в кабину. Дизель зарычал, выбивая из-под колёс клочья красной грязи.

Старый джип развернулся и покатил по лесной дороге. Два луча его фар рассекали ночную тьму джунглей, как острый клинок режет плотную ткань — плавно и неизбежно.

Лео стоял у границы лагеря, глядя ему вслед. Густой рокот мотора постепенно таял в бесконечном, оглушительном стрёкоте цикад.

Глава седьмая. Налёт

— *Дождись меня.*

Шёпот обжёг ухо — горячий, телесный, вибрирующий на самой низкой, почти ультразвуковой частоте. Этот голос рождался не в гортани, а в самой глубине грудной клетки, под костью стекающих потом рёбер, где беспокойно и часто билось взбудораженное сердце. Лео лежал в густой, обволакивающей темноте, которая казалась почти осязаемой на ощупь. Воздух был напитан густыми, дурманящими ароматами ночного жасмина, сырой послегрозовой земли и прямого, горящего костуса — древнего парфюмерного корня, чей запах напоминал одновременно сухие древесные смолы и мускус.

Имани была рядом. Её кожа — раскалённая, безупречно гладкая, увлажнённая мелкой испариной — скользила по его груди, вытесняя из сознания мир вокруг. Лео ощущал каждую линию её тела: грациозный,

уверенный разворот бёдер, резкие, графичные ключицы под своими ладонями, точёный изгиб шеи. Её короткие, жёсткие пружинки волос щекотали подбородок, оставляя на коже едва уловимый запах пальмового масла и дыма.

Медный обруч на его правом запястье обжигал сухим, почти мертвенным холодом, остро и болезненно контрастируя со сжигающим жаром её дыхания. Лео выгнулся навстречу этому медленному, гипнотическому движению, пальцами впиваясь в тёмную, тугую гладь её спины. В этом порыве не было ни утончённости, ни сомнений — только чистая, первобытная физиология, сливающаяся с чем-то неоспоримым, древним как сама эта земля.

Имани наклонилась ещё ниже. Её губы, горячие и мягкие, коснулись шеи прямо под челюстью, зубы с лёгким, ощутимым нажимом прикусили пульсирующую сонную артерию, и она выдохнула прямо ему в кровоток, оставляя на коже обжигающий влажный след:

— *Дождись меня...*

Металлический, резкий лязг разорвал сон в дребезги.

Лео распахнул глаза, судорожно хватая ртом спёртый, удушающий воздух деревянного вагончика. По фанерным и жестяным стенам метнулись слепящие, разрезающие предрассветный мрак полосы автомобильных фар, пробившиеся сквозь порванную москитную сетку на окне. Снаружи надрывно, с недобрым низким рыком молотили мощные форсированные дизели, захлёбывающиеся на холостых оборотах. Сквозь этот рокот пробивались резкие, гортанные команды, выкрикиваемые сразу на двух языках — французском и английском.

Лео скатился с узкой койки, мгновенно ощутив, как липкий пот быстро остывает на груди. Влез в помятые джинсы, натянул высокие ботинки на босу ногу, даже не зашнуровав их, и выскочил в душную, стоячую Африку.

На расчищенной поляне лагеря ВОЗ стояли два больших внедорожника «Тойота Лэнд Крузер». Мелкодисперсная оранжевая пыль и выхлопные газы висели в воздухе плотной взвесью, подсвеченной изнутри мощными галогеновыми фарами. Двери машин распахнулись почти синхронно. На растоптанную грязь высыпали люди в полном тактическом обвесе: тёмно-песочные плитники, тяжёлые разгрузочные жилеты, кевларовые шлемы без единого опознавательного знака или флага.

В руках боевиков Лео сразу узнал оружие, которое трудно спутать с чем-то другим — израильские карабины *Emtan MZ-4P* с укороченными четырнадцатидюймовыми стволами, поршневой системой автоматики, коллиматорными прицелами и тактическими фонарями на боковых планках Пикатинни.

Шестеро человек. Трое местных, физически крепких конголезцев с застывшими, деревянными лицами, и трое белых — обветренные, со сбитыми

кулаками, поджатыми губами и бесстрастными, сканирующими пространство взглядами профессиональных операторов частных военных компаний.

Солдаты FARDC, официально выделенные правительством для охраны полевого госпиталя ВОЗ, даже не сделали попытки вскинуть свои потёртые винтовки. Они молча опустили стволы к земле, вжимаясь в сумраке бамбуковых навесов. Их капитан стоял у крайней палатки, уставившись в грязь под ногами с подчеркнутым, мертвенным равнодушием человека, которому уже перевели нужную сумму на мобильный счёт. Охрана лагеря просто свернулась перед лицом превосходящей силы.

Из лабораторного блока, на ходу застёгивая медицинские халаты, уже выбегали дежурившие Сара и Реми.

Широкоплечий наёмник — блондин с густой короткой бородой, глубоким шрамом, пересекающим левую бровь, и плотно сидящим шлемом — решительным шагом направился прямо к врачам.

— Где тело? — рявкнул он на чистом французском, без малейшего намёка на провансальский или парижский акцент.

— Вы не имеете права врываться на территорию международной карантинной зоны ООН! — Хёйбрехтс выскочила вперёд, физически закрывая собой вход в мобильный контейнер-рефрижератор. — Это объект ВОЗ! Здесь действует особый эпидемиологический протокол!

— Мы пришли забрать нашего сотрудника, — наёмник даже не повысил тона, но в его голосе прозвучала монолитная уверенность человека, привыкшего отдавать приказы.

— Вы сошли с ума! — Реми встал плечом к плечу с Сарой, его лицо побледнело от гнева и бессилия. — У него геморрагическая лихорадка! Неизвестный, крайне агрессивный штамм! Труп выделяет контагиозный биоматериал каждую секунду, клетки распадаются прямо сейчас. Вы заразите весь свой грёбанный рудник и сдохнете там через сорок восемь часов!

— Это не ваша забота, доктор.

Блондин коротко кивнул своим людям:

— Тащите его в багажник.

Двое боевиков, натянув на лица защитные полумаски-респираторы и толстые резиновые перчатки до локтей, направились к дверям морга.

Лео шагнул наперерез. Вскипевший от оборванного сновидения адреналин глушил остатки разума и страха.

— Вы не посмеете его тронуть! — Лео перекрыл путь блондину, вставая впритык к его бронежилету. — Нам нужно закончить секвенирование генома! В его тканях идёт мутация, которую мы никогда не видели. Вывезете его — и через

три дня ваш лагерь превратится в гниющее кладбище! Вы даже до вертолѐта дойти не успеете!

Блондин медленно оглядел Лео сверху вниз — задержав взгляд на его босых ногах в расшнурованных ботинках и дрожащих от напряжения руках.

— Отойди, парнишка, — процедил он сквозь зубы.

Лео не сдвинулся с места. Казалось, в нём вспыхнула чистая, юношеская ярость. Он подался вперѐд и изо всех сил вцепился пальцами в нейлоновую лямку тактического жилета боевика:

— Я сказал, вы его не...

Удар последовал мгновенно. Без замаха, коротким и страшным поворотом всего корпуса. Лѐгкий полимерный приклад Emtan впечатался Лео прямо под рѐбра, в солнечное сплетение.

Воздух вырвался из горла с хриплым, мокрым свистом. Мир перед глазами мгновенно схлопнулся в белую искрящуюся точку. Лео рухнул на колени прямо в жидкую красную грязь, беспомощно разинув рот, пытался сделать хоть один судорожный глоток, но парализованная диафрагма отказалась работать. В рѐбрах вспыхнула такая острая боль, словно кости треснули и вонзились в мягкие ткани.

— Лео! — отчаянно закричала Сара.

Блондин опустил ствол винтовки и скользнул скучающим взглядом по корчащемуся на земле биологу.

— Раз ты такой умный и заботишься о вирусе, значит, поедешь с нами. Поработаешь консультантом по безопасности. Поднять его.

Двое местных боевиков подхватили Лео под мышки и рывком вздѐрнули на ноги. Ноги подкашивались, во рту стоял стойкий кислый вкус желудочного сока и железа. Его поволокли к первому внедорожнику, грубо запихивая на заднее сиденье.

В это же время из мобильного морга вынесли плотный чѐрный пластиковый мешок для тел. Замок-молния был запечатан металлическим зажимом, но от мешка даже на расстоянии нескольких метров разлило застоявшимся, сладковато-химозным запахом формальдегида и удушливого биораспада. Его с глухим плотным звуком забросили в багажник второй машины.

— Погодите! Стойте! — Сара, роняя вещи, выскочила из своего вагончика. В руках она тащила оранжевый нейлоновый рюкзак с яркой символикой биозащиты.

Подойдя к открытой двери машины, куда боевики заталкивали полубессознательного Лео, она со всей силы швырнула сумку ему на колени.

— Здесь костюм, респиратор, дезинфектаты, шприцы и антибиотики! Надень всё, как только приедете! Не дыши их воздухом, Гонзалес! Слышишь меня?!

Реми попытался прорваться к джипу, но перед его грудью мгновенно вырос холодный воронёный ствол винтовки.

В этот момент командир группы отшагнул на пару метров в сторону, прижал палец к тактической гарнитуре и начал что-то быстро и отрывисто говорить в микрофон. Лео, преодолевая звон в ушах и дикую боль в груди, прислонился виском к пыльному стеклу и попытался вслушаться.

Язык звучал абсолютно чужеродно. В нём не угадывались ни мягкие картавые гласные французского, ни чёткий ритм английского, ни гортанная семитская лексика идиша или иврита, ни певучая, гласная плавность местных наречий банту. Это была жёсткая, невероятно плотная, рубленая речь, переполненная сухими шипящими звуками, щёлкающими смычками, твёрдыми согласными и закрытыми гласными — словно кто-то с хрустом ломал сухие сосновые кости или выбивал искры из кремня. В ней угадывались романские корни, но искорёженные славянской грубостью.

— Значит ты Гонзалес? — сказал старший, усаживаясь на переднее сиденье. — Ладно, поехали.

Дверь с грохотом захлопнулась. Дизель взревел. Внедорожник рванул с места, обдав стоящих у палаток врачей облаком кирпичной грязи и горелой солянки.

Поездка сквозь ночные джунгли больше всего напоминала медленное движение внутри пищевода гигантского, незримого чудовища.

Густые, жирные листья папоротников и диких бананов с оглушительным, пулемётным треском хлестали по бронированным стёклам «Тойоты». Огромные лианы, свисавшие с невидимых в абсолютной темноте крон столетних деревьев, казались в свете мощных галогеновых фар застывшими, слепыми змеями. Лес вокруг не просто рос — он жил собственной агрессивной жизнью: прел, испарял влагу, медленно пожирал сам себя и тут же возрождался в бесконечном круговороте гниения. Время внутри машины потеряло всякую последовательность. Лео казалось, что они едут уже несколько суток, хотя на деле не прошло и сорока минут.

В салоне стоял настоящий, спёртый запах: смесь оружейного масла щелочного состава, дизеля, застоявшегося мужского пота, дешёвого табака и кислоты.

С каждой новой глубокой выбоиной, с каждым жёстким ударом подвески, приближавшим их к подножию холмов, где-то внутри Лео закипало странное, ни на что не похожее ощущение.

Глубоко в его грудной клетке — прямо за ушибленной рукоятью винтовки грудиной — подал голос невидимый, фантомный механизм. Внутренний счётчик Гейгера.

Сначала это были редкие, едва уловимые щелчки. Медленный, рваный ритм. *Треск... пауза... глубокий вдох... снова треск.*

Но чем дальше они углублялись в лесной массив, чем ближе подбирались к закрытой территории геологоразведочной компании, тем чаще и агрессивнее становились эти разряды. Земля вокруг была пропитана какой-то древней, угрюмой патологией. Медный браслет на правом запястье Лео стал настолько ледяным, что кожа под ним начала неметь. Холод металла резонировал с нарастающей вибрацией в его собственных костях. Внутренний треск ускорялся, превращаясь в частую дробь, сливаясь в единый, зудящий, сухой гул, от которого ломило зубы.

Джунгли расступились неожиданно, словно перед несущейся машиной кто-то резко распахнул тканый занавес из лиан.

Утреннее солнце высветило высокую, монументальную ограду. Сплошной бетонный цоколь высотой в три метра, поверх которого тянулась стальная сетка-рабица с тремя рядами колючей проволоки «Егоза» под напряжением. На угловых вышках ещё горели промышленные прожекторы, заливавшие вырубленную просеку мертвенным, фосфорным блеклым светом.

Массивные стальные ворота с гидравлическим приводом тяжело и бесшумно сдвинулись в сторону. Внедорожники въехали на охраняемую территорию рудника «Като-Томбе».

Лагерь внутри периметра разительно, до шока отличался от жалких и грязевых тентов миссии ВОЗ. Здесь выстроились строгие, идеальные ряды белоснежных жилых модулей-контейнеров, поднятых на полуметровые металлические сваи для защиты от змей и сырости. На крышах каждого вагончика непрерывно и басовито гудели внешние блоки мощных кондиционеров Mitsubishi Electric. На расчищенных площадках темнели туши тяжёлой карьерной техники — жёлтые экскаваторы, самосвалы и буровые установки.

Но главное, что приковало к себе внимательный взгляд Лео, находилось прямо в склоне красного холма, высящегося в центре лагеря.

В толщу породы был грубо и глубоко врезан прямоугольный бетонный портал. Вход в туннель перекрывала массивная стальная гермодверь с двухпозиционным затвором-штурвалом — точно такая же, какие устанавливают на атомных подводных лодках или в правительственных бункерах.

Рядом с входом непрерывно грохотал отдельный дизель-генератор размером с крупный морской контейнер. Он работал с низким вибрационным

гулом, подавая высоковольтное питание по толстым черным кабелям непосредственно внутрь пещеры. Вход охраняли двое боевиков с автоматами наизготовку.

Счётчик в груди Лео в этот момент зашёлся истеричной, сплошной, невыносимой дробью. Его мутило.

Внедорожник замер у самого большого, двухэтажного модульного здания с панорамными затенёнными окнами. Дверь открылась, и Лео без церемоний вытолкнули наружу. Он едва удержался на ногах, до хруста в пальцах сжимая оранжевый рюкзак с защитной экипировкой.

Пластиковая дверь модуля отворилась с тихим шипением пневматики, выпустив на улицу поток морозного, стерильного, кондиционированного воздуха.

На металлическое крыльцо вышла женщина.

Ей было около сорока пяти лет. Высокая, сухая, с безупречно прямой, почти военной осанкой. На ней были отглаженные тёмно-серые брюки и блузка из плотного шёлка цвета слоновой кости, которая выглядела дико и сюрреалистично посреди конголезской грязи. Тёмные волосы с изящными проседями на висках были стянуты в тугий, строгий узел на затылке. Её лицо с точёными, высокими скулами, тонкими губами и глубоко посаженными тёмными глазами выражало абсолютный, ледяной контроль над собой и окружающим пространством.

За её спиной, словно массивная литая тень, вырос мужчина примерно того же возраста. Плотный, с бычьей шеей, полностью бритым черепом, перебитым носом и густыми усами. На его обнажённом предплечье тянулся рваный шрам от ожога. В его стойке и том, как его глаза мгновенно оценили сектора возможного обстрела, угадывалась выучка кадрового офицера армейского спецназа.

Женщина медленно спустилась по металлическим ступеням. Её дорогие кожаные ботинки сухо скрипнули по мелким камням. Она подошла к Лео, остановившись на расстоянии одного шага.

— Здравствуйте, доктор, — её голос прозвучал низко, бархатисто и совершенно равнодушно. Она говорила по-французски с едва заметным, твёрдым восточноевропейским акцентом. — Вы, вероятно, доктор Лео Гонзалес? Меня зовут Диана Пэтрашку. А это, — она сделала едва заметный жест тонкой кистью в сторону бритого гиганта, — Драгош. Драгош Хория. Он отвечает за безопасность нашего объекта.

Лео расправил плечи, через силу преодолевая тупую, тошнотворную боль в солнечном сплетении:

— Вы похитили сотрудника международной миссии ООН. Это тяжелейшее уголовное преступление...

Диана мягко, но совершенно непреклонно остановила его поднятой ладонью с дорогой серебряной печаткой на пальце:

— Мы вас не похищали, доктор. Мы вас привлекли к срочным консультациям. Наш сотрудник мёртв, а среди нашей охраны нет вирусологов. Нам жизненно необходима ваша квалификация.

В этот момент к ним подошёл блондин-командир, чей приклад всё ещё отзывался болью в рёбрах Лео:

— А что делать с телом, госпожа Пэтрашку?

Диана скользнула быстрым, абсолютно безразличным взглядом по чёрному пластиковому мешку, который боевики уже выгружали из багажника второго джипа.

— Отнесите пока в холодильник... Да, и накормите завтраком нашего гостя.

Глава восьмая. Возвращение

Красная глинистая пыль, поднятая истёртыми шинами старого, надсадно дребезжащего на каждой рытвине автобуса, просачивалась сквозь разошедшиеся оконные щели, оседая на коже, волосах и ткани вязким, душливым слоем, оставляющим на губах привкус жжёного железа.

Имани сошла на раскалённую обочину, когда солнце, миновав зенит, всё ещё безжалостно выжигало жёсткие стебли слоновой травы вдоль дороги. Мелкий, сухой, как порох, песок мгновенно забился в сандалии, обжигая ступни. Она поправила подол светлого платья, резкими хлопками сбивая терракотовую пудру со складок ткани, и на секунду прижала влажную ладонь к шее — туда, где под тонкой кожей пульсировала липкая испарина.

Новость опередила её. Вести в Катанге перемещаются быстрее радиоволн — они текут, словно невидимые подземные реки, между деревнями вместе с водителями попутных грузовиков, вместе с терпким запахом сушёной маниоки от уличных торговцев и босыми ногами девчонок, бегущих за редким транспортом. Ещё на горном перевале пассажиры в автобусе начали перешёптываться, передавая слова по цепочке: ночью наёмники с израильского рудника ворвались в мобильный лагерь ВОЗ. Забрали чёрный пластиковый мешок из морга. С мёртвым телом. И забрали белого врача. Живого. А солдаты правительственной армии просто стояли в стороне, безвольно опустив стволы автоматов.

Имани пересекла территорию гуманитарной миссии, оставив без ответа сухие, надтреснутые оклики часовых у ворот. Воздух в лагере казался густым,

отравленным въедливым запахом копоти, кислым застарелым потом и резким, режущим ноздри ароматом формалина, тянущимся из распахнутых зевов медицинских палаток.

Капитан FARDC сидел на перевёрнутом дощатом ящике из-под патронов в жидкой, зыбкой тени брезентового навеса. Он лениво обмахивался скомканной топографической картой, бумажные края которой успели истереться в труху, но, увидев идущую прямо к нему молодую женщину, нахмурился и тяжело, с глухим кряхтением поднялся на ноги.

— Вы позволили им увезти его. Лео Гонзалеса, американца, — прямо, отрезая пути к отступлению, произнесла Имани.

Её голос прозвучал тихо, ровно, с пугающим спокойствием, но в нём сжалась та плотная, сухая угроза, от которой у мужчин невольно каменеют плечи.

— Я знаю. Вооружённые люди зашли на объект ООН, забрали человека, а ваши солдаты так и оставили оружие на предохранителях. Почему вы бездействуете?

Капитан сдвинул пропотевший, выцветший берет на затылок, обнажив лоб, покрытый маслянистой испариной. Он окинул Имани долгим, раздражённым, липким взглядом, силясь угадать её статус.

— Иди своей дорогой, женщина, — буркнул он, пряча глаза за плотной пеленой безразличия. — Это дела армейского командования и дипломатов. Я избавлен от необходимости объяснять поступки своих подчинённых каждому местному.

Имани сделала короткий шаг вперёд, подобрала подол платья, чтобы миновать ржавые шипы обрывков колючей проволоки под ногами, и посмотрела ему прямо в лицо — неотрывно, прошивая насквозь:

— Вы будете объяснять свои приказы тем, кто платит вам жалованье, когда этот американец исчезнет бесследно. Как вы собираетесь его возвращать?

Её резкий голос заставил расступиться глухую тишину лагеря. Полог лабораторной палатки колыхнулся, и на раскалённый воздух вышли Лукала Мбуйи и Реми Гайяр.

Француз, потирая воспалённые, покрасневшие от хронического недосыпа глаза, замер на полпути. Его взъерошенный вид и измятый халат, покрытый въевшимися пятнами хлоргексидина и крови, после нескольких дней в полевом госпитале, выдавали крайнюю степень изнурения — ту грань, за которой тело движется лишь по инерции.

— Имани? — Реми моргнул, на секунду усомнившись в собственном зрении. Он перевёл взгляд с её покрытого терракотовой пылью платья на лицо,

мгновенно узнавая черты девушки из душного, пропитанного табаком бара «Ле Копакабана» в Киншасе. — Что вы... Что вы здесь делаете? Как вы вообще сюда попали?

Имани проигнорировала его присутствие. Её жёлто-карие глаза продолжали сверлить капитана FARDC.

— Почему вы стояли в стороне, когда его увозили? — повторила она, отчеканивая каждое слово, словно падающие в пустой колодец камни.

Лукала сделал шаг вперёд, поднимая раскрытые ладони и вставая между ней и грузным военным.

— Успокойтесь, Имани, прошу вас, — конголезский врач попытался говорить мягко, хотя его собственное лицо казалось сероватым, высушенным тревогой. — Я Лукала. Мы уже связались с генеральным штабом в Киншасе и представительством ВОЗ. Сообщили в консульство. Они пообещали решить вопрос по официальным каналам. Компания IC Waze — крупный легальный игрок, они не будут провоцировать международный скандал из-за одного биолога.

Он попытался слабо улыбнуться, но уголки его губ лишь дёрнулись в нервном тике.

— С Лео всё будет в порядке. Им просто требуются его мнение по поводу штамма.

Имани посмотрела на Лукалу долгим, внимательным взглядом. Затем перевела глаза на Реми. В её молчании читалась бездонная глубина изумления — изумления от того, как искренне эти люди верят в телефонные звонки, штаб-квартиры и гербовые бумаги с печатями. Столица оставалась бесконечно далеко. Здесь, среди раскалённых, истекающих зноем холмов Верхней Катанги, вся законность заканчивалась ровно там, где начинались вышки с галогеновыми прожекторами и ряды колючей проволоки.

Она развернулась, плавно поправив ремень лёгкой сумки на плече, и пошла прочь из лагеря, оставив врачей в липкой, удушливой тишине.

Она миновала санитарный кордон — провисшую в дрожащем мареве жёлтую ленту — и направилась в саму деревню Бата Колé.

Посёлок жил привычной, монотонной, тягучей жизнью. Женщины ритмично толкли сухую маниоку в массивных деревянных ступах, и эти глухие удары напоминали мерное сердцебиение самой земли; над глиняными очагами струился сизый, горчащий дым, оседающий на языке вкусом жжёных листьев. Имани шла уверенно, минуя лабиринт узких, вытопанных проулков, пока не вышла к самому массивному строению на окраине. Высокая ограда из пористых серых шлакоблоков, тяжёлые металлические ворота и крыша из раскалённого на солнце рифлёного железа.

У калитки на низком пластиковом стуле сидел молодой парень в выцветших камуфляжных штанах, держа на коленях потёртый автомат Калашникова. Завидев Имани, он подобрался. Его пальцы рефлекторно легли на тёплое деревянное цевье, но, разглядев её лицо, он расслабил плечи. Парень молча поднялся, и створка калитки, роняющая хлопья облезшей краски, с протяжным скрипом отворилась, пропуская её во внутренний двор.

Забор скрывал просторный, укрытый густой тенью участок. Под широкой кроной старого, раскидистого мангового дерева трое мужчин чистили оружие, разложив на промасленном брезенте матово блестящие детали затворов и маслѐнки. В воздухе густо пахло оружейной смазкой и разогретым металлом.

Имани остановилась посреди двора, разглаживая потными ладонями ткань платья на бѐдрах.

— Позовите Илунгу, — произнесла она, обращаясь к ближайшему из мужчин.

Тот поднял голову, кивнул и исчез в прохладной полутьме дома. Спустя минуту на крыльцо вышел Илунга. На нём были свободные армейские брюки и серая футболка; влажные, слипшиеся волосы у висков и капли воды на ключицах свидетельствовали о том, что он только что умывался. Он спустился по скрипучим деревянным ступеням и коротким, властным движением подбородка дал знак своим людям отойти к дальним воротам.

— Здравствуй, Имани, — его голос прозвучал ровно, с той тягучей, фаталистичной интонацией, с какой говорят о встрече с неизбежным.

— Ты знаешь, что Лео забрали, — сказала она прямо, вновь пропуская приветствие.

— Да. Мои люди видели их машины ещё на ночной трассе.

Имани сделала шаг к нему. Между ними остался метр сухого, вибрирующего от жары воздуха.

— Его надо вернуть. Он нужен мне.

Илунга замолчал. Его взгляд медленно скользнул по её левой руке. На тѐмной, бархатистой коже запястья тускло мерцал медный обруч — тонкий, испещрѐнный параллельными рифлѐными надрезами. Знаковый обруч старейшин рода Нгой. Илунга слишком хорошо знал вес и значение этого металла для местных жителей.

Имани перехватила его взгляд. Она медленно подняла руку и демонстративно, с лёгким, вызывающим нажимом провернула браслет пальцами, давая меди вспыхнуть на солнце, после чего посмотрела мужу прямо в глаза:

— Ты просил меня найти кого-нибудь из ВОЗ. Я поехала в Киншасу. Я нашла. Теперь ты должен вернуть его мне.

Илунга медленно опустил руки в карманы. На его скуле бугром перекатился желвак.

— Я разговаривал с солдатами из охраны лагеря, — заговорил он глухо, растягивая слова. — За пару пачек сигарет они выбалтывают всё. Они сказали, что твой доктор сам вцепился в их командира. Он спровоцировал наёмников. Нарывался на драку с человеком, держащим в руках штурмовую винтовку.

Имани чуть нахмурилась. Это расходилось с образом Лео, который она себе представляла. Он врач, привыкший просчитывать риски. Осторожный человек.

— Может быть, он хотел, чтобы его забрали? — продолжил Илунга.

— Зачем? Какой в этом смысл?

— Не знаю. Он расспрашивал тебя про рудник, когда вы встретились в столице?

— Мы говорили о другом. С чего ты взял?

Илунга промолчал. Он развернулся, тяжело поднялся на крыльцо и скрылся за дверью. Вернулся он спустя несколько минут, сжимая в широких ладонях две пластиковые бутылки с водой. Их стенки покрывала густая, колкая сетка ледяного конденсата, прозрачные капли стремительно стекали по его тёмным пальцам.

Он протянул одну бутылку Имани.

— Тебе надо остыть, — произнёс он, наблюдая, как она жадно, почти захлёбываясь, припала к узкому горлышку. — Дорога выдалась длинной. Можешь остаться здесь. Твоя комната свободна, там чисто.

Ледяная вода обожгла пересохшее, запylённое горло. Имани опустила бутылку. Холодная капля, преломив солнечные лучи, сорвалась с ребристого пластика и упала ей на запястье, точно на раскалённый медный браслет.

— А что потом? — спросила она. — Мы будем просто сидеть и ждать, пока его убьют?

Илунга посмотрел куда-то поверх её головы, на густые, тёмно-зелёные кроны деревьев за забором.

— На руднике, у самого края их территории, стоит барак, — заговорил он тише, почти переходя на шёпот. — Он стоит впритык к обрыву, прямо над старым отработанным карьером. Нам неизвестно, что они устроили внутри. Но белые наёмники ходят туда каждый день. И исключительно белые. Местных туда близко не подпускают.

Он взглянул на Имани, чуть склонив голову:

— Женщина постарше — судя по всему, она руководит ими. И ещё двое. Если их сопровождает охрана, то остаётся поодаль. Этот барак расположен в слепой зоне. Там отсутствуют стационарные вышки, только ограждение из колючей «Егозы» и табличка «Опасно! Проход воспрещён!».

Имани слушала его, глядя в упор. Каждая деталь мгновенно, с геометрической точностью выстраивалась в её голове в ясный, практический план.

— Продолжай.

— Если Гонзалеса поведут туда, — Илунга очертил шершавым пальцем в воздухе контур строения, — у нас появится шанс. Мои парни знают скрытую тропу по самому отвесу карьера. Мы сможем подобраться к барaku снизу, со стороны каменного обрыва. Оттуда человека можно вытащить незаметно для охраны у ворот.

— Хорошо, — Имани кивнула, побелев от напряжения пальцами сжав бутылку. — Я остаюсь.

Илунга сделал глоток. На его тонких губах проступила едва уловимая, горькая ухмылка.

— Ты разговаривала со старейшинами по приезду?

Имани жёстко отрезала:

— Я приехала ради другого.

Илунга принял её ответ молча, без лишних расспросов. В союзе, заключённом по воле других людей, давно устоялись границы, за которые оба предпочитали не заступать.

— Хорошо, — кивнул он. — Это твоё дело. Заходи в дом. Там не так жарко — работает вентилятор... Там всё как раньше.

Он уже повернулся к дверному проёму, собираясь вернуться к своим людям, но остановился и бросил через плечо:

— Если потребуется еда, одежда, связь — скажи мне. Я всё организую.

Имани смотрела ему вслед. В этом жёстком, рубленом обещании отсутствовало тепло, но чувствовалась хладнокровная, фундаментальная надёжность человека, привыкшего держать своё слово.

Она развернулась и пошла к дому, ощущая кожей, как ледяная капля воды на левом запястье постепенно нагревается, впитывая жар её собственного тела.

Комната на втором этаже дома, где она когда-то жила, встретила её спёртым, застоявшимся воздухом — маленькая, высокобленная дочиста, с окном, выходящим во внутренний двор. Всё оставалось по-прежнему: узкая,

спартанская кровать с хрустящей белой простынёй; простой деревянный стул, столик, глиняный кувшин с водой. Даже миска с маниокой, заботливо накрытая льняной салфеткой, стояла на привычном месте. Стены — свежевыбелены, и на стене, над изголовьем кровати, висело старое, потемневшее от времени распятие, покрытое тонким слоем пыли, а рядом с ним — вырезанная из эбенового дерева фигурка, знакомая Имани с самого раннего детства: маленькая, округлая, с огромными, всевидящими глазами и тонкими ручками, благоговейно прижатыми к груди. Мать Илунги называла её «хранительницей колодцев».

Имани опустила сумку на дощатый пол. Поставила пластиковую бутылку с колодезной водой на столик. Опустилась на край кровати, чувствуя, как пружины тихо скрипнули под её весом.

Браслет на руке поймал луч света из оконного проёма, вспыхнув ослепительным медным огнём. Параллельные линии. Выбитые точки между ними. Мать. Бабушка. Влажная, плодородная земля.

Имани закрыла глаза.

За сомкнутыми веками перед ней возник Лео. Это видение пришло из той сумеречной, опасной пограничной зоны между сном и явью, где память тела оказывается острее и честнее разума. Его лицо, раскрашенное цветными бликами витражей. Его рука — с её медным браслетом — протянутая к ней в полумраке костёла. Его голос с лёгкой хрипотцой: «Почему ты удалила свой номер?» Его сердце — она слышала его ритм, воспринимая вибрацию не ушами, а самой костью, височной костью, плотно прижатой к подушке в Киншасе, — его сердце билось ровно, уверенно, по-американски надёжно, — и вдруг оно споткнулось.

Споткнулось.

Она знала суть этого слова. Вовсе не как сухой медицинский термин, обозначающий аритмию, а как пронзительное физическое ощущение: тот самый момент, когда идёшь по тёмной, незнакомой дороге и нога внезапно проваливается в скрытую яму. Один шаг — ровный, привычный, всецело твой. Следующий — пугающая пустота. Тело неумолимо кренится вперёд. Мир теряет равновесие. И ты уже теряешь почву под ногами, падаешь, летишь вниз. Но падаешь не на твёрдую землю, а в чужой, сбившийся ритм, в иное, незнакомое пространство, в самое нутро чужого сердца.

И Лео падал. Она это знала.

Глава девятая. Лагерь

Сочный, розоватый на срезе ломоть буйволятины откликался на нажим ножа упругим, почти живым сопротивлением, словно мышечные волокна всё

ещё помнили бег по саванне. От белой, покрытой сетью микроскопических царапин фаянсовой тарелки поднимался густой, осязаемо плотный пар. Он был пропитан первобытным духом раскалённого животного жира, резкой, бьющей в ноздри горечью подгоревшего чеснока и хвойной меланхолией розмарина. Рядом россыпью лежали мелкие, золотистые клубни картофеля с хрустящей, лопающейся на зубах обугленной кожей и истекающие соком ломтики подпечённого на гриле цукини. Кофе — не растворимый пыльный суррогат из гуманитарных пайков, отдающий картоном, а тёмный, плотный, как нефть, эфиопский отвар с бархатистой, оседающей на корне языка горчинкой — дымился в толстой керамической кружке, нагревая ладони.

Лео сидел за металлическим столом под широким навесом из бежевого брезента, который с глухим хлопком натягивался под порывами горячего ветра. Он ел медленно, тщательно, почти механически прожёвывая каждый волокнистый кусок. В этом лагере еда не была проявлением гостеприимства или ритуалом успокоения. Еда здесь служила точным инженерным расчётом: выверенный баланс калорий, белка и электролитов, необходимых для того, чтобы человеческий организм функционировал без сбоев, как смазанный затвор, посреди сорокаградусной, душащей конголезской сырости. Наёмников ЧВК «IC Waze» снабжали по наивысшему разряду.

Пока челюсти работали, глаза Лео фиксировали геометрию пространства. Оно читалось как строгий, лишённый метафор текст.

Лагерь Като-Томбе был спроектирован человеком, в совершенстве владевшим сухим языком фортификации. Ничего лишнего, ничего случайного — сплошная параноидальная семиотика безопасности. Внешний периметр образовывала натянутая, звенящая от напряжения сетка-рабица с тремя рядами колючей проволоки «Егоза», чьи лезвия хищно блестели на солнце. Нижним краем она уходила в монолитный бетонный цоколь — глухая защита от подкопа и прорыва на тяжёлой технике. По углам, вонзаясь в белёсое от зноя небо, возвышались четыре стальные вышки. На двух из них замерли на шаровых опорах крупнокалиберные пулемёты M2 Browning, накрытые выцветшими брезентовыми чехлами. На каждой вышке — часовой в камуфляже и темных очках. Они напоминали горгулий: ни одного лишнего движения, ни попытки смахнуть пот, несмотря на слепящий, плавящий мысли утренний зной.

Внутренняя зона состояла из двух параллельных линий стандартных морских контейнеров, переоборудованных под жилые модули. Между ними по склизкой, похожей на запёкшуюся кровь красной глине были аккуратно, по линейке, уложены дощатые настилы. В конце левого ряда возвышался двухэтажный блок с тёмными, непроницаемо-зеркальными стёклами командного пункта, отражавшими искажённый пейзаж. Напротив зиял зев крытого ангара, откуда доносился гулкий металлический лязг и тянуло запахом

солярки: там стили в тени четыре усиленных броней «Лэнд Крузера» и жёлтый, похожий на спящего богомола, экскаватор Caterpillar.

Лео машинально считал. Девять вооружённых людей на виду. Четверо белых, включая того самого коренастого блондина с короткой, бычьей шеей, ударившего его прикладом в деревне. Остальные — конголезцы в безупречно подогнанной, не стесняющей движений форме, с израильскими карабинами на одноточечных ремнях. Движения их были скупыми, экономичными, лишёнными уличной расхлябанности.

В двадцати метрах от столовой, прямо в срезе серо-оранжевого глинистого холма, чернел вход в тоннель. Его перекрывала массивная стальная гермодверь с круглым штурвалом запора, покрытая конденсатом. У входа неподвижно стояли двое охранников. Неподальёку ровно и глухо, как огромное железное сердце, стучал мощный дизель-генератор, от которого внутрь бункера уходила толстая, извивающаяся коса чёрных бронированных кабелей. Отдельная линия питания. Внешняя охрана. Замкнутый контур секретности.

Лео сделал глоток робусты. Острая, вяжущая горечь на языке, омыв нёбо, внезапно пробила брешь во времени, отозвавшись глубоким, давно погребённым воспоминанием.

Отец заваривал точно такой же кофе в маленькой, покрытой вмятинами алюминиевой турке с длинной деревянной ручкой. Каждое утро в бостонской квартире, пока за окном бесшумно сыпал серый мокрый снег, стирая очертания чужого города, отец стоял у плиты, смотрел на закипающую тёмную пенку и молчал. В этом плотном молчании не было грусти — в нём читалась лишь въевшаяся в подкорку привычка человека, научившегося не оставлять следов ни на снегу, ни в документах.

Северная Аргентина, провинция Формоса, начало восьмидесятых. Влажный Чако. Отец иногда упоминал это место — скупое, обречёнными между делом фразами, от которых веяло болотной лихорадкой. Закрытый военный лагерь посреди непроходимых, гниющих болот и пальмовых саванн. Там, под палящим, безжалостным солнцем, молодой лейтенант Гонзалес служил под командованием собственного отца — деда Лео, полковника Эктора Гонзалеса Эрреры.

«Там была абсолютная чистота, Лео, — тихо рассказывал отец, гипнотически помешивая кофе, пока ложечка звенела о края чашки. — Никакой политики. Никакого шума. Только дисциплина и геометрический порядок. Мы знали, кто враг, и знали, что нужно сделать, чтобы этот враг исчез, растворился в воздухе».

Правду Лео узнал гораздо позже, на третьем курсе Гарварда, случайно наткнувшись в пропахшем старой бумагой и пылью отделе редких книг на многотомный отчёт комиссии CONADEP — «Nunca Más», «Никогда больше».

Страницы холодили пальцы. В списках офицеров, руководивших тайными центрами содержания в зоне Чако во время «Грязной войны», имя его деда, напечатанное бездушным шрифтом пишущей машинки, фигурировало на четырнадцатой странице. Семнадцать тайных тюрем. Сотни людей, с мешками на головах доставленных на допросы в крытых брезентом грузовиках без номеров. И ноль выживших. Семья бежала в США в восемьдесят седьмом — аккуратно за пару месяцев до того, как федеральный суд Буэнос-Айреса выписал ордер на арест Эктора Гонзалеса.

Глядя на математически выверенные линии лагеря Като-Томбе, на вышки с пулемётами, дрожащие в мареве зноя, и покрытую испариной стальную дверь бункера, Лео думал о том, что его отец чувствовал бы себя здесь спокойно, как дома. Дед — тем более. Архитектура насилия везде одинакова, меняются только цвета флагов на флагштоках и названия транснациональных корпораций. От вязких болот аргентинского Чако до иссушенной кирпичного цвета земли конголезской Катанги — логика закрытого периметра остаётся неизменной.

У стальной двери бункера началось движение. Протяжно зашипел стравливаемый пневматический клапан, массивный штурвал с лязгом повернулся, и створка медленно, словно нехотя, отошла внутрь, дохнув холодом подземелья. Из тёмного проёма вышли двое.

Первой шла Диана Пэтрашку — в ослепительно белой, хрустящей от крахмала рубашке и тёмных брюках, с небольшим потёртым кожаным чемоданчиком в руке. Следом, щурясь от безжалостного солнца, вышагивал мужчина, которого Лео прежде не видел. Высокий, костлявый, иссушенный годами, лет шестидесяти пяти, в сероватом, не по климату плотном пиджаке поверх суконной рубашки. У него была густая, до волоска аккуратно подстриженная седая борода и круглые очки в тонкой золотой оправе, превращавшие его глаза в два немигающих омута и придававшие ему вид отставного профессора литературы или хранителя секретного монастырского архива. Диана что-то быстро, рублено говорила ему на ходу. Пожилой мужчина мерно кивал, но его отстранённый взгляд за толстыми линзами оставался устремлён куда-то мимо лагерных построек, в пустоту, словно он продолжал удерживать в уме хрупкую, многомерную математическую формулу.

Они прошли по дощатому настилу всего в пяти шагах от Лео, обдав его запахом дорогого табака и кондиционированного воздуха, не повернув голов, и скрылись за зеркальными дверями командного модуля.

Драгош появился спустя час.

Он подошёл со стороны ангара — огромный, заслоняющий солнце, с выбритым до сального блеска черепом, в пропитанной потом камуфляжной майке. На его левом предплечье бугрился и белел старый, похожий на расплавленный воск шрам от ожога. В огромных руках спецназовец держал

аккуратный плотный свёрток и пару тяжёлых армейских ботинок с высоким берцем.

— Одежда, — коротко, как выстрел, сказал Драгош, опуская свёрток на край металлического стола. — Тебя забирали в спешке. Переоденься. Твои джинсы всё равно сгнили от пота и грязи.

Лео развернул грубую ткань. Тёмно-оливковый комплект без шевронов и знаков различия, плотный хлопок, резко пахнувший машинным маслом, оружейной смазкой и той специфической фабричной пропиткой, что оседает на складах длительного хранения.

— Откуда знаете размер? — спросил Лео, поднимая глаза.

— Умею определять на глаз, — Драгош чуть сдвинул губы, скрытые под густыми усами; это должно было означать усмешку. — Работа такая. Метрика — основа выживания. Пойдём, покажу, где твой модуль.

Жилище представляло собой стандартный двадцатифутовый контейнер: узкая панцирная койка с неестественно чистым, жёстким бельём, прикрученный к железному полу стол, крошечная раковина и небольшой кондиционер, натужно, с хрипом гудевший под потолком, выплёвывая струи пересушенного воздуха. На окне-бойнице — прочная, в палец толщиной, стальная решётка. Сумка, наспех собранная Сарой, уже сиротливо стояла у кровати.

— На руднике есть ещё больные? — спросил Лео, оглядывая стеснённое пространство, давившее на плечи.

— Нет.

— Совсем? Ни внезапной лихорадки, ни кожной сыпи, ни желудочных расстройств?

— Я лично проверял журнал медика, — стальным тоном отрезал Драгош. — Тридцать два человека персонала. График замера температуры — каждые шесть часов. Все чисты.

— А тот парень, которого нашли в лесу? Ваш сотрудник, которого вы забрали из морга ВОЗ. Кто он такой?

Хория выдержал паузу. Воздух в контейнере, казалось, стал ещё плотнее. Маленькие, глубоко посаженные глаза наёмника въелись в лицо Лео с сухим, хищным напряжением, словно оценивая траекторию удара.

— Не моя компетенция, доктор. Но если тебе так важно утолить свою паранойю — можешь взять свой стетоскоп и обследовать любого бойца в этом лагере. Нам скрывать нечего. Мы здоровы.

— Значит, я свободен?

— В пределах сетки. За забор не выходи — у ребят на вышках приказ стрелять по всему, что движется без пароля.

— Я бы хотел взять у них кровь на анализ, а не просто послушать.

— Возьмёте... — Драгош положил ладонь на дверную ручку. — Если потребуется.

Когда металлическая дверь за ним захлопнулась с лязгом тюремного засова, Лео стянул липкую одежду и переоделся. Форма села почти идеально, плотная хлопковая ткань приятно холодила разгорячённую кожу, заставляя собраться. Он надел высокие ботинки, накрепко затянул шнурки и подошёл к небольшому, покрытому мутным налётом зеркалу над раковиной. Из глубины искажающего стекла на него смотрел чужой человек в камуфляже защитного цвета — с осунувшимся, заострившимся лицом, заросшим щетиной, и лихорадочно запавшими от сегодняшнего недосыпа глазами. На правом запястье тёмным, инородным пятном выделялся медный браслет Имани. «Спирали. Точки. Карьеры и люди». Металл казался удивительно прохладным, словно черпал стужу из какой-то подземной реки. Внутри грудной клетки всё так же тихо, фоновое, на самой периферии слуха, чеканил свой рваный, неотвратимый ритм невидимый счётчик Гейгера.

До полудня Лео бесцельно ходил по лагерю, имитируя неспешную прогулку выздоравливающего. Подошвы ботинок вязли в бурой глине. Наёмники не обращали на него ни малейшего внимания. Для них он не был живым человеком — он был временным элементом тактического пейзажа, вроде привезённого генератора или опечатанного ящика с медикаментами.

Около часа дня, когда солнце оказалось в зените, стальная дверь бункера снова протяжно заскрипела.

Из вязкой темноты тоннеля вышла Диана Пэтрашку. На этот раз одна — без пожилого спутника в очках и без чемодана. Она шла быстро, прямая, как натянутая гитарная струна, но сквозь эту выправку проглядывалась странная, едва уловимая телесная натянутость, почти дрожь перенапряжения. Отрез ткани на спине её ослепительной блузки потемнел от влаги, прилипнув к лопаткам. Не взглянув ни на кого из охраны, она простучала каблуками по металлической лестнице и скрылась в прохладном нутре двухэтажного модуля.

В начале третьего, когда безжалостное светило раскалило рифлёные крыши контейнеров до состояния гудящей жаровни, Лео снова сидел в столовой — под открытым навесом с металлическими столами, — в абсолютном одиночестве. Воздух дрожал и плавился. Обед был таким же безупречным, как завтрак: тушёная в пряностях баранина с рассыпчатым рисом, истекающие соком свежие овощи, горячий хлеб, влажные фрукты.

Сотрудники ЧВК приходили по двое-трое, молча брали порции, уходили в тень. Никто с ним не разговаривал. Никто не встречался с ним взглядом. Он оставался мебелью — функциональной,, но лишённой права голоса.

Тихие, размеренные шаги по дощатому настилу заставили его обернуться.

Диана опустилась на деревянную скамью напротив, принеся с собой тонкий аромат ментола и озона. Она уже успела сменить блузку на свежую, густые волосы были туго и гладко зачёсаны назад, открывая высокий лоб, но аристократичная бледность на точёных скулах стала ещё заметнее, приобретя восковой оттенок.

— Вы осмотрелись, доктор? — тихо спросила она, сложив длинные, тонкие пальцы в замок.

— Осмотрелся.

— Нашли заражённых?

— Нет, — Лео осторожно пригубил обжигающий кофе. — Ваши люди здоровы. Во всяком случае, внешних клинических признаков инфекции я не увидел.

— Разумеется, — Диана чуть заметно, удовлетворённо наклонила голову.

Лео поставил кружку на стол. Фаянсовое дно с глухим, каменным стуком, отдавшимся в столешнице, коснулось поверхности.

— Там уран? — спросил он прямо, без паузы на подготовку, ударив взглядом в сторону бетонного бункера.

Диана даже не дёрнулась. Ни один мускул на её лице не дрогнул. На её губах лишь появилась короткая, сухая, почти снисходительная улыбка — так улыбается опытный лектор, услышавший от пытливого студента правильный, но невероятно предсказуемый вопрос.

— Гонзалес, вы поразительно прямолинейны. Это американский стиль?.. В сороковых годах ваши геологи действительно копали эти холмы. Искали сырьё для Манхэттенского проекта. Сделали десяток глубоких разведочных шурфов, вгрызаясь в породу, но потом работы внезапно сворачивают, а все геологические отчёты уходят под высший гриф «секретно». Вся инфраструктура и логистика перебрасывается южнее — на Шинколобве. Слышали о таком месте?

— Читал, — ровным голосом отозвался Лео. — Шинколобве, здесь же, в Верхней Катанге. Богатейшее в истории месторождение урана. Восемьдесят процентов сырья для бомб, сброшенных на Хиросиму и Нагасаки, добыли именно здесь, в конголезской земле.

— Верно, — медленно кивнула Диана. — На Шинколобве руда лежала практически на поверхности, смоляная обманка имела невероятную, дьявольски чистую концентрацию. Американцы и бельгийцы, возможно,

просто посчитали, что вкладываться в глубокую, шахтную разработку здесь, в Като-Томбе, экономически нерентабельно. Проект забросили и стёрли с карт.

Она замолчала. Её тёмные, холодные глаза внимательно, без единого мигания смотрели на него. Диана следила за его реакцией — профессионально, хладнокровно, с тем особым, микрохирургическим вниманием, которое бывает у людей, привыкших читать мимику, как читают показания осциллографов.

— Но уран в этих пластах есть, Гонзалес, — после затянувшейся, звенящей от напряжения паузы произнесла она, и в её мягком голосе вдруг прорезалась жёсткая, командная нота. — И его концентрация здесь такова, что все наши академические учебники по геологии можно смело выбросить на свалку.

Лео молчал, не отводя взгляда, чувствуя, как удушливый жар тропиков давит на барабанные перепонки.

Диана выждала ещё несколько секунд, словно считывая частоту его пульса по чуть заметному биению жилки на шее, затем плавно, без опоры на руки, поднялась со скамьи.

— Пойдёмте, доктор, — сказала она, поправляя белоснежную манжету. — Хватит теорий. Я покажу вам кое-что.

Глава десятая. Алхимия крови

Штурвал массивной гермодвери поддался под нажимом Дианы с неспешным, маслянистым механическим щелчком затвора, эхо которого, казалось, ушло в самый фундамент бункера. Тонкие пальцы в безупречно белых манжетах приложили ровно то усилие, которое требуется для разблокировки тяжёлых стальных запоров, рассчитанных на сдерживание колоссального избыточного давления. Затвор глухо отошёл внутрь, высвобождая упругую, плотную волну прохладного, глубоко профильтрованного воздуха. Этот поток ударил Лео в лицо — резкий, почти болезненный контраст со смолистым, удушающим пеклом конголезского полудня — сухой, обескровленный, несущий в себе холодок ионизированного кислорода, едва уловимый озоновый след и горьковатый металлический вкус фреона, оседающий на нёбе.

Едва он переступил высокий, обшитый свинцом порог, внутренние часы организма сбились, словно попали в мощное магнитное поле.

В самой глубине грудной клетки, прямо за грудиной, произошло физическое смещение. Ритм сердца перестроился: частота ударов осталась прежней, но сам импульс обрёл иную, пугающую гидравлическую силу. Сердечная мышца сокращалась с удвоенной амплитудой, словно к его собственному пульсу подключился второй, более мощный, древний и глубокий резонанс. Удар — и вслед за ним мгновенный, плотный отзвук,

прокатывающийся по аорте, как тяжело и неотвратно катится ртуть по стеклянной трубке. Медный браслет Имани на правом запястье внезапно показался чудовищно неподъёмным; он отозвался точечным, ледяным колющим импульсом, на секунду отрезвившим сознание. Лео замер на долю мгновения, впитывая это двойное сердцебиение, пока перед глазами, пульсируя в такт новой крови, на мгновение не поплыли тёмные круги.

Пространство за шлюзом не имело ничего общего с влажными, пахнущими сырой глиной, потом и ржавчиной штреками или рудничными выработками.

Стены из монолитного бетона были наглухо зашиты светло-серыми антистатическими панелями, не оставляющими даже тени для бактерий. Акустический потолок жадно и полностью поглощал эхо, создавая глухую, ватную лабораторную тишину, нарушаемую лишь ровным, гипнотическим шелестом ламинарных шкафов и утробным гудением низкотемпературных морозильников. Это был автономный модуль биологической защиты уровня BSL-3 — храм современной науки посреди первобытного леса. Вдоль левой стены тянулся непрерывный ряд столешниц из гладкого синтетического камня: микроскопы с тринокулярными насадками, матово поблескивающие микроцентрифуги, секвенатор ДНК, спектрофотометры. На противоположной стороне размещались стеллажи с реагентами в темных, светонепроницаемых стеклянных флаконах и запертые на биометрические кодовые замки хладотермостаты.

У центрального стола, перед матовыми экранами двух широкоформатных мониторов, стоял пожилой мужчина.

Лео сразу узнал в нём утреннего спутника Дианы. Высокий, болезненно сутулый, в том же сером пиджаке из плотной колючей шерсти поверх суконной голубой рубашки. Из его нагрудного кармана аккуратным, педантичным рядом выглядывали три шариковые ручки. Густая, тщательно выстриженная седая борода обрамляла узкое, испещрённое мелкими морщинами лицо пергаментного оттенка, а круглые очки в тонкой золотой оправе преломляли холодный свет диодов, скрывая выражение серых, глубоко посаженных глаз. Лабораторный халат небрежной белой грудой валялся рядом на пластиковом стуле.

— Доктор Гонзалес, — Диана остановилась чуть позади Лео, привычным жестом сложив тонкие кисти рук за спиной. — Позвольте представить. Доктор Тьерри Жирар. Вирусолог, микробиолог. Долгое время руководил исследованиями в Лионском филиале Института Пастера. Последние несколько лет работает с нами.

Жирар медленно, словно нехотя, поднял взгляд от клавиатуры. Его ладонь — сухая, прохладная, с заметно пожелтевшими от долгого контакта с

агрессивными реактивами подушечками пальцев — пожала руку Лео коротко, без лишнего нажима, как человек, привыкший беречь руки для тонкой работы.

— Доктор, — голос Жирара обладал мягким, слегка глуховатым гортанным акцентом, характерным для уроженцев юга Франции, в котором слышалась лёгкая одышка. — Признаться, я посмотрел ваши публикации по геморрагическим лихорадкам в журнале *The Lancet*. Весьма точные, я бы даже сказал — скрупулёзные наблюдения.

— Спасибо. Я всего лишь соавтор, — Лео окинул внимательным взглядом стерильное помещение, отмечая каждую деталь оборудования. — Не ожидал увидеть на частном добывающем объекте полноценный исследовательский центр такого уровня безопасности.

— Вынужденная необходимость, — подала голос Диана. — Человек, которого местные обнаружили в лесном чащобнике — его звали Морис Брюне, работал именно здесь. Мы пригласили его из Женевы около полутора лет назад. Он обладал редким, почти сверхъестественным чутьём на аномалии микробиологического характера. Талантливый парень.

— Ваш Морис умер от острой, разрушительной формы геморрагической лихорадки, — очень аккуратно, взвешивая каждое слово, проговорил Лео, встречая немигающий взгляд Дианы. — Следовательно, профиль вашей компании включает работу с особо опасными патогенами?

— Наш профиль гораздо обширнее традиционной вирусологии, — ответила Диана, чуть наклонив голову, отчего свет скользнул по её тёмным волосам. — Мы добываем редкоземельные металлы... Но мы действительно касаемся и этих вопросов.

— Так он заразился здесь? В стенах этого бункера?

Диана посмотрела на него с едва уловимой, сдержанной улыбкой человека, привыкшего снисходительно относиться к чужим домыслам.

— Лео, вы склонны доверять фольклору и слухам, которые распускают по деревням? О том, что компания IC Waze преднамеренно инфицирует местное население, дабы очистить территории под расширение карьера? Нам требуются сотни живых, здоровых рабочих рук ежедневно. Депопуляция рабочей силы — это прямая угроза нашему финансовому балансу и логистике. Для бизнеса — это бессмысленно и убыточно.

Она плавно повернулась к Жирару:

— Доктор, покажите Гонзалесу, что тут у нас есть.

Жирар молча кивнул. Он подошёл к массивному двустворчатому морозильному модулю, набрал на сенсорной панели шестизначный код и потянул за хромированную рукоятку. В открывшийся проем с тихим шипением

хлынуло белое, плотное облако пара от сухого углекислого газа, обдав их ледяным дыханием абсолютного нуля. Из искрящейся инеем глубины камеры Жирар извлёк тщательно отполированный стальной контейнер, установил его на стол и откинул герметичную крышку. Внутри, на подложке из пористого черного материала, покоились предметные стёкла с фиксированными мазками, промаркированные темно-красными, похожими на запёкшуюся кровь, индексами.

Вирусолог взял тонким пинцетом крайнее стекло, ювелирным движением поместил его на предметный столик микроскопа и настроил яркую светодиодную подсветку.

— Взгляните, — произнёс он.

Лео наклонился и прижался к холодным резиновым наглазникам окуляров. Перед ним, словно иная вселенная, открылось подсвеченное клеточное поле. Структура эритроцитов сразу привлекла внимание своей чудовищной, аномальной морфологией. Вместо привычных гладких, двояковогнутых дисков клетки имели уплотнённые, жёстко очерченные границы с невероятно высокими показателями преломления света — они светились в растворе, как битое стекло. Внутри цитоплазмы просматривались упорядоченные кристаллоподобные включения, выстроенные строгими, математически идеальными параллельными цепочками. Клеточные мембраны оставались абсолютно целыми, эластичными, несмотря на явное, агрессивное присутствие вирусных агентов.

— Это не человеческая кровь, — проговорил Лео, не отрываясь от оптики, чувствуя, как холодок бежит по позвоночнику.

— Совершенно верно, — сухо подтвердил Жирар. — Эти образцы взяты у рукокрылых. Крупные особи семейств *Pteropodidae*, так называемые молотоглавые крыланы. Колония этих существ обитает в глубоких карстовых промоинах и брошенных, залитых водой геологических шурфах в нескольких километрах отсюда. Размах крыльев отдельных особей достигает полутора метров... Но эти не оттуда.

— Это очень похоже на то, что мы нашли в крови наших пациентов, — медленно произнёс Лео, выпрямляясь и глядя на биолога. — У выжившего шахтёра. В душном бараке госпиталя. У двух девочек в деревне. Те же геометрически правильные структуры. Та же архитектура организации. Но у крыланов она плотнее. Как будто...

— Как будто процесс зашёл гораздо дальше, — закончил за него Жирар.

— Те же кристаллоидные структуры в цитоплазме. Но здесь, у крыланов, организация белка выглядит не мутацией, а эволюцией — законченной, хорошо сформированной.

— Потому что у рукокрылых этот процесс прошёл полный цикл многовековой адаптации, — подхватил Жирар, и в его голосе впервые прозвучали нотки профессионального азарта.

Он выдвинул нижнюю секцию хладотермостата и извлёк оттуда прозрачный цилиндрический контейнер с фрагментом темной, почти черной мышечной ткани, зафиксированной в желтоватом растворе формалина. Положив пластиковый цилиндр перед Лео, Жирар достал из настенного шкафа лёгкий портативный радиометр с длинным погружным датчиком.

Прибор ожил. Тихий, редкий треск щелчков в динамике мгновенно участился, сливаясь в сплошной, угрожающий гул, стоило Жирару поднести щуп к контейнеру с плотью. Стрелка аналогового индикатора дёрнулась и уверенно ушла вправо, намертво зафиксировавшись на отметке, катастрофически превышающей стандартный природный фоновый уровень.

— Пятьсот восемьдесят микрорентген в час, — произнёс Жирар, выключая прибор. Треск оборвался, оставив после себя звенящую тишину. — Для короткого контакта значение неопасное, но для живой биологической ткани — колоссальное, убийственное. Ткани этих существ содержат стабильные, устойчивые изотопы урана-238 и тория-232, намертво встроенные непосредственно в минеральный матрикс костей и клеточные структуры внутренних органов.

Он распрямил спину и тяжело, устало вздохнул.

— Представьте, что этот изотоп встроен в саму ДНК, в саму основу клеточного матрикса. Клетки безжалостно бомбардируются альфа-частицами изнутри каждую секунду своего существования. Любое другое живое существо сгорело бы заживо от мучительной лучевой болезни и множественного саркоматозного рака меньше чем за месяц.

— Полноценная, глубокая биоаккумуляция, — тихо проговорил Лео, чувствуя, как пазл в голове начинает складываться в невозможную картину.

— Да, — Жирар снял очки и начал методично протирать линзы безупречно чистым носовым платком. — Крыланы поколение за поколением обитают в пещерных сводах, рассекающих местные урановые жилы. Они пьют грунтовую воду, густо насыщенную изотопами. Едят дикие плоды, растущие на почвах с запредельной радиоактивностью. Их тела — это миниатюрные, живые биореакторы. Но они не умирают. Они не болеют. Они полностью адаптировались к смерти.

Лео молча смотрел на желтоватый раствор, в котором плавал кусок смертоносной плоти. Внутри его головы — быстро, лихорадочно, с пугающей ясностью, как складывается стеклянная мозаика, — выстраивалась цепочка: крыланы — подземная радиация — аномально преломляющие свет клетки —

мутации белка — вирус — пульсирующая аорта — Мбул Бенга — деревенские девочки — густая, тёмная кровь — второй, чужой ритм в его собственной груди.

— Думаете, мутации вируса напрямую связаны с ураном? — спросил он, нарушив тишину лаборатории.

Жирар посмотрел на Диану. Диана посмотрела на Лео. В этом замкнутом треугольнике взглядов — секунда, две, три — произошёл немой, напряженный обмен информацией, истинное значение которого Лео не мог расшифровать до конца, но его тело расшифровало эту угрозу за него: спазм напряжения в плечах, внезапная сухость во рту, учащённый, аритмичный пульс.

Жирар хранил непроницаемое молчание. Диана сделала медленный шаг вперёд, её тёмные, бездонные глаза смотрели на Лео с холодной, хирургической, исследовательской внимательностью.

Она заговорила первой.

— Гонзалес, — голос звучал ровно, спокойно, с той особенной, бархатной, но непреклонной жёсткостью, которая бывает у людей, единолично принимающих судьбоносные решения. — Поработаете вместе с нами? У вас есть бесценные клинические наблюдения над первичной фазой у людей в полевых условиях. У нас — мощная фундаментальная технологическая база по первоисточнику.

Лео помедлил. В его груди продолжал чеканить свой нездешний, упрямый, гидравлический ритм второй пульс, резонируя с обжигающе холодным металлом браслета на влажном запястье.

— Согласен, — коротко кивнул он.

Диана плавно протянула ему руку. Рукопожатие получилось коротким, сухим и предельно точным, как скрепление делового контракта.

— Жирар предоставит вам полный, неограниченный доступ к нашим архивным картам анализов. У нас нет никаких причин скрывать от вас детали.

К девяти вечера экваториальная ночь накрыла Като-Томбе плотным, непроницаемым покрывалом, сотканным из удушливых испарений джунглей и запаха прелой земли. Галогеновые прожекторы на четырёх угловых вышках выхватывали из бархатной тьмы натянутые стальные ряды сетки-рабицы и блестящую от выпавшей росы красную, как мясо, глину между жилыми контейнерами.

Лео сидел на краю узкой, жёсткой койки в своём аскетичном жилом модуле. Кондиционер под потолочной панелью издавал мерный, убаюкивающий монотонный гул. На белом пластиковом столе перед ним веером лежали распечатки сложнейших геномных последовательностей, предоставленные Жираром, но его мысли настойчиво, как по кругу,

возвращались к тому странному, физическому чувству гидравлического сдвига, возникшему при входе в бетонный бункер.

Тихий, на удивление аккуратный стук в металлическую дверь заставил его подняться.

На пороге стояла Диана. Взамен строгой шёлковой блузки на ней была простая, облегающая фиолетовая футболка, ещё сильнее подчёркивавшая неестественную, почти фарфоровую для этих широт бледность её кожи. В правой руке она держала картонную упаковку с четырьмя пузатыми стеклянными бутылками крепкого бельгийского лагеря, сплошь покрытыми крупными, стекающими каплями ледяного конденсата.

— Разрешите? — спросила она.

Лео молча отступил в сторону. Диана прошла в тесный модуль, грациозно оперлась о край стола и с помощью маленького металлического ключа-брелока откупорила обе бутылки. Один из запотевших, обжигающе холодных стеклянных цилиндров она протянула ему.

— Крепкий алкоголь на территории периметра находится под абсолютным, строжайшим запретом, — произнесла она, делая первый небольшой глоток. — Но ледяное пиво в этих экваториальных широтах — единственное спасительное средство сохранить рассудок и ясность мышления.

Лео тоже сделал глоток. Терпкий, насыщенный ячменный вкус с ярко выраженным, терпким хмелевым оттенком приятно обжог пересохшее горло, смывая привкус лабораторного фреона.

Диана медленно опустила взгляд на расстёгнутый ворот его выцветшей камуфляжной рубашки, где на прочной цепочке тускло поблёскивал серебряный крестик.

— Вы католик, Лео? — спросила она, слегка, почти незаметно кивнув в сторону его груди.

Лео машинально коснулся шеи. Под влажной тканью рубашки, на тонкой цепочке, висел крестик — маленький, потемневший от времени серебряный крест с чуть стёртым распятием. Отец подарил ему его в десять лет, в светлый день первого причастия, в прохладном бостонском приходе Святого Креста.

— Да, — коротко ответил он.

— А я нет, — Диана сделала ещё один глоток, глядя поверх бутылки. — Но я выросла в стране, где искренняя вера и дремучее суеверие — суть одно и то же. Румыния, доктор. Там, в Карпатах, вам расскажут о привидениях и неупокоенных с таким же непроницаемо-серьёзным лицом, с каким лондонцы рассказывают о погоде.

Лео чуть усмехнулся одними губами.

— Знаете, Лео, то, что мы сейчас видим в этих предметных стёклах — вовсе не ново. Это просто глубоко и надёжно забыто, — сказала она, задумчиво разглядывая стекающие по бутылке капли.

— Вы слышали когда-нибудь об Эржебет Батори? — спросила Диана, совершенно не меняя будничного тона, — именно так, как спрашивают о дальнем общем знакомом, а не о кровавом персонаже средневековой легенды. — Графиня Батори. «Кровавая графиня». Или, быть может, о князе Владе Цепеше? Дракула?

— Читал. Кто не читал.

— Хорошо. Значит, вам из популярной литературы известно, что Батори якобы купалась в горячей крови девственниц, чтобы сохранить молодость, а Цепеш тысячами насаживал своих врагов на колья. Общие места. Штампы из учебников истории. Дешёвый Голливуд.

Она чуть улыбнулась, и в этой мимолётной улыбке проглянуло странное, тёплое воспоминание о совсем иной, давно исчезнувшей жизни.

— В бытность мою юной студенткой химического факультета Университета Бабеша — Бойяи в Клуж-Напоке я по воле забавного случая посещала вечерний факультатив по истории. Его читал весьма примечательный человек — профессор теологии Стефан Раду. Звучит смешно — факультет Римско-католической теологии, но он с фанатичным блеском в глазах читал курс по истории древних трансильванских культов.

Диана сделала паузу, повела плечами и неторопливо покрутила головой, словно разминая шею.

— Сумасшедший старик. Невысокий, сухой как щепка, с узловатыми пальцами, вечно перепачканными синими чернилами. Он носил один и тот же потёртый замшевый пиджак круглый год, пах старой бумагой и постоянно пил крепкий чай из помятой жестяной фляги. Как виски.

Она улыбнулась, посмотрев куда-то сквозь стену жилого модуля, поверх плеча Лео.

— Этот старик долгие годы, как крот, провёл в пыльных архивах епархиального управления в Сибиу и в закрытых монастырских книгохранилищах Бистрицы, изучая подлинники исторических документов.

Диана медленно повернула бутылку в руках, стирая пальцем выступившую ледяную влагу, как будто что-то рисуя. Сделала глоток и продолжила:

— Раду обратил пристальное внимание на те бюрократические детали, которые современные историки обычно высокомерно игнорируют как несущественные. В скрупулёзных следственных материалах по делу Батори,

составленных палатином королём Дьёрдем Турзо, а также в сухих судебных записях Брашова по поводу набегов Цепеша, всегда чётко фиксировалась география происхождения жертв. Батори никогда, ни при каких обстоятельствах не брала девушек из своих собственных обширных поместий в Чахтице. Ей специально, под покровом ночи привозили служанок из конкретных, удалённых деревень в горах Мечек, расположенных близ города Печ. А Влад Цепеш, устраивая свои показательные карательные акции, забирал пленников исключительно из определённых уездов — преимущественно из горного региона Бихор, с западных скалистых предгорий Апусени.

— Другие уезды, — проговорил Лео, пытаясь уловить холодную логику её рассказа.

— Да. Именно так. Другие уезды. Совершенно другая почва, принципиально другая гидрология. Профессор с пеной у рта утверждал, что эти исторические персонажи действовали не под влиянием слепого садистского безумия. Они точно знали, что делают. Они опирались на специфический, утерянный пласт раннесредневекового знания, имевшего сугубо алхимическую природу.

Она снова глотнула лагера, смакуя горечь хмеля.

— Так он говорил про тех алхимиков, — и, выдержав театральную паузу, продолжила:

— Почва гор Мечек и скалистых предгорий Бихора издавна известна аномально высокими концентрациями редких минеральных солей и тяжёлых элементов. И там, и там годами добывали уран...

Она вновь замолчала. Лео ждал. Терпеливо, не смея разрушить повисшее в комнате напряжение, густое, как конголезская ночь.

— Профессор считал: и Батори, и Цепеш целенаправленно искали кровь людей, чей организм с самого раннего детства формировался в условиях этого специфического, жёсткого геохимического фона. Они свято верили, что состав такой насыщенной изотопами крови способен физически изменять свойства человеческих тканей — останавливать клеточное увядание, давать абсолютную устойчивость к болезням и старению.

Диана допила пиво и с лёгким стуком поставила пустую стеклянную бутылку на пластиковый стол.

— Раду предсказуемо посчитали сумасшедшим еретиком и отправили на принудительную пенсию. Но здесь, в Африке, Брюне — наш погибший гениальный биолог — проводил точнейший спектральный анализ образцов, полученных из летучих мышей, случайно обнаруженных при глубинной георазведке, и...

Она сделала небольшую паузу, глядя Лео прямо в глаза своим немигающим тёмным взглядом.

— По микроскопическим костным срезам и изотопному спектру эмали зубов биологический возраст отдельных рукокрылых из этой, неизвестной нам колонии составляет не менее восьмидесяти лет. При нормальной физиологической продолжительности жизни этих видов максимум в пятнадцать-двадцать лет. От силы тридцать... Их организмы нашли невозможный с точки зрения науки способ использовать разрушительный радиационный износ пластов для непрерывной, цикличной клеточной регенерации.

Лео внезапно почувствовал, как прохлада кондиционированного воздуха показалась ему ледяной, пробирающей до самых костей.

— Даже, если Морис достоверно установил этот факт... Где и как он заразился? Если он наизусть знал драконовские правила работы в BSL-3, он просто физически не мог допустить случайную, смертельную ошибку.

Диана медленно подошла к выходу. Ее узкая рука легла на блестящую дверную ручку.

— Он соблюдал протокол безопасности безупречно, — Диана приоткрыла входную дверь. Густой ночной воздух — горячий, влажный, пьяняще пахнущий гниющей листвой джунглей и сырой землёй — мгновенно хлынул в охлаждённую комнату.

— Но протоколы, Лео, — она лёгким движением поправила прядь волос, упавшую ей на глаза, — защищают исключительно от случайного заражения. А Морис — я в этом абсолютно уверена — не заразился случайно. Он что-то искал.

— Что?

— Не знаю. Быть может, тот самый легендарный источник вечной жизни, — она уголками губ улыбнулась во тьму. — Или, по крайней мере, его биологический прообраз. Механизм абсолютной регенерации.

Металлическая дверь за ней тихо закрылась до щелчка, оставив Лео наедине с недопитым пивом — в гулкой тишине, нарушаемой лишь монотонным, безразличным шумом кондиционера.

Глава одиннадцатая. Штольня

Робкие, пастельные полутона рассвета в Като-Томбе каждый день прерывались грубым, неизбежным вторжением генератора. Утробный, басовитый рокот дизеля вздымался из-за холма ровно в пять тридцать, как со свистом и хрипом вздымается грудная клетка спящего исполина после долгой, тревожной паузы. Воздух мгновенно пропитывался сизым, маслянистым запахом сгоревшей солянки и ещё непросохшей, после ночи, пыли.

Лагерь просыпался мгновенно, без тягучих переходов от сна к яви: с сухим электрическим треском вспыхивал мертвенно-белый люминесцентный свет в жилых модулях, лязгали затворы на постах — резкий, металлический звук, от которого инстинктивно сводило скулы, — хрустел крупный, острый гравий под тяжёлыми ботинками патрулей. В этом безжалостном механическом ритме была почти религиозная дисциплина — так монахи-бенедиктинцы поднимаются на первую молитву, подчиняясь не милосердному солнцу, а слепому, неумолимому уставу.

Лео не спал. Он лежал на узкой, пропахшей чужим потом и дезинфектором койке, заложив руки за голову, и вслушивался в то, как его собственная анатомия неотвратимо превращается в чужеродный, не нанесённый ни на одну карту архипелаг.

Его внутренние часы безвозвратно раскололись. Первое сердце — родное, привычное, натренированное долгими годами учёбы и стрессов — отстукивало ровный, почти обречённый ритм: шестьдесят четыре удара в минуту. Но рядом, за грудиной, в душной темноте тела проснулось второе. Оно билось глубже, сильнее, с пугающей гидравлической ненасытностью, откликаясь примерно на каждый третий удар первого. Это не походило на простые экстрасистолы или невротическую аритмию. Лео, как врач, с леденящей ясностью чувствовал, как чужой, первобытный мышечный насос физически смещает ткани *mediastinum* — средостения, как он грубо сжимает левое лёгкое, заставляя нижнюю долю мучительно спадаться при каждом вдохе, и тупо упирается в диафрагму. В груди не просто пульсировало — казалось, там теснились два автономных, мыслящих органа, отчаянно оспаривающих друг у друга скудное свободное пространство среди ноющих рёбер.

«Я заразился? Где? — мысль билась обрывочно, в такт чужому пульсу. — В душной палатке? В стерильной лаборатории, когда дрогнула рука? Или...»

Стук в дверь — короткий, сухой, двойной.

Диана Пэтрашку стояла на пороге, отсекая собой робкий утренний сквозняк. На ней была тёмно-синяя хлопковая рубашка с жёстким воротником, заправленная в серые брюки-карго, и плотные туристические ботинки, покрытые тонким слоем рыжей пыли. В левой руке она держала лёгкий кожаный чемоданчик, ручка которого блестела от частого прикосновения пальцев, а в правой — две поцарапанные строительные каски, жёлтую и белую, с потёртыми подбородочными ремнями.

За её спиной, ровно в двух шагах, замерли двое охранников. Один — долговязый конголезец в выцветшем камуфляже с израильским Emtan на плечевой петле; от него пахло дешёвым табаком и оружейной смазкой. Второй — белый, коренастый, с плохо выбритым черепом и круглыми, водянистыми глазами, в которых отражалось серое утреннее небо. В его взгляде не читалось

ни вражды, ни интереса, ни даже тени человечности — только биомеханическая фиксация объекта, пугающе напоминающая работу слепого оптического датчика.

— Доброе утро, Гонзалес. Надевайте ботинки. Я покажу вам, где работал Брюне.

Диалоги с ней всегда напоминали обмен шифровками — минимум интонаций, максимум функциональности.

Они пошли к дальнему краю лагеря. Дорога занимала минут двадцать тягучего, молчаливого шага. Сначала под ногами глухо и упруго гудел деревянный настил, проложенный между штабом и ангарами с техникой, но по мере приближения к северной стороне лагеря дерево сменилось утрамбованной красной глиной, скользкой от утренней росы, затем — рваным, царапающим подошвы гравием, и наконец — выжженной, покрытой глубокими морщинами трещин землёй. Здесь лагерь ЧВК подходил к самому краю старого отработанного карьера, зияющего, как рана на теле саванны.

Периметр в этом секторе выглядел иначе. Вместо высокого стального забора с бетонным цоколем тут тянулся лишь двойной ряд колючей проволоки, небрежно натянутой на потемневшие, склизкие от сырости деревянные столбы. Старая «Егоза» провисала ржавыми, беззубыми петлями. На покосившейся калитке висела железная, облупившаяся табличка с выцветшим жёлто-черным трилистником радиационной опасности. Краска вздулась пузырями поверх надписи:

DANGER — NE PAS ENTRER NSAMBU TE

За проволокой, буквально в пяти метрах от края головокружительного, осыпающегося обрыва, впритык к пологому, уходящему в густые заросли холму, лепился барак. Одноэтажный, сложенный из землистого, ноздреватого, ещё колониального кирпича и крытый листами гофрированного железа, безнадёжно порыжевшего от коррозии. Одно маленькое окно было наглухо заколочено разбухшей фанерой. Внешне, к бараку не тянулись ни толстые силовые кабели, ни водопроводные трубы. Больше всего это походило на забытый Богом и людьми сарай для хранения кайлов и отсыревшей взрывчатки — эхо жестоких времён Бельгийского Конго.

— Вы останетесь здесь, — скомандовала Диана охранникам.

Бойцы молча встали по обе стороны калитки. Лысый даже не дёрнул мускулом на лице — он продолжал стеклянным взглядом сканировать пустырь за их спинами, словно ожидая угрозы не от людей, а от самой рыжей земли.

Диана отперла массивный навесной замок ключом из небольшой связки, металл сухо лязгнул, и она толкнула разбухшую дверь внутрь.

Внутри барака не было окон и кондиционеров, и пространство сразу же навалилось на плечи всей своей массой. Воздух стоял густой, невыносимо сырой и спёртый, оседающий во рту прогорклым вкусом. Он пах нагретой кровлей и характерным, въедающимся в поры букетом, который Лео узнал мгновенно, до рези в носу: формалин, едкие консервирующие растворы, фенол и едва уловимый, кислотный, царапающий горло оттенок лизирующих агентов. Это был концентрированный запах полевой биологической лаборатории, помноженный на дух старого склепа.

Помещение тускло освещалось несколькими люминесцентными лампами, питавшимися от гудящего аккумуляторного блока в углу. На стальных столах, охлаждающих кожу, ровными, педантичными рядами стояли микроскопы, портативная центрифуга, контейнеры с тревожной маркировкой биологической опасности и ноутбук, подключённый к бесперебойнику. На полках вдоль стен, словно уродливая кунсткамера, выстроились стеклянные банки с образцами белёсых тканей, плавающих в мутном, желтоватом растворе.

— Морис предпочитал работать здесь, — сказала Диана, ставя чемоданчик на край стола. Её голос прозвучал приглушённо. — Вдали от бункера Жирара с его стерильной бюрократией. Здесь тихо. И здесь был обнаружен первичный вектор. Летучих мышей нашли не в основной пещерной системе, а именно тут.

Она достала портативный, размером с ладонь, счётчик Гейгера в прорезиненном корпусе, положила в карман и подошла к дальней стене барака. Там, между двумя перекошенными стеллажами, висел плотный брезентовый полог — грязно-зелёный, пропылённый, намертво закреплённый на ржавых железных крюках. Диана взялась за грубый край и с сухим, царапающим барабанные перепонки шорохом отёрнула его в сторону.

За пологом отворялся зев.

Это была не дверь и не аккуратно подготовленный технологический проход. Грубая, полукруглая штольня уходила прямо в первобытную темноту холма. Стены были небрежно укреплены редкими, трухлявыми деревянными крепежами, почерневшими от времени и покрытыми белёсым, пушистым налётом ядовитой плесени. Из глубины дохнуло совсем другим воздухом — ледяным, влажным, погребным. В нём мешался резкий аммиачный привкус гуано и подтон чего-то давно перебродившего, сладко-гнилостного. И почему-то — Лео сглотнул вязкую слюну — сквозь этот смрад отчётливо и нелогично пробивался еле заметный аромат церковного ладана и дурманящей цветущей гардении.

— Возьмите, — Диана протянула ему каску и налобный фонарь. Пластик был неприятно холодным. — И под ноги смотрите.

Лео надел каску, жёсткая стропа ремня впилась под подбородок, и поправил фонарь. Узкий, мертвенно-белый светодиодный луч разрезал плотный мрак, высветив неровный, сочащийся влагой свод туннеля.

— Это прорыли американцы? В сороковые? — спросил он. Собственный голос показался ему чужим среди этой грубой кладки и рваных следов на камне.

— Нет, — Диана щёлкнула своим фонарём. — Американцы пользовались буровыми станками и крепили шурфы бетоном. Это — ручная выработка. Следы зубила, кайла, ручных проходных молотков. Медные руды здесь копали задолго до прихода бельгийцев. Эта выработка сделана на десятилетия раньше. А может — и на столетия.

Она сделала шаг за скользкий порог штольни и медленно обернулась:

— И ещё, Гонзалес... Будьте осторожны. Если они сейчас там — не напугайте их.

Лео вопросительно посмотрел на неё, чувствуя, как по спине ползёт липкий холодок.

— Рукокрылых, — бесстрастно пояснила Диана. — Иногда они появляются в этой части штольни. Колония нестабильна. Пойдёмте.

Лео переступил прогнивший деревянный брус порога — и в ту же секунду его тело отозвалось на этот шаг чудовищным, разрушительным физиологическим бунтом.

Это началось не в груди. Правая рука, на которой плотно лежал старый медный браслет, вдруг вспыхнула ледяным ожогом. Металл на запястье не просто похолодел — он начал вибрировать, издавая едва ощутимую физически дрожь, впиваясь в кожу, словно вошёл в разрушительный резонанс с невидимой, древней частотой, идущей из самой толщи земли.

Затем тугая волна ударила в грудную клетку.

Лео пошатнулся и, чтобы не упасть, упёрся голой ладонью в склизкую, сочащуюся ледяной слизью стену. Его родное сердце споткнулось, жалобно замерло на длинную, страшную паузу, а то, второе, сформировавшееся внутри, толкнулось с такой звериной силой, что у него перехватило дыхание. Это был не просто пульс — это был гнетущий, неотвратимый гидравлический удар. Лео чётко, до тошноты осязаемо ощутил, как под его кожей, вдоль рёбер и на шее, стремительно проступают мелкие, твёрдые, как свинцовые дробины, узелки. Субдермальная сыпь вспухла мгновенно, стягивая кожу, превращая подкожную клетчатку в горячую, бугристую поверхность. В ушах зашумело так, словно рядом рухнула массивная плотина, а во рту расплылся стойкий, вязущий тошнотворный вкус окислившейся меди и ржавого железа.

Его внутренние органы сминались, покорно освобождая место для растущего импульса. Это был чистый, парализующий первобытный ужас плоти, сталкивающейся с торжеством чужеродного новообразования, которое безжалостно использовало его собственную кровеносную систему как идеальный питательный бульон.

— Стойте, Гонзалес. Смотрите...

Голос Дианы прозвучал глухо, но он разорвал нарастающий гул в ушах. Луч её фонаря опустился к полу.

Лео заставил себя выпрямиться, отрывая ладонь от камня. Он дышал тяжело, прерывисто, втягивая ртом ледяной воздух. На неровном каменном полу штольни, в небольшой естественной впадине между двумя выступами породы, стояла жидкость.

Густая. Маслянистая. Багровая. Непрозрачная. Она лениво сочилась из едва заметной волосной трещины в глубине стены, мелкими, липкими каплями стекая вниз. В холодном свете диодных фонарей эта субстанция блестела ярко, с глубоким, почти гипнотическим оттенком, который невозможно было перепутать ни с чем другим.

— Это кровь? — выдохнул Лео. Голос звучал сипло, словно он говорил из-под многометровой толщи воды.

— Нет, — Диана опустилась на корточки, её лицо в свете фонаря казалось высеченным из мрамора. Она остановила руку в дюйме от лужи, не касаясь её. — Когда мы увидели её впервые, мы тоже так подумали. Но это не биологическая жидкость. Это водный раствор с экстремально высокой концентрацией сульфида ртути и оксидов железа. По сути — взвесь жидкой киновари. Но с аномальной, невозможной химической структурой.

Она вытащила из бокового кармана дозиметр и выдвинула тонкий металлический щуп. Как только остриё приблизилось к блестящей, амальгамной поверхности на пару сантиметров, прибор зашёлся частым, истеричным, сливающимся в единый пронзительный свист треском.

На цифровом дисплее мгновенно, безумно забегали красные цифры.

— Радиоактивна, — ровно произнесла Диана, словно зачитывала рутинный лабораторный отчёт, перекрывая треск прибора. — Стабильный спектр. Уран-238, торий, следы изотопов радия. Почти тот же профиль, что мы неизменно находим в тканях поражённых особей.

Лео молча смотрел на багровую лужу, чувствуя, как по лицу катятся холодные капли пота. Минеральная кровь земли. Радиоактивная киноварь, вытекающая из докембрийского монолита, как из пробитой артерии. В его груди второе сердце сделало ещё один неспешный, упругий толчок, словно разумно вступая в диалог с паническим треском счётчика Гейгера.

И тут из бесконечной глубины штольни донёлся звук.

Это не был скрежет осыпающегося камня или шелест сползающего грунта. Это был вдох.

Низкий, протяжный, невыносимо глубокий, с тихим, утробным всасыванием стылого воздуха, словно где-то там, далеко за поворотом, в абсолютной, нетронутой темноте, медленно расправились гигантские, многометровые лёгкие живого материка.

Вдох... длинная, напряжённая, замершая пауза, в которой, казалось, остановилось время во всей Катанге... и выдох. Выдох прозвучал короче, с лёгким свистящим хрипом, пугающе напоминающим движение спёртого воздуха через узкий органический клапан.

— Что это? — прошептал Лео, физически чувствуя, как на предплечьях встают дыбом волосы.

Диана не дёрнулась и не повернула фонарь в глубину туннеля. Она оставила луч на блестящем полу.

— Мы не знаем, — ответила она буднично тихо. — Барометрические колебания в обширных карстовых пустотах. Глубинные подвижки грунта. Движение подземных газов. Вытеснение грунтовых вод. Звук появляется периодически. Иногда он повторяется с точностью метронома каждые пять минут, иногда штольня лежит в немоте неделями. Жирар делал спектральный анализ — это низкочастотные акустические волны, но их источник однозначно находится далеко за завалом.

И тут же, следом за затихающим «выдохом», из темноты донеслось движение. Сначала — лёгкий, едва уловимый слухом шорох натягиваемого сухого кожаного веера. Затем безжалостный луч фонаря выхватил из-под высокого, сочащегося влагой свода тёмные, стремительные тени.

Они не летели так, как летают обычные мелкие рукокрылые, мечущиеся в панике с хаотичным, рваным порханием. Они скользили. Это были крупные молотоглавые крыланы. Размах их тёмных, бархатисто-кожистых крыльев превышал метр. Уродливые, нелепо вытянутые морды с трупно-серыми, раздутыми ноздрями на долю секунды мелькнули в луче света. Их глаза отразили диодные лампы двумя парами ярких, рубиновых, почти осмысленных точек. Без единого писка, без малейшего звука, кроме сухого шелеста рассекаемого затхлого воздуха, три огромные особи описали идеально плавную дугу прямо под потолком штольни и безмолвно ушли обратно в густую, пахнущую ладаном темноту.

Лео показалось, что на одну невыносимую секунду ритм их огромных крыльев абсолютно совпал с ритмом его проснувшегося второго сердца: *удар — взмах — удар — взмах*.

— Пора уходить, — Диана тронула его за локоть. Её сильные пальцы сжали его рукав холодно и непреклонно. — Не надо их тревожить. Они приходят и уходят.

Они вернулись в барак. Диана опустила плотный, пахнущий пылью брезентовый полог и аккуратно закрепила его на железных крюках, отрезая мрак. Внешний мир с его сухим, стерильным запахом формалина и деловитым шумом дизеля за тонкой стеной показался Лео почти иллюзорным, картонной декорацией. Он бессильно опустился на жёсткий деревянный табурет у стола и уставился на свои опущенные руки. Пальцы мелко, предательски дрожали.

Диана подошла к переносной холодильной камере, гудящей в углу, щёлкнула защёлками и достала штатив с несколькими стеклянными пробирками. Внутри плескался мутный, слегка опалесцирующий на свету раствор.

— Мы храним эти образцы здесь, — сказала она, медленно поворачивая пробирку, чтобы свет преломлялся в жидкости. — Морис тайно перенёс их из основного бункера. В центральной лаборатории Жирар стерильно работает со стабильным, консервированным штаммом. Но вирус, который выделяется здесь... он ведёт себя иначе. Он постоянно, лихорадочно мутирует. Он невероятно агрессивен и пугающе нестабилен.

— Он... он реагирует на то, что происходит в штольне? — спросил Лео, тыльной стороной ладони вытирая липкий, солёный пот со лба. Второе сердцебиение в груди постепенно замедлялось, неохотно затихая, но оставляя после себя ощущение глубокой, высасывающей все соки мышечной усталости.

— На среду, — сухо поправила Диана. — На радиационный фон, на невидимые ртутные пары, на сам состав этой тёмно-красной жидкости. Штольня наглухо засыпана примерно в тридцати метрах отсюда. Там глухой, слежавшийся завал породы. Два года назад, когда мы только пришли на этот объект, мы решили расчистить проход. Привели четверых местных рабочих с рудника. Опытные, крепкие парни, привыкшие работать с таким грунтом в темноте.

Диана прислонилась к холодному краю металлического стола, скрестив руки на груди. В её глазах отразился тусклый свет лампы.

— Они копали несколько дней, не разгибая спин, пока не пробили небольшую, узкую брешь в завале. И оттуда хлынула эта жидкость. Та самая, багровая. Она потекла прямо им под ноги, заливая ботинки, капая на каски. А вслед за ней, словно вырвавшись из разорванного мешка, из бреши вылетела туча этих крыланов.

— И что рабочие?

— Вы бы видели их лица, Гонзалес. В них не осталось ничего человеческого. Они бросили инструменты прямо в радиоактивную грязь. Старший из них, Нкембо кажется, закричал так, словно увидел перед собой распахнувшийся ад. Они бежали из барака, спотыкаясь, в слепой панике давя друг друга в узких дверях. На своём диалекте они вопили одну и ту же фразу, снова и снова. Наш переводчик потом, побледнев, сказал, что это означает: «Это проклятие! Земля кровоточит! Его нельзя тревожить!»

— Вы пытались их вернуть?

— Они уволились в тот же вечер, — её голос не дрогнул. — Не забрали расчёт, не зашли в тесное общежитие за личными вещами. Просто ушли пешком через ночные джунгли в сторону Нзинги. Больше мы их не видели.

— А завал так и остался нетронутым?

— Да. Мы не стали продолжать. Жидкость появляется и исчезает по собственному, непостижимому для нас графику. Мы не нашли резервуара, не нашли логического источника. Геологи с умным видом говорят о гидротермальном выносе из глубоких горизонтов, но похоже этот химический состав не имеет аналогов на планете. И главное — всегда, неукоснительно сохраняется последовательность: сначала появляется кровавая вода, и только потом, как по команде, прилетают рукокрылые.

— Они пьют её? — тихо спросил Лео. Диана посмотрела на него долгим взглядом, в котором сквозило заметное уважение.

— Морис решил, что это именно так. Он иногда ночевал здесь, на этой раскладушке. Маниакально наблюдал за ними через инфракрасную камеру часами. Но они не просто пьют эту жидкость, Гонзалес. Он считал, что она интегрирована в их саму биологию. Их лёгкие кости, их кровь, их тканевые ферменты перестроены под уран и тяжёлую ртуть. Они — живой, летающий резервуар этого вируса. И Морис свято верил, что за обвалом есть огромный естественный грот. Первичный очаг. Место, откуда всё это исходит.

— И он нашёл проход туда?

— Мы знаем лишь то, что он заразился и мучительно погиб, Лео. Но если он всё-таки нашёл проход за обвал или смог проникнуть вглубь — он унёс эту тайну с собой.

Лео медленно, преодолевая нервную судорогу в ногах, поднялся с табурета. Он подошёл к брезентовому пологу, коснулся сухой, царапающей пальцы пыльной ткани. За ней молчала, скрывая свои тайны, древняя гора, в глубине которой что-то медленно, тяжело и размеренно дышало. Здесь, в этом изолированном, забытом бараке, на самом краю осыпающегося обрыва, не было всевидящих камер Жирара. Не было успокаивающего стерильного

контроля. Здесь была только сухая, жестокая, осязаемая реальность мутирующего патогена и фонащих следов урана... в абсолютной слепой зоне.

— Я могу работать здесь? — Лео обернулся к Диане, его голос окреп. — Мне нужен полный доступ к этим нестабильным образцам и к личным материалам вашего биолога.

Диана молчала несколько долгих секунд, внимательно разглядывая его лицо — неестественно бледное, покрытое бисеринкам холодного пота, с залёгшими глубокими тенями под глазами.

— Хорошо, — наконец, с едва заметным выдохом произнесла она. — Инструменты, оптика микроскопов и все образцы в вашем полном распоряжении. Я распоряжусь, чтобы вам принесли сюда дубликаты рабочих рукописных журналов Брюне.

— И желательно принести вентилятор или, если есть, переносной кондиционер.

— Сделаем. Электричества здесь хватит.

Она подошла к выходу и взялась за холодную железную ручку.

— Только не обессудьте, Лео, — Диана чуть улыбнулась — сдержанно, тонко, с едва уловимой, горькой тенью иронии. — За забором, у скрипучей калитки, всегда будет находиться наша охрана. И это не недоверие к вашим профессиональным намерениям. Это — единственная гарантия того, что вы не уйдёте за обвал в одиночку, поддавшись зову. Морис тоже считал, что полностью, до конца контролирует ситуацию.

Дверь барака с протяжным скрипом отворилась. В лицо Лео с размаху ударил раскалённый, слепящий глаза утренний свет Катанги, приносящий с собой сухой жар саванны. И в этот самый момент он с кристальной ясностью ощутил, как два сердца в его груди — его собственное, уязвимое человеческое, и второе, незванное, властное, сформировавшееся в глубине ноющих тканей, — наконец сбились в единый, уверенный, идеальный синхронный такт.

Удар. Пауза. Удар. Как неотвратимые шаги. Как глухие удары подземного молота по наковальне. Как гулкий пульс в глубине заваленной штольни. Как горячий, влажный, вибрирующий шёпот Имани, обжигающий его ухо в густой, пульсирующей темноте.

Глава двенадцатая. Исход

Если бы раскалённый воздух Като-Томбе обладал гортанью и желудком, то это утро питалось бы запахами, которые в любом другом, нормальном месте показались бы совершенно несовместимыми, вызывая тошноту: вонючая, истекающая едким потом резина генераторных ремней, острая, царапающая нёбо гарь дизеля, тёплый, дрожжевой аромат свежесвеженного хлеба из

лагерной кухни и тонкая, едва уловимая нотка горелого машинного масла, оседающая на языке вязким, склизким налётом.

Прошло три дня с тех пор, как Лео впервые спустился в малоприметный барак на самом краю осыпающегося обрыва. Три дня, которые слились в одну непрерывную, изматывающую процедуру: монотонная, режущая глаза работа у микроскопа, короткий, рваный, наполненный липким потом сон и медленное, пугающе осязаемое физическое вращение в чужеродную анатомию собственного, стремительно меняющегося тела.

Лео сидел под натянутым брезентовым навесом столовой, спасающим от слепящего солнца. Перед ним в щербатой кружке остывал густой эфиопский кофе — невероятно тёмный, терпкий, пахнувший жжёным деревом и оставлявший на белых стенках керамики мутные, грязно-коричневые потёки. На полированном, истёртом локтями наёмников деревянном столе лежала небольшая стопка бумаг: убористые рукописные дневники Мориса Брюне, графики секвенирования ДНК, шелестящие распечатки химических таблиц изотопного состава.

Но сегодня Лео никуда не торопился. Он сидел, неспешно откинувшись на жёсткую спинку деревянной скамьи, и просто наблюдал, впитывая реальность.

Его слегка воспалённые глаза скользили поверх исписанных листов, цепко фиксируя мелкие, незаметные на первый, поверхностный взгляд детали лагерной жизни. Внешне Като-Томбе функционировал как идеальные швейцарские часы. Наёмники ЧВК лениво перекидывались короткими, гортанными фразами на лингале и румынском, курили крепкие сигареты без фильтра, сплёвывая в рыжую пыль, методично, с лязгом чистили разобранные карабины. Но за этой привычной армейской рутинной Лео уже безошибочно угадывал другой, скрытый, колоссальный механизм.

Накануне утром, во время такого же долговременного, тягучего завтрака, Лео заметил кое-что важное. На территорию базы через южные ворота, тяжело переваливаясь на рессорах, въехал небольшой, сильно потрёпанный тентованный грузовик — японский Isuzu Elf с помятой, грязной крышей и густо заляпанным рыжей глиной кузовом. Водитель — молодой конголезец в пыльных, скрывающих глаза защитных очках — направил пытящую машину не к продовольственному складу, а к дальнему, глухому ангару с неприметной вывеской «IC Waze».

Прежде чем поднять гроыхающие алюминиевые рольставни, двое охранников откинули задний борт грузовика для рутинной проверки. В этот короткий промежуток времени Лео, стоявший в паре десятков метров с горячей чашкой робусты в руках, успел сквозь утреннее марево рассмотреть содержимое.

В кузове плотными, аккуратными рядами стояли синие пластиковые бочки — стандартные, двухсотлитровые, со съёмными крышками, намертво стянутыми массивными стальными замковыми обручами.

Опыт работы подсказывали Лео: в таких специфических ёмкостях не возят ни солёнку, ни питьевую воду, ни стерильные реактивы для ПЦР. Такие бочки повсеместно используют на крупных гидрометаллургических предприятиях для транспортировки гранулированных ионообменных смол — мощных сорбентов, применяемых при промышленном извлечении тяжёлых металлов из агрессивных растворов.

А когда грузовик, натужно рыча, медленно втягивался в густую полутьму ангара, Лео успел разглядеть в глубине огромного помещения свёрнутые в длинные рулоны листы толстого чёрного полиэтилена высокого давления — стандартные гидроизоляционные коллекторы для кучного выщелачивания, — а также выстроившиеся вдоль бетонного основания стены стальные насосные станции, пахнущие заводской смазкой.

Это не была секретная база биологических исследований или банальная точка нелегальной добычи меди. Это была основа для полноценного, скрытого в джунглях, технологического узлового пункта для жидкостного процесса экстракции.

Принимать этот груз вышла лично Диана Пэтрашку. Она стояла у подножия бетонного пандуса в безупречной, хрустящей белой рубашке с засученными по локоть рукавами, уверенно удерживая в руках планшет, и о чём-то жёстко, без малейших эмоций говорила водителю. Лицо её в тот момент, освещённое косыми лучами, казалось высеченным из холодного серого гранита.

Но сегодня всё вокруг выглядело так, будто вчерашнего грузовика с синими бочками попросту не существовало. Дизель гудел на той же монотонной ноте. Тропическое солнце безжалостно въедалось в деревянный настил, вытягивая из него запах старой смолы.

Приглушённый скрип дерева вырвал Лео из воспоминаний.

Драгош Хория грузно опустился на скамью напротив. Бывший спецназовец пришёл без еды, без неизменного кофе, без своей привычной свиты. Он просто сел, неспеша положив свои огромные руки со сбитыми, побелевшими костяшками, покрытые густыми рыжеватыми волосами, на выцветшую, исцарапанную ножами поверхность стола. От него пахло хорошим, терпким табаком, щелочным мылом и почему-то — остро и тревожно — остывшим оружейным металлом.

— Как идут ваши исследования, доктор? — голос Драгоша прозвучал глухо и бесцветно, словно пройдя через толстый слой прессованного войлока.

Его едва заметные глаза из-под затемнённых очков абсолютно равнодушно скользнули по сложным распечаткам на столе.

Лео медленно поднял отяжелевшие веки, протёр переносицу кончиками пальцев. Его лицо — вспухшее, с синеватыми, болезненными провалами под глазами и потрескавшейся, запёкшейся коркой на губах — не нужно было специально наигрывать. Он действительно выглядел как человек, медленно падающий в бездну полного физического истощения.

— Плохо, — признался Лео, глядя прямо перед собой. Он сделал долгую паузу, с трудом прочистил пересохшее горло и позволил своему голосу прозвучать максимально искренне и сухо. — Я... я в абсолютном тупике, Драгош.

— В каком смысле? — Хория даже не шелохнулся, ни один мускул на его лице не дрогнул.

— В мутациях... должна быть хоть какая-то логика, — Лео раздражённо постучал кончиком ногтя по извилистому графику секвенирования. — Любой патоген, даже самый агрессивный и дикий, вроде вируса Эбола или Марбург, подчиняется железным законам эволюционного давления. Всегда есть вектор адаптации, есть реакция на иммунный ответ носителя. А здесь... здесь мутационный дрейф выглядит абсолютно хаотичным. Словно безумным. Или... — Лео запнулся, сделав вид, что мучительно подбирает правильное слово, — или он адаптируется вовсе не к организму хозяина. А к некоему внешнему, невероятно мощному физическому фактору, которого мы просто не видим в условиях лаборатории. Складывается стойкое впечатление, будто вирус ведёт себя совершенно произвольно, реагируя на приливы и отливы невидимого океана.

Драгош долго, не моргая, смотрел на бумаги. Его взгляд не читал латинские буквы и цифры — он словно взвешивал саму плотность текста на листе, оценивая степень угрозы.

— Надеюсь, вы её найдёте. Последовательность, — наконец, свинцово произнёс он. Разговор, покачнувшись, медленно сполз в сторону тяжёлой тишины. — Мы все на это очень надеемся, Гонзалес. Время не играет на нас. Оно вообще здесь ни на кого не играет.

Лео подался вперёд, с силой опершись локтями о стол, и посмотрел наёмнику прямо в выцветшие глаза, стараясь пробить эту броню:

— IC Waze... это ведь только бумажная лицензия для прикрытия? Вы ведь здесь не только редкоземельные металлы копаете?

Хория не отвёл взгляда. Но в его сузившихся зрачках не вспыхнула ожидаемая угроза — там, на самом дне, проступила совсем другая эмоция: старая, вымороженная, экзистенциальная усталость человека, который

слишком долго и слепо выполняет чужие приказы в месте, где эти приказы уже давно теряют всякий смысл.

— Знаете, Гонзалес... — Драгош сделал паузу. Он внимательно посмотрел на свои толстые, огрубевшие пальцы, потом медленно перевёл взгляд на раскалённые края лагерного периметра. — Иногда мне кажется... мы слишком глубоко закопались в эту проклятую землю. Гораздо глубже, чем надо. И разбудили то, что спало.

Он резко, по-военному выпрямился, одним движением разом отсекая намечавшуюся откровенность, и коротко кивнул в сторону двух вооружённых охранников, терпеливо переминавшихся с ноги на ногу у калитки столовой.

— Ваши парни вас заждались. Идите в барак, доктор. Поработайте.

Барак на краю обрыва встретил Лео удушливой, стоячей, желеобразной жарой. Тяжёлый замок лязгнул, металлическая дверь с глухим стуком закрылась за его спиной, мгновенно отрезая спасительный шум дизелей и гортанные выкрики наёмников. Он остался один в этом склепе.

Внутри густо пахло формалином, фенолом и сырым, древним суглинком. Лео щёлкнул тумблером, включая люминесцентные лампы. Их сухой, болезненно мерцающий свет залил холодные стальные столы, хромированную центрифугу и стойки с десятками пробирок. Вентилятор быстро набрал обороты.

Лео тяжело сел на скрипнувший деревянный табурет. Его правая рука неожиданно отозвалась резким приступом ледяной судороги — старый медный браслет на запястье болезненно натянулся, словно сжавшись в размерах, заставив синюю жилу под кожей судорожно дёрнуться. В груди, строго за ноющей грудиной, второе сердце сделало глухой, влажный, чужеродный толчок. Лео инстинктивно прижал ладонь к рёбрам: сквозь ткань рубашки, под пальцами отчётливо прощупывались твёрдые, перекатывающиеся, похожие на крупную свинцовую дробь узелки — набухшие субдермальные лимфоузлы, хищно проросшие вдоль кровеносных сосудов.

Он достал из холщовой сумки портативный дозиметр, с сухим щелчком выдвинул тонкую стальную иглу датчика и включил прибор.

Тесное пространство барака немедленно наполнилось редким, сухим, пугающим треском.

Лео начал методично обходить столы, проверяя каждый образец: *Образец № 1 (плазма крови рукокрылых): 420 мкР/ч. Повышенный. Образец № 4 (багровая жидкость, сочащаяся из штольни): 610 мкР/ч. Выше нормы в десятки раз. Смертельный фоновый коктейль.*

Он подошёл к дальнему металлическому стеллажу, где в герметичном, ударопрочном пластиковом пенале лежал личный архив Мориса — несколько

стеклянных предметных стёкол с сухими, потемневшими мазками тканей, сделанными перед его бесследным исчезновением.

Лео поднёс щуп счётчик Гейгера к стеклянному слайду № 3.

Прибор не просто затрещал — он мгновенно зашёлся сплошным, истеричным, режущим слух свистом. Красные цифры на цифровом табло замелькали и выкинули чудовищное значение: 740 мкР/ч.

Лео замер, чувствуя, как по спине стекает струйка ледяного пота. Сухой мазок крови Мориса был радиоактивнее минерального, отравленного выпота из самой подземной штольни. Казалось, французский биолог не просто заразился вирусным штаммом — его органический матрикс при жизни попытался жадно впитать и аккумулировать изотопы урана и тория, перестраивая саму клеточную структуру под смертоносное излучение. Как у летучих мышей. Морис превратился в живой, пульсирующий реактор.

Внезапно за спиной Лео раздался звук.

Это не был требовательный стук в дверь. Внутренний замок даже не щёлкнул. Массивная дверь барака просто мягко, без единого скрипа, словно сама собой, отворилась внутрь, впуская полосу раскалённого света.

Лео резко обернулся, рефлекторно, до побеления костяшек сжав в кулаке длинный стальной пинцет для захвата биологических тканей — жалкое, но единственное оружие.

На пороге стоял Илунга.

Его некогда белая майка была насквозь пропитана рыжей грязью и свернувшимся комками потом, на плече висел потемневший от времени и крови АК-47 с глубоко поцарапанным деревянным прикладом. За его спиной, в колеблющейся полутени проёма, безмолвно висели ещё две фигуры — жилистые, напряжённые как струны конголезцы с цветными банданами на головах и автоматами наперевес.

— Тише, доктор, — жарко прошептал Илунга, поднимая раскрытую ладонь с розовой ладонью. Голос его был сухим, прерывистым, полным адреналина, как от долгого, изнуряющего бега. — Я за вами. Меня прислала Имани. Мы уходим. Сейчас.

Лео стоял каменным изваянием, не опуская зажатый пинцет. Горячая волна адреналина стремительно прошла по его телу, разом заглушая внутреннюю мышечную ломоту и тошноту.

— А охрана... — выдохнул Лео, косясь на открытую дверь.

— Лежат у калитки, — быстро и зло отрезал Илунга. — Связаны как куры. У нас есть от силы минуты пять, пока патруль на вышке не заметит, что они не двигаются. Бросайте всё, идём!

Лео перевёл лихорадочный взгляд с напряжённого лица Илунги на стальные столы. На открытый ноутбук с бесценными, расшифрованными последовательностями. На контейнеры со смертоносным, нестабильным штаммом. На рукописные дневники Мориса, хранящие тайну.

— Нет, — жёстко, непререкаемо произнёс Лео, и в его голосе прорезалась сталь. — Мы должны забрать всё, что можно. Помогите мне!

Илунга тихо, грязно выругался сквозь зубы на ломаном французском, но тут же, поняв, что спорить бесполезно, махнул рукой своим бойцам: — Быстро! Сгребайте всё в коробки!

Они начали лихорадочно, снося всё на своём пути, очищать столы. Лео с профессиональной, хладнокровной точностью заталкивал в свой вместительный тканевый баул штативы с образцами мутировавших кровяных сывороток, накопительные флеш-карты, предметные стекла, бережно упакованные в пенопласт, и ноутбук, выдернув провода. Партизан со страшным, бугристым шрамом на щеке взвалил на плечо картонную коробку с реагентами и портативным секвенатором.

И в этот самый момент земля под их ногами протяжно, гулко вздрогнула.

Это не было обычным сейсмическим толчком. Из-за грязно-зелёного брезентового полога, плотно закрывавшего проход в старую штольню, вырвался тонкий, пронзительный инфразвуковой гул. Он прошёл сквозь каменный пол, сквозь толстые подошвы ботинок, ударив с саднящей болью прямо в берцовые кости, заставляя вибрировать зубы.

В груди Лео второе сердце ответило мгновенным, диким, радостным бунтом. Оно ударило с чудовищной гидравлической силой, болезненно сжав левое лёгкое и вызвав в горле стойкий, тошнотворный вкус окислённой меди. Тёплый браслет раскалился до физической боли, обжигая кожу.

Хлоп!

Пыльный брезентовый полог не просто качнулся от сквозняка — он с треском лопнул по центральному шву, словно перерубленный взмахом невидимого гигантского клинка.

Из черного зева штольни, густо пахнущего старым аммиаком, прелой слежавшейся шерстью и чем-то тошнотворно кислым, хлынула сплошная живая масса.

Огромные молотоглавые крыланы — с размахом кожистых, бархатных крыльев более метра — с оглушительным шелестом вырвались в барак. Слеплённые мерцающим люминесцентным светом, они заметались под гофрированным железным потолком с глухим, сухим, непрерывным хлопанием. Тяжёлые крылья сбивали подвесные лампы, рушили стеклянные колбы со стеллажей, осыпая пол сверкающими осколками. Помещение мгновенно

наполнилось пронзительным, режущим барабанные перепонки ультразвуковым писком.

Одно из существ со свистом рассекаемого воздуха рухнуло прямо на центральный металлический стол, всего в полуметре от лица Лео. Его уродливая, вытянутая морда с тупым, кожистым, похожим на молот наростом нервно дёрнулась, огромные серые ноздри расширились, втягивая воздух — его запах, а мелкие, белёсые, абсолютно слепые глаза вспыхнули в свете упавшей на бок лампы мутным, inferнальным фиолетовым огнём. Крылан с силой впился длинными, изогнутыми когтями в деревянную столешницу, издавая шипящий, скрежещущий, полный ненависти звук.

— Бежим! Наружу! — не своим голосом закричал Илунга, отбиваясь прикладом автомата от пролетавшей мимо огромной тени.

Они выскочили из барака, с грохотом захлопнув за собой металлическую дверь и задвинув засов. Изнутри продолжали доноситься звон разбиваемого лабораторного стекла, мощные удары кожистых крыльев о стены и нечеловеческий, вибрирующий писк.

Перед калиткой, испуганно уткнувшись лицами в серо-бурую пыль, ничком лежали двое охранников лагеря. Их руки за спиной были намертво стянуты белыми пластиковыми хомутами. Чёрные израильские Emtan MZ-4P сиротливо валялись в сухой, выжженной траве у деревянного столба.

— К обрыву! Скорее! — Илунга ткнул горячим стволом в сторону узкой, осыпающейся козьей тропы, уходившей прямо вдоль стены отработанного карьера.

Лео, действуя на чистом автоматизме, на ходу опустился на одно колено. Не теряя ни секунды, он сгрёб из пыли оба тяжёлых карабина, перекинул жёсткие ремни через плечо прямо поверх набитого баула и резким движением сорвал со спины стонущего наёмника разгрузочный жилет с четырьмя полными запасными магазинами.

Илунга на секунду замер, поражённо глядя на доктора. В его расширенных глазах проскочило глубокое, нескрываемое удивление — сугубо гражданский врач, учёный, обращался с боевым оружием с той холодной, отработанной, машинной ловкостью, которая даётся только кровью и опытом.

— Вперёд, — прошептал Лео, поправляя врезающийся в плечо ремень винтовки.

Они побежали по тропе. Справа, буквально в пяти сантиметрах от их скользящих ботинок, уходила вниз стометровая отвесная, головокружительная стена карьера, на самом дне которого ржавели мёртвые скелеты старых бельгийских экскаваторов. Красная глина предательски осыпалась под ногами, мелкие камни с сухим шорохом летели в пугающую пустоту.

Позади, со стороны центральной площади лагеря, уже доносился сиплый, сорванный крик Драгоша, резкие хлопки заводимых дизельных моторов и треск оживших раций. Патрули заметили связанных охранников. Счёт пошёл на минуты.

— Бегом! — Илунга первым начал спускаться по узкому, крошащемуся карнизу, крепко держась за натянутый вдоль скалы старый страховочный канат.

Лео двигался следом, стараясь не смотреть вниз. Своё собственное сердце билось частым, рваным, паническим пульсом, но то, второе, сформировавшееся внутри, отбивало ровный, невероятно мощный, почти механический такт. Оно словно без устали накачивало мышцы ног дополнительным, синтетическим адреналином, выжигая молочную кислоту и давая яростную, первобытную, плотную выносливость.

Они миновали самый опасный участок карниза, спрыгнули на твёрдую землю и ушли в густые, парящие заросли кустарника у подножия холма.

Через двести метров изматывающего бега сквозь влажный, удушливый, пахнущий гнилью лес, где лианы и шипастые ветки в кровь хлестали по лицу, они выскочили на заброшенную, заросшую слоновьей травой колею. Под исполинскими кронами двух разросшихся фикусов стояли два старых, покрытых грязью пикапа «Тойота Хайлак» с помятыми бортами и глухо урчащими на холостых оборотах моторами.

В кузове первого пикапа сидела Имани.

На ней было лёгкое светлое платье, теперь сплошь покрытое брызгами кирпичной грязи. Короткие чёрные волосы были взъерошены горячим ветром. Когда её тревожный взгляд упал на Лео — тяжело дышащего, вынырнувшего из чащи с баулом, полным смертельных образцов, и двумя автоматами на плече, — её искусанные губы дёрнулись в коротком, прерывистом вдохе облегчения.

Лео встретился с ней взглядом.

В ту же секунду его второе сердце в грудной клетке на одно томительное мгновение замерло — а затем сделало один невероятно мощный, глубокий, абсолютно синхронный толчок вместе с первым. Ритмы идеально совпали. Два органа, человеческий и чужеродный, сбились в единый, сокрушительный такт. Ледяной металл старого браслета на запястье мгновенно налился плотным, сухим, пульсирующим теплом.

— Залезайте! — рявкнул Илунга, заскакивая за руль и вбивая передачу.

Лео, закинув звенящие карабины, перемахнул через железный борт пикапа. За ним в кузов тяжело вскочили партизаны с мешками и спасёнными коробками. Машины с рёвом рванули с места, с хрустом выламывая кусты и врываясь лысыми шинами в глубокую, заполненную водой глиняную колею.

Пикапы неслись по джунглям, жёстко прыгая на выпирающих, как вены, древесных корнях. Лео сидел на ребристом металлическом днище кузова, крепко прижимая к себе драгоценный баул и не выпуская из рук автоматы. Имани мягко опустилась рядом, плечом к плечу. Она не произнесла ни единого слова, но её тонкие, прохладные пальцы, когда они легли на его горячее запястье — прямо поверх пульсирующего медного браслета, прошептали красноречивее слов: *«Потом. Всё позже»*.

Они мчались в сторону деревни Бата Колé. Лагерь ЧВК остался далеко позади, застыв в ослепительном, расплавленном полуденном зное Катанги.

Но на самом въезде в посёлок, там, где узкая, избитая лесная дорога выходила к первым залитым солнцем маисовым полям, головной пикап Илунги резко ударил по тормозам. Шины с визгом пошли юзом по скользкой глине, поднимая веер грязи.

Поперёк дороги лежал массивный, исполинский ствол недавно срубленного дерева.

За завалом, молчаливой стеной, стояли люди.

Одиннадцать деревенских мужчин — с блестящими от масла мачете, длинными охотничьими копьями и старыми, потёртыми ружьями. А перед ними неподвижно высились трое.

Двое боковых — сухие, как пергамент, высокие старейшины в длинных белых холщовых рубахах. А прямо между ними стоял он.

Тот самый старый колдун, которого Лео видел вместе с сёстрами из деревни. На нём была длинная, выцветшая пёстрая рубаха поверх широких хлопковых штанин, а на впалой, тёмной груди зловеще звякали всё те же жуткие амулеты: высушенные лапы птиц и мелкие, отполированные временем кости. Казалось, у него не было ни бровей, ни ресниц — только гладкая, натянутая, как на барабане, кожа над бледными, затянутыми густой, молочной паволокой глазами. Так бы выглядела слепая, неумолимая маска рока из античной трагедии. В костлявых, узловатых руках он крепко сжимал гладкую деревянную трость.

Илунга заглушил мотор. Наступила липкая, звенящая, тяжёлая тишина, нарушаемая только оглушительным, равнодушным треском цикад и усталым, хриплым дыханием людей в кузове.

Старик медленно поднял свой резной посох и уставился своими мутными, почти мёртвыми, но парадоксально пронзительными глазами прямо на кузов застывшего пикапа.

— Зачем... ты вернулась? — его голос прозвучал не громко, но с той сухой, трупной, шелестящей вибрацией, которая заставила все волоски на руках Лео встать дыбом.

Имани медленно, грациозно поднялась на ноги, балансируя в кузове. Её пальцы до боли, до синяков сжали руку Лео. Она хранила молчание.

— Твой прадед... — колдун сделал один глухой шаг к машине, его трость с сухим, костяным стуком опустилась на металлический борт. — Твой прадед привёл на нашу землю чужих. Белых людей с их лязгающими машинами. Они разбудили то, что должно было вечно спать под тяжёлым камнем. И земля стала пить кровь.

Старик медленно поворачивал голову из стороны в сторону, словно улавливая запахи и сканируя пространство:

— А теперь... ты. И с тобой снова американец.

Колдун с неожиданной силой ударил тростью о потрескавшуюся землю. Сухая пыль взметнулась густым оранжевым облаком, оседая на лицах.

— Вы несёте в себе гнилую кровь. Вам нельзя сюда возвращаться...

Глава тринадцатая. Имани

Грязно-оранжевая, прокалённая солнцем глина жгла подошвы ботинок даже сквозь толстую резину.

Лео выбрался из кузова пикапа, на мгновение застыв и судорожно выдыхая раскалённый воздух. Ткань камуфляжной рубашки промокла насквозь — пот, дизельная гарь, въевшаяся в поры мелкая пыль Катанги, которая скрипела на зубах и забивалась под ногти. Лесная дорога здесь делала петлю и обрывалась: вытоптанная площадка у основания исполинского терминалия, чьи переплетённые, толстые, как ноги ископаемых монстров, корни вылезали прямо из небольшого обрыва.

Воздух здесь стоял влажный, плотный, казалось, его можно было пощупать руками. Он пах перебродившими дикими плодами, сырой землёй и тонким, едва уловимым, но дурманящим ароматом костуса — ночного цветка, от которого у Лео сладко и больно сжималось в затылке.

Оба пикапа спрятались в тени зарослей, укрытые с обеих сторон густым зелёным подлеском. Илунга заглушил мотор. Внезапно обрушившаяся тишина леса не принесла покоя — она давила на уши. За деревом молча выстроились конголезцы Илунги: пятеро мужчин с обшарпанными «калашниковыми», молчаливые, с темными от пота лицами.

Лео подошёл к старейшинам.

— Мне... мне обязательно нужно в деревню, — сказал он, пытаясь сдержать хрип в голосе и вытирая пот со лба тыльной стороной ладони. — В госпиталь ВОЗ. Поймите, это... это важно. У меня результаты, там люди...

Старейшины стояли неподвижно. Двое сухих, высоких стариков в застиранных белых рубашках из домотканого холста. Их лица выглядели так, будто их высекли из окаменевшего дерева. Старый колдун за их плечами — в своей пёстрой накидке, увешанный костями и сушёными лапами — даже не повернул головы, вслушиваясь в невидимую жизнь джунглей.

Старший из них качнул головой. Медленно. Безапелляционно.

— Нет.

— Послушайте! — Лео подался вперёд, но Илунга мягко, но настойчиво перехватил его за локоть. Пальцы партизана сжались как стальные клещи.

— Стой, Лео, — тихо, вкрадчиво проговорил Илунга, едва разжимая губы. — Ты не понимаешь, во что влез. Не знаю, что именно ты похитил у IC Waze... но поверь моему опыту: они перевернут всю округу. Бата Колё будет первым местом, куда заявится их ЧВК. Появишься там — подставишь под удар всех. И себя, и деревню, и своих врачей.

Имани стояла чуть позади, прислонившись спиной к борту второго пикапа. Подол её платья был запятнан глиной, короткие жёсткие волосы блестели от пота. Лео перевёл на неё быстрый, ищущий взгляд. Её чёрные глаза смотрели на него в упор. На секунду её взгляд замер на его губах, после чего она едва заметно, почти неощутимо качнула головой:

— Он прав, Лео... Не надо.

Лео стиснул зубы. Сопротивляться было бессмысленно — здесь правила диктовали джунгли и эти люди. Он полез в карман, вытащил помятый блокнот и огрызок химического карандаша. Прижав листок к вибрирующему от жара капоту, он быстро написал несколько рваных строк:

«Сара, Реми. Я жив. У меня образцы первичного штамма и кое-какие материалы по вирусу. Мне нужно всё: реагенты для ПЦР, защитные костюмы, ноутбук, мой MiniON. Передайте через Илунгу. Никому в лагере ни слова. Это важно».

Лео сложил листок вчетверо и протянул Илунге.

— Передай лично Саре Хёйбрехтс или Реми Гайару. Никаких посредников. Пожалуйста.

Илунга спрятал записку в нагрудный карман камуфляжа и кивнул.

— Буду через два часа. Ждите здесь, на дороге не вылезайте.

Дизель первого пикапа взревел. Машина, чихая сизым дымом, развернулась на узкой колее и ушла в сторону деревни, подняв столб рыжей пыли. Старейшины молча побрели по тропе обратно в чащу.

Лео и Имани остались одни. Второй пикап стоял в стороне, укрытый ветками.

— Пойдём, — тихо проговорила Имани. Её голос прозвучал бархатисто и совсем близко. — Под дерево. Тебе нужно сесть.

Они опустились на тёмную, пропитанную влагой землю, между сползающими в небольшой обрыв корнями старого дерева. Здесь, в глубокой полутени, царил полумрак. Воздух был густым, тёплым и плотным, словно кисель.

Лео откинулся спиной на шершавую кору. Его прислонённые к стволу карабины рядом поблёскивали воронёной сталью.

Имани села прямо напротив. Слишком близко. Её колени почти касались его ног, и Лео физически ощущал исходящее от неё сухое, манящее тепло. В полумраке её тёмная кожа светилась внутренним глянцем, а в глубине чёрных, с янтарными прожилками глаз, отражались просветы неба сквозь листву.

— Почему... — Лео прокашлялся, голосу не хватало дыхания. Он посмотрел на её губы, потом поднял взгляд к глазам. — Почему я, Имани? Зачем ты вообще втянула меня в это?

Имани замерла. Её пальцы, лениво перебирающие край платья, остановились. Она долго молчала, глядя куда-то в область его шеи, где ритмично пульсировала жилка.

— Я... — она запнулась, сделала паузу, выдыхая со свистом. — Я действительно не знаю, Лео. Правда.

Она сглотнула, медленно подбирая слова — так, словно пыталась перевести нечто древнее на чужой, сухой язык:

— В тот вечер... в Киншасе. Я надевала браслет. Тот самый, что сейчас у тебя на руке. Я носила его... да всегда носила, с детства. Медь на мне сидела как влитая. А в тот вечер... он просто соскользнул с запястья. Упал на пол. И зазвенел так странно.

Она подняла на него свои глаза. Между ними вспыхнула короткая, электрическая искра — воздух между их лицами будто нагрелся ещё на пару градусов.

— Я подняла его. Надеда снова. И он... опять упал. Три раза подряд, Лео. Браслет моих предков будто отвергал меня. Словно... словно он больше не хотел быть моим. А утром, когда я снова попыталась надеть — он снова свалился. Глупо, но я решила... ну, поэкспериментировать. Взяла его с собой.

Она подалась чуть вперёд. Расстояние между ними сократилось до десятка сантиметров. Лео почувствовал её дыхание — оно пахло дикой мятой и чем-то терпким.

— И когда там, в костёле, я надела его тебе на руку... — её голос упал до шёпота, оборвался. — Я вдруг почувствовала. Вспышку. Как будто всё встало на свои места. Как будто всё стало правильно. Браслет искал тебя, а не меня. Но... как бы я объяснила это белому доктору? «Знаешь, Лео, мой медный обруч решил, что ты его новый хозяин»? Ты бы посчитал меня сумасшедшей...

Она протянула руку и опустила пальцы на его запястье — ровно туда, где тёплый браслет сжимал кожу.

От её прикосновения по предплечью Лео прокатился мощный разряд тока. Кожа под её подушечками пальцев мгновенно вспыхнула жаром. Второе сердце в его груди — тёмный, несуществующий орган-симбиот — отозвалось тяжёлым, глухим толчком, от которого у Лео перехватило дыхание. Взгляд Имани метнулся к его впавшим щекам: она почувствовала эту судорогу.

Лео резко задышал. Его повело в сторону — тело внезапно охватил крупный, сжигающий озноб. Зубы застучали, по позвоночнику стекал ледяной пот.

— Лео... — в её голосе скользнула не испуганная, а какая-то страстная, жадная тревога.

Она мгновенно подвинулась вплотную, перекинув ногу и практически сев к нему на колени, чтобы удержать его дрожащие плечи. Её бёдра плотно прижались к его телу, обжигая сквозь тонкие ткани одежды. Ладонь Имани легла ему на лоб — прохладная, влажная.

— На, пей, — она свободной рукой выудила из сумки бутылку из тёмно-коричневого стекла. — Просто выпей.

— Что... что это? — выдавил Лео, пытаясь сфокусировать расплывающийся взгляд на её губах, оказавшихся в опасной близости.

— Вода. С Запада. Из колодца в дедушкином доме. Он сказал взять с собой... Пей, не разговаривай.

Лео обхватил горлышко сухими губами и сделал несколько жадных глотков.

У воды был ошеломляющий, абсолютно нереальный вкус. Не ржавчина, не хлорка — плотная, тяжёлая жидкость с явным вкусом сырой глины, выдержанного железа и густым, сладковато-смолистым подтоном древесины. Она обожгла горло как жидкий металл.

И эффект мгновенно накрыл его.

Озноб отступил за считанные секунды. Огненная волна утихомирилась, тупая боль в рёбрах рассосалась. Второе сердце сбавило темп, подстраиваясь под ровный, глубокий ритм первого. Лео глубоко выдохнул, почувствовав, как мышцы расслабляются.

Имани не спешила отстраняться. Она продолжала сидеть вплотную, её грудь поднималась и опускалась в такт его дыханию. Пальцы её левой руки всё ещё сжимали его запястье, поглаживая медный обруч.

— Старики... — Лео выговорил это тихо, почти в её губы, не в силах отвести взгляд от её бездонных глаз. — Они говорили... про твоего прадеда. Он... он работал на Шинколобве?

Имани медленно покачала головой, её дыхание щекотало его шею:

— Нет... Жозеф — мой прадед — приехал сюда из Мбанза-Нгунгу в начале сороковых. По контракту. Он занимался геологоразведкой для американцев. Искал жилы.

— И... что произошло?

— Дедушка и бабушка... — она сделала паузу, судорожно вздохнула, глядя ему прямо в зрачки. — Они никогда не говорили об этом. Табу. Но я слышала, из разговоров в деревне... Что-то произошло в шахте. В глубокой штольне. Они что-то нашли. И после этого дед просто перестал копать. Бросил кайло, выбросил инструменты. Перестал копать землю. Вообще. Женился на местной... на моей прабабушке, и обосновался здесь. Навсегда.

— А... твои родители? — Лео осторожно поднял руку и накрыл её ладонь своей. Её кожа была невероятно мягкой и горячей.

— Погибли, — коротко ответила она, и в её голосе на мгновение прорезалась сталь. — Я была совсем маленькой. Четыре года. Набег. Племенные распри.

— А дедушка?

— После смерти бабушки он не смог здесь оставаться. Уехал обратно на родину прадеда, в Мбанза-Нгунгу.

— И ты... — Лео чуть сжал её пальцы, притягивая её ещё на миллиметр ближе. — Ты уехала с ним?

Имани замерла. В её взгляде пробежала тень — тёмная, густая, полная скрытого напряжения.

— Нет, — тихо ответила она. — Я тогда осталась. С мужем.

Лео застыл.

Воздух в груди спёрло. Слово «муж» ударило по мозгам гулким, резонирующим эхом. Он с немим изумлением уставился на неё, чувствуя, как реальность уходит из-под ног.

Имани не отвела взгляд. Напротив — она крепко, до хруста в суставах, сжала его руку, накрывая браслет.

— Илунга мой муж, Лео, — произнесла она чётко. Без тени стыда, но с какой-то затаённой, дикой тоской в голосе.

Пауза затянулась. Лео нужно было время. Секунды текли, как густая смола. Он смотрел на её лицо, на эти точёные скулы, на тёмные губы, ощущал вес её тела на своих коленях и пытался связать воедино сурового партизана с автоматом и эту женщину, от которой у него сносило крышу.

«Между нами бумага и медное кольцо на гвозде... Илунга пил виски и знал. Знал с самого начала».

— Но... — Лео откашлялся, голос прозвучал глухо. — Но почему ты все-таки уехала? Ты же сама говорила... тогда, в Киншасе.

Имани опустила голову, её лоб на мгновение уткнулся в его плечо. Лео ощутил шелковистую жёсткость её волос.

— Лео. Все женщины в нашем роду были колдуньями. Хранительницами... Но когда прабабушка вышла замуж за чужака — за геолога... да ещё после того, что случилось в той пещере... — она тяжело вздохнула. — Наш род отвергли. Старейшины объявили нас предателями крови. Мы стали изгоями. Нам не было места ни среди своих, ни среди чужих. Я должна была уйти...

Шлепок шин по рыхлой глине и рык дизеля разорвали интимную тишину леса.

Имани мгновенно отстранилась — плавно, как кошка, поднявшись на ноги и поправив платье. Лео поднялся вслед за ней, всё ещё чувствуя запах её горячего дыхания.

Из приехавшего пикапа выскочил Реми Гайяр. Его лицо было бледным, волосы растрёпаны, а в руках он сжимал тяжёлый оранжевый контейнер.

— Гонзалес! Чёрт тебя дери, чувак! — завопил Реми, едва не спотыкаясь о корни. — Ты жив?! Мы думали, тебя наёмники из Southbridge уже на ремни порезали!

И, глядя на оружие, хмыкнул:

— Ты что, по дороге решил развязать небольшую войну?

С пассажирского сиденья степенно сошла Сара. В её руках был его ноутбук и массивный металлический кейс с маркировкой биозащиты.

— Заткнись, Реми, — отрезала Сара, но в её глазах читалось колоссальное облегчение. Она подошла к Лео, критически осмотрела его заторможенный вид и кивнула. — Твоя записка нас подкосила. Мы привезли всё, что смогли вынести: портативный секвенатор MinION, реактивы, защитные костюмы, твои файлы.

Сара опустила кейс на землю и скрестила руки на груди:

— А теперь объясни — что ты собираешься со всем этим делать? Ты написал, что у тебя образцы первоисточника?

— Лео, — перебил Реми, задыхаясь от возбуждения. — Ты не поверишь! Мы перепроверили того шахтёра — Мбула Бенгу. Он... он идёт на поправку! Температура спала, поражения печени регрессируют!

— А девочки? Те сёстры из Бата Колé?

— У них вообще нет следов вируса! Никаких! Мы трижды прогнали ПЦР! Мы думаем, мы ошиблись с первыми анализами...

— Мы не ошиблись, — тихо сказал Лео. — Вирус не ушёл. Он просто меняется.

Сара сузила глаза:

— Отдай образцы нам, Лео. Мы отвезём их в лабораторию госпиталя. Там стерильно, там оборудование, мы отправим геном в Женеву...

— Нет, — твёрдо отрезал Лео. — Госпиталь — первая мишень. Если ЧВК нагрянет — они заберут всё, а вас ликвидируют как свидетелей. Так будет безопаснее для всех. Образцы останутся у меня.

— И куда ты с ними пойдёшь?! — всплеснул руками Реми. — В джунгли? Жить в шалаше и проводить секвенирование с помощью солнечной энергии?!

Илунга, молча стоявший у крыла пикапа, сделал шаг вперёд. Его суровое лицо оставалось непроницаемым.

— В паре часов езды отсюда есть заброшенная бельгийская военная база, — спокойно произнёс он. — Мы её иногда используем. Там сухие бетонные бункеры. Есть кое-какие припасы, вода. И главное — там стоит рабочий дизель-генератор.

Имани медленно перевела взгляд на мужа. В её глазах проскользнуло нечто вроде молчаливого одобрения.

— Хорошо, — сказала она Илунге. — Отвези нас туда.

— Илунга, — Лео шагнул к нему. — Мне потребуется спутниковая связь. Starlink. Чтобы сбросить массив данных.

Партизан коротко кивнул:

— Я достану и привезу. Завтра утром, — и обращаясь к врачам сказал: — Мои ребята отвезут вас в лагерь.

Они попрощались.

— Удачи тебе, старик, — пожал руку Реми.

— Береги себя, Лео, — добавила Сара.

Партизаны начали быстро перегружать имущество. Ящики с реактивами, кейсы с биоматериалом, ноутбук — всё аккуратно укладывалось в кузов пикапа.

Когда всё было готово, Лео подошёл к дереву. На корнях лежали два израильских автомата Emtan MZ-4P и разгрузочные жилеты с боекомплектom, снятые с наёмников.

Лео с привычной, отработанной уверенностью — без суеты, с чётким металлическим лязгом — проверил затворы, отщёлкнул магазины, убеждаясь в наличии патронов, и легко закинул оружие и цинки в кузов пикапа.

Имани смотрела на него с немым непониманием. Для неё он был врачом, учёным, белым интеллигентом из Америки. А сейчас перед ней стоял человек, который обращался со штурмовыми винтовками так, будто родился с ними в руках.

Лео посмотрел на неё и промолчал.

Она повернула голову к Илунге.

Партизан встретил взгляд жены. На его спокойном лице не отразилось ни тени удивления. Илунга лишь молча, едва заметно кивнул ей. Он знал, как двигаются люди, умеющие убивать. И он уже понял, что Лео Гонзалес был одним из них.

— Пора, — сказал Илунга.

Лео первым запрыгнул в кузов, протянув руку Имани. Она вложила свою ладонь в его пальцы, ощущая, как его хватка на мгновение сжалась чуть сильнее, чем требовала приличность.

Двигатель взревел. Пикап рванул с места, вгрызаясь протекторами в бурую глину, и быстро скрылся в густой, кромешной зелени джунглей Катанги.

Старый «Хайлюкс» шёл по отработанной колее тяжело, с рыком, вгрызаясь протекторами в пластилиновую, жгучую глину. Ребристое металлическое днище кузова отдавало в суставы постоянной мелкой дрожью. Дизельный двигатель крутил вал на пределе, и эта низкая, утробная вибрация — под восемьсот оборотов в минуту — странным, почти inferнальным образом проникала сквозь подошвы ботинок, поднималась по берцовым костям и ложилась точнейшим резонансом на ритм утихшего «второго сердца».

Лео сидел, прижавшись лопатками к раскалённому борту. Его правая рука покоилась на колене, и в месте, где тёмная медь касалась кожи, разворачивалась тихая, непрерывная химическая реакция. Браслет Имани всё ещё реагировал на лихорадочный пот, на впитанную метаболизмом воду и на сухую гарь джунглей. Металл не просто грелся — он отдавал в плоть ровную, плотную, почти электрическую пульсацию. Под нижним краем меди на бледном, истончённом запястье Лео проступил въедливый, малахитово-зелёный след —

ярь-медянка, въедающаяся прямо в поры. Эта хрупкая, химическая «татуировка» пахла остро и въедливо: старой медно-никелевой монетой, мокрой речной галькой и кислой, окислённой кровью. Кожа под браслетом слегка зудела, но этот зуд не нёс боли — он казался швом, удерживающим чужеродную ткань в его организме от распада.

На крутом подъёме, где переплетённые корни фикуса образовали естественную лестницу, пикап на секунду заглох. Илунга выжал сцепление, заставив машину замереть в скользком наклоне, и обернулся через открытое заднее стекло кабины.

В кузове висела полная тишина, нарушаемая только треском цикад.

Взгляд партизана — выцветший, сухой, прожигающий — скользнул по Имани, чья рука всё ещё покоилась на бедре Лео, а затем медленно перевёлся на самого доктора. Лео не отвёл глаз. Он продолжал держать один из отбитых Emtan MZ-4P на коленях: предохранитель снят, палец не на спусковом крючке, а аккуратно вытянут вдоль спусковой скобы, ствол смотрит строго в сторону борта, под угол в сорок пять градусов.

Илунга посмотрел на эти пальцы. На привычный, профессиональный хват. На то, как естественным образом распределён вес разгрузочного жилета у ног Лео.

В чёрных, налитых усталостью глазах партизана не вспыхнула ни ревность, ни злоба. В них проступило глубокое, молчаливое понимание. В этом месте, где граница между жизнью и мгновенным небытием истончилась до толщины сухой каучуковой листа, все условности — бумага в Киншасе, медный обруч на гвозде, племенные табу — теряли весомость перед простым фактом: перед ним был не врач, скулящий от страха, а мужчина, которого выбрала она.

Илунга медленно полез в карман выцветшего камуфляжа, вытащил плоскую жестянку из-под английского табака и, не произнося ни слова, бросил её через окно прямо в кузов. Жестянка с сухим металлическим тоном упала на дно рядом с ботинком Лео. Внутри лежали три скрученных вручную, подсушенных листа дикого лесного табака.

Лео молча кивнул, коротко и едва заметно, наклонив голову. Илунга в ответ лишь чуть сжал губы, выбил первой передачей рычаг и нажал на газ. Пикап взревел, выплёвывая из-под задних колёс веер жидкой рыжей глины, и снова рванул сквозь смыкающуюся зелёную стену.

Глава четырнадцатая. Симфония распада

Утро началось с медленного, вязкого выныривания из той глухой, блаженной глубины, где не существует ни имён, ни временных отрезков, ни зафиксированных в журналах диагнозов.

Он проснулся от запаха. Не от звука, не от шуршания ветвей за осыпавшейся кладкой — от запаха. Густого, тёмного, пропитанного костусом, ночным жасмином, гниющей древесной корой и чем-то ещё — едва уловимым, тёплым, солёным, кровавым, — той самой магической парфюмерией живого тела, которую выделяла кожа Имани, когда она спала.

Лео лежал на боку на узкой армейской койке, зажатый между двумя горячими плоскостями — шершавым солдатским одеялом и её дыханием. Он дышал этим воздухом медленно, жадно, глубоко, словно человек, долго пробывший под водой и наконец дорвавшийся до поверхности. Бетонный свод старого бельгийского бункера, покрытый пятнами селитры, лишайника и ржавыми потёками полувековой давности, медленно проявлялся сквозь предрассветную синеву.

На его груди, прижавшись влажной щекой к ключице, покоилась рука Имани. Её левая ладонь лежала на его рёбрах — чуть согнутая, тёплая, с плотно сжатыми пальцами. Медный бабушкин браслет на её запястье тускло поблёскивал в серой мгле.

Прошедшая ночь не просто случилась — она заполнила собой всё пространство, вытеснив из памяти прошлые жизни. Это была их вторая ночь, но первой — той, полупризрачной, пьяной, в Киншасе — будто и не бывало. Тогда осталась лишь тень на зеркале да запах на измятой подушке. Теперь же границы их тел расплавились в конголезской духоте, растворились в невидимом, первобытном пространстве.

Лео помнил её наплывами, вспышками: шершавую ткань, солоноватый вкус её кожи у основания шеи, как её длинные, сильные пальцы впивались в его плечи, и как её шёпот на незнакомом языке срывался на низкий, горловой стон. Но главным было другое. Там, в абсолютной темноте, когда их дыхание слилось в один прерывистый гул, Лео физически ощутил, как исчезло его проклятое двойное сердцебиение. Чужеродный, гидравлический, чудовищный ритм органа-симбиота затих, подчинившись ровному, бешеному, чистому пульсу Имани. Казалось, они стали единым механизмом. Одной кровеносной системой на двоих, замкнутой через раскалённый металл двух медных браслетов. Одно дыхание. Одно сердце на двоих — совсем как в ту самую ночь слепоты, когда весь внешний мир сократился до точки соприкосновения двух тел.

Это было лучше любого медицинского заключения, выше любой генной расшифровки. Лео лежал в полумраке, он слушал её ровный вдох и впервые за долгие месяцы чувствовал не страх пред вырождением, а покой. Физический, костный покой человека, чья плоть наконец-то перестала быть полем боя и стала домом.

Около десяти часов утра сухую тишину леса разорвал надрывный, кашляющий рык старого дизеля.

Заброшенная база бельгийских парашютистов была совсем крошечной — всего два приземистых бетонных блока, вросших в холм, да небольшой плац, который джунгли давно взломали и пережевали мощными, узловатыми корнями фикусов. Лианы сплетались над крышами плотным зелёным шатром, делая это место совершенно невидимым для авиации и спутников.

Из вынырнувшего из зарослей измятого бежевого «Паджеро» выбрался Касонго — один из доверенных людей Илунги. Это был жилистый, выжженный солнцем конголезец с быстрыми глазами и не расстающийся с самокруткой из местного табака.

— Илунга приветствует, — лаконично бросил Касонго, сплёвывая сухую травинку и с грохотом откидывая задний борт джипа.

Воздух мгновенно наполнился суетой выгрузки. Касонго вытащил две пятидесятилитровые канистры с солядкой, мешки с ямсом, диким чесноком и зелёными бананами, а затем выудил завернутый в свежие банановые листья крупный, ещё сочащийся тёмной кровью кусок свежей антилопы.

— Наёмники из Southbridge пока в деревню не спускались, — проговорил он, вытирая вспотевшую шею замасленной ветошью. — Стягивают патрули к основному периметру рудника. Чего-то ждут. Или кого-то отслеживают в горах. Илунга велел вам сидеть глухо и на открытые поляны не выходить.

Из глубины салона он извлёк белое квадратное зеркало антенны Starlink, роутер в защитном кейсе, бухту кабеля и объёмную тканевую сумку.

— Одежда. Что нашлось на базаре в Ликаси, — Касонго кивнул Имани, которая подхватила пакеты с едой. — А солядка для генератора. Он в заднем пристрое, я недавно проверял масло. Заведётся с пол-оборота. Если что — Илунга проверяет почту раз в день. Пароль на сеть он передал: Kolwezi-1960.

Через пять минут пикапа развернулся на узкой колее и исчез, оставив после себя лишь сизый дым выхлопа, который тут же жадно всосала в себя дождливая стена джунглей.

Они разделили обязанности без лишних слов. Имани зашла в главный блок, где сохранилась старая чугунная печь и закопчённая каменная раковина, чтобы разложить продукты. Лео занялся связью и обустройством лаборатории.

Он втащил антенну Starlink на плоскую крышу бункера, замаскированную свисающими лианами, направил тарелку на юго-запад и протянул кабель вниз. Индикатор мигнул изумрудным светом — канал был чист и стабилен.

Закончив с проводами, Лео остановился в дверном проёме кухни и замер, опершись о шершавый косяк.

Имани стояла спиной к нему. Она уже успела переодеться в привезённые Касонго вещи — простые, слегка потёртые джинсы и мужскую хлопковую рубашку защитного цвета, рукава которой были небрежно закатаны по локоть. Она ловко, точными движениями нарезала мясо широким ножом на деревянном бруске. В воздухе уже плыл густой, уютный аромат жарящегося чеснока, пальмового масла и раскалённого железа.

Лео смотрел на неё с внезапным, щемящим чувством в груди. Всё это время — от мрачного бара в Киншасе до вчерашнего костра — он видел в ней загадочную фаталистку, роковую женщину из городских легенд, неприступную колдунью, хранительницу древнего и опасного рода. Он искал в ней символ, миф, биологическую загадку.

А сейчас перед ним стояла просто женщина. Живая, земная, современная двадцатитрёхлетняя женщина. Она сдувала выбившуюся прядь волос со лба тыльной стороной ладони, слегка хмурилась, проверяя тягу в поддувале печи, и вполголоса тихо напевала какую-то старую американскую поп-песню, услышанную, видимо, по радио в Киншасе.

...Just how your love can do what no one else can...

В этой её бытовой обыденности, в этом простом, домашнем движении рук с ножом и доской таилась такая хрупкая, пронзительная красота, что Лео на секунду забыл, где они находятся. Ему безумно захотелось подойти сзади, обнять её за талию, уткнуться лицом в шею и никогда больше не выходить из этого затерянного в Конго бетонного квадрата.

Она обернулась, поймала его взгляд и чуть улыбнулась — просто, тепло, без шаманской тайны, как улыбаются люди, которые устали вместе с тобой и разделяют этот покой.

— Скоро будет готово, — сказала она. — Иди занимайся своими приборами.

Для лаборатории Лео выбрал отдельное, самое дальнее помещение во втором блоке — бывший бельгийский командный пункт. Глухая комната без окон, с толстыми железобетонными стенами, где пахло затхлой сыростью и сухой известью.

Он вынес оттуда труху сгнившей мебели, протёр длинный дубовый стол, расставил портативный секвенатор MinION, контейнеры с образцами, микроскоп и реагенты. Подключил ноутбук к сети. Работа успокаивала. Механические, привычные действия врача-эпидемиолога возвращали ему чувство контроля над собственной жизнью.

После двух часов дня зной стал невыносимым. Лес за стенами словно вымер, оглушённый сухим, звенящим жаром.

Лео сидел за столом, вглядываясь в монитор. И тут это вернулось.

Сначала на правом запястье поползли мурашки. Медный обруч начал стремительно терять тепло, превращаясь в обруч из твёрдого, пронзительного льда. Затем этот холод рухнул глубоко внутрь — в вены, в суставы, в костный мозг. Лео дёрнулся, его челюсти самопроизвольно сжались с сухим треском. Второе сердце за грудиной проснулось мгновенно, без раскачки, ударив с такой дикой, гидравлической силой, что в глазах всё поплыло тёмными кругами.

Озноб был выворачивающим, поглощающим. Лео попытался встать, но ноги не держали.

Где? — билась в его раскалённом мозге единственная яростная мысль. — Где я подцепил это? Где произошёл сбой?

Вспышки воспоминаний начали кружиться перед глазами, распадаясь на мозаику.

В бараке? В лаборатории? В тот день, когда он спешно, сорванными от нервов пальцами центрифугировал неразбавленную сыворотку крови Мориса и шахтёра Бенги, и едва заметная микрокапля аэрозоля вырвалась из-под крышки пробирки, въевшись в слизистую?

Или... или у того проклятого провала в штольню?

И Лео увидел это. Нет. Не себя. Других.

Вечер, ржавое солнце Верхней Катанги, рваный зев брошенной шахты. Древний, заброшенный штрек, из которого вырвался плотный, чёрный туман — тысячи гигантских листоносых летучих мышей. Они неслись сплошным шуршащим потоком, сбивая с ног, бьась о грязные, красные лица кожаными крыльями. Запах — смесь гуано, озона, сладкого и тяжёлого, пурпурного пара, поднимавшегося из глубин радиоактивного разлома. Они все дышали этой пылью. Все.

Лео с трудом дотащился до двери. Врезной замок давно осыпался трухой. Дрожащими, наливающимися свинцом руками он схватил тяжёлый металлический табурет и с силой вбил его спинку под дверную ручку, намертво подпирая створку.

Он вернулся к столу, зубами размотал пластиковую упаковку шприца. Жгут на предплечье. Игла легко вошла в набухшую тёмную вену.

В прозрачный цилиндр хлынула кровь. Она была чудовищно густой, почти чёрной, с гранатовым опаловым отливом на свету лампы.

Лео зарядил картридж в анализатор, капнул реагент и запустил протокол.

Время превратилось в густой кисель. Мышцы скручивало так, словно их выжимали невидимые щипцы. Воздух казался состоящим из стеклянной крошки. Лео сидел на полу, прижавшись лбом к холодному краю дубового стола,

и слушал, как гудение MinION сливается с хаотичным, рассинхронизированным стуком двух сердец в собственной груди.

Экран мигнул. Графики выстроились в ряд.

Лео сфокусировал мутный взгляд на мониторе.

Вирус не просто жил в нём. РНК-последовательность совершила новый скачок. Геном снова перестроился. У девочек из деревни Бата-Колé вирус засыпал, растворяясь в тканях без следа. Но в организме Лео — под воздействием радиации, подстёгнутый адской смесью адреналина и его собственной аномальной анатомии — штамм вёл себя беспощадно. Он форсировал слияние. Вирус массово замещал эритроциты кристаллоподобными перламутровыми структурами. Его тело перегорало заживо, пытаясь переварить эту биологическую трансмутацию.

Он поднёс дозиметр к своей левой руке. Прибор защёлкал частой, тревожной дробью. Стрелка замерла на отметке в 140 микрорентген в час. Его собственная кровь излучала радиацию.

Стук в дверь.

Деревянный массив содрогнулся.

— Лео? — голос Имани прозвучал глухо, но в нём уже звенела натянутая струна. Она почувствовала. Через стены, через землю, через вибрирующий металл браслета на своём запястье.

— Не... не входи! — выкрикнул Лео, но из спалённых жаром лёгких вырвался только слабый, надсадный сип.

— Лео, открой! Что с тобой?!

Ручка отчаянно задёргалась. Металлический табурет протяжно заскрипел по бетону.

— Имани, нет... Уходи! — Лео попытался подняться, но рухнул на колени, задев локтем стойку с пробирками. Стекло со звоном разлетелось по полу. — Это опасно. Я... я заражён...

В его мутящемся разуме, охваченном лихорадочным бредом, билась одна паническая мысль: он стал биологической бомбой. Если процесс распада вырвется наружу, он убьёт её одним своим дыханием, своей кровью, своим тёплым потом.

Он пополз по полу. В углу комнаты, прислонённый к бетону, стоял один из трофейных карабинов. Лео судорожно вцепился в холодный пластиковый приклад, подтягивая оружие к себе, словно этот кусок стали мог защитить мир от него самого.

Удар!

Дверная створка выгнулась, как будто в неё ударила вся тяжесть окружающих джунглей. Табурет со скрежетом поехал в сторону.

Ещё удар!

Старая петля с треском лопнула, и дверь с грохотом распахнулась настежь.

На пороге стояла Имани. В косых лучах закатного солнца, лившегося из коридора, её глаза казались двумя чашами, налитыми расплавленным янтарём. Она увидела его — стоящего на коленях в груде разбитого стекла, покрытого ледяной испариной, бледного, ссутулившегося над автоматом.

— Не подходи! — прохрипел Лео, судорожно вскидывая карабин и направляя ствол в пол перед её ногами. Пальцы дрожали на спусковом крючке. — Уходи, Имани! Прочь! Кровь... внутри меня всё рушится!

Имани не остановилась. Она даже не взглянула на оружие. Для неё этот израильский автомат был лишь мёртвой, бессмысленной железякой.

Она сделала три плавных, неторопливых шага и опустилась на колени прямо перед ним.

— *Kanga motema te...* — прошептала она.

Голос её ушёл в самый низкий регистр, превратившись в вибрирующий, утробный ритм.

— *Kanga motema te... Kobanga te, nzela eza... Le nzela nionso...*

Лингала. Древний, округлый язык, пропитанных дождями лесов полился из её губ. Лео не знал слов, но их смысл впечатывался прямо в его кости, в его разрывающееся второе сердце: *Не закрывай сердце. Не бойся. Путь открыт. Иди до конца.*

Её тёплые, сильные ладони легли на его заходившиеся в трясучке руки. Одно мягкое, но непреклонное движение — и она просто вытянула карабин из его обессилевших пальцев, отбросив тяжёлое оружие в сторону.

Лео попытался отстраниться, но её горячие ладони обхватили его мокрое от пота лицо.

— Смотри на меня, — прошептала она, переходя на французский, но сохраняя тот же гипнотический, шаманский ритм. — Смотри только на меня, белый доктор.

Она начала расстёгивать его камуфляжную рубашку. Пальцы быстро скользили по пуговицам, обнажая грудь, где под кожей отчётливо вздулись твёрдые, болезненные узлы.

Транс накрыл его мгновенно.

Серо-бетонные стены лаборатории вдруг поплыли, пошли зыбкими волнами и начали таять в душном зелёном мареве. Гудение секвенатора на

столе превратилось в рокот миллиона цикад и шелест огромных кожистых крыльев под сводами деревьев.

Лео больше не чувствовал твёрдого пола под ногами. Имани стянула с него промокшую рубашку, её прохладные руки обвили его торс. От каждого её прикосновения бугристые узлы на его рёбрах таяли, отступали, отдавая тупую боль. Второе сердце замерло на мгновение — и снова пошло в такт с её пульсом.

Она подняла его на ноги, и он повиновался, абсолютно лишённый собственной воли, растворённый в её силе.

Ему казалось — или это происходило на самом деле? — что они вышли из бункера. Влажные лианы ласкали его голые плечи. Прохладная, мокрая земля пружинила под босыми ногами. В нос ударил сокрушительный, сладкий запах цветущих гигантских деревьев, преющей древесины и той самой багровой, радиоактивной влаги из глубинных штреков всех местных шахт.

Имани вела его за собой за руку. Её обнажённая спина скользила впереди, мерцая в свете невидимой луны. Она уводила его всё глубже в зелёную утробу ночных джунглей — туда, где не существовало ни вирусов, ни корпораций, ни военных наёмников, ни страха перед смертью. Туда, где дышала сама земля, принимая их обоих в своё тёмное, пульсирующее, бесконечное лоно.

Лео закрыл глаза. И перед ними, в крошечной темноте, на внутренней стороне век, проступили спирали. Тёмные, пульсирующие, вращающиеся... Спирали набирали скорость. Сужались. Сжимались. И Лео ушёл.

Глава пятнадцатая. Лео

Боль началась с распада геометрии.

Стены бункера теряли прямые углы, потекли, как серый нагретый воск, закапали густым цементным соком на расплавленный пол, и в этой вязкой, бесформенной духоте, на самом дне плавящегося мироздания, осталась только она. Имани.

Она была над ним. И в нём. И под его кожей — там, в узком, горячем пространстве между эпидермисом и фасцией, где нервные окончания превращаются в оголённые, хлещущие провода. Тяжёлая, гладкая, мокрая от ядовитой испарины, пахнущая лесом, землёй, диким мёдом и карамельной гарью собственной крови Лео, нагретой изнутри до температуры кипения. Она не просто вжимала его в жёсткую пальмовую циновку — она прорастала в него, нащупывая корни среди его рёбер.

Лео запрокинул голову, когда её губы коснулись ключицы. А затем её зубы разошлись и вонзились в его плоть. Это не был укус зверя и не был поцелуй любовницы — это был хирургический, ритуальный прокол. Вскрытие человеческой оболочки.

Он закричал — беззвучно, выгибаясь дугой, отрывая лопатки от пола, — когда её ногти, твёрдые и длинные, как скальпели из чёрного обсидиана, прочертили по его груди четыре глубокие борозды. Кожа не просто рвалась — она раскрывалась. Как раскрывается от зноя переспевший плод. Как распускается бутон ночного цветка. Без хруста, без разрыва — тихо, влажно, неотвратно. Из разрезов хлынула кровь — сначала густая, тёмная, гранатовая, с характерным удушливым запахом ферментов.

Но кровь Лео не пачкала её бёдра. Она вырывалась наружу бурыми канатами, которые прямо на лету меняли свою природу. Гемоглобин превращался в хлорофилл, плазма — в густой растительный сок, эритроциты — в крошечные, копошащиеся почки. Мокрыми, пульсирующими лианами его собственная венозная система расплзалась по рёбрам, пуская отростки, присоски и усы. Из его открытой груди росли настоящие сочные стебли с яркими, изумрудными листьями, пахнущими прелой древесиной и тропическим дождём. Эти корневища обвивали запястья Имани, тянулись к исчезающему потолку, распускаясь чёрными, радиоактивными бутонами и белыми, пахнущими гарденией цветами.

— *Ne tanga motema...* — шептала она ему прямо в обнажённую ключицу. Голос был глубоким, гортанным, вибрирующим в её грудной клетке и передававшимся в его кости сквозь сплетение плоти. — Не закрывай сердце...

А те капли крови, что скатываясь вниз, превращаясь в нектар, вдруг натыкались на тьму и меняли цвет. Она становилась абсолютно чёрной, как киноварь из подземных штолен Катанги. И из каждой чёрной капли с нежным, телесным хлопком вылуплялись тени.

Лео почувствовал, как его венозные каналы наполняются тяжестью излучающего уранинита — такой же смолки, как та, что в сороковых годах в плетёных корзинах выносили на горбу полуголые безымянные шахтёры Шинколобве, чтобы позже она испепелила Хиросиму и Нагасаки. Его костный мозг стал ураном-238, медленно, с периодом полураспада в миллиарды лет, сползающим сквозь радий и полоний к стабильному, мёртвому свинцу-206. Радионуклидный распад испускал альфа-частицы прямо в его мысли.

Он проваливался сквозь пласты докембрийских сланцев, сквозь доломиты и медные жилы, касаясь затылком окаменевших костей первых гоминид, когда-то выпрямивших спину на этом плато. Казалось, сам вектор эволюции закольцевался: вирус не нёс гибель, он возвращал его плоть к изначальной пра-материи, к той доисторической супе, в которой атом урана впервые встретился с первой органической молекулой...

Тени. Они росли. Они дрожали и лопались.

Летучие мыши.

Огромные, слепые, покрытые сукровицей крыланы вылуплялись прямо из его разодранных вен, как птенцы из скорлупы: мокрые, судорожно хлопающие недоразвитыми перепонками. Через мгновение их кожистые крылья расправлялись, и твари с мерзким, пронзительным писком взмывали вверх, и вниз, облепляя тело Лео шуршащей, живой мантией, превращая его в собственное гнездо. Они били его по векам, по губам, утыкались тупыми серыми мордами ему в шею и уголки рта, цепляясь когтями за мясо, выпивая его страх. Они целовали его сотнями слепых, дрожащих ртов.

Хлоп-хлоп-хлоп.

Звук кожистых крыльев нарастал, ритмизировался и сбивался, пока не превратился в сухой треск старого кинопроектора.

Стрекотание плёнки. Пыльный, прокуренный луч света, прорезающий мрак кинотеатра «Сан-Мартин» в Бостоне. Зима.

Лео семнадцать. Он сидит в прохладном, продавленном бархатном кресле предпоследнего ряда. Отца рядом уже нет — отец остался дома, у плиты, молча уставившись в латунную турку и смотря на снег, который не касался земли. Место слева от Лео пусто, как зияющая дыра в его собственной грудной клетке.

На экране Алан Паркер убивал человеческую душу. «Сердце ангела». Микки Рурк шёл по Новому Орлеану, среди стоячей воды, дохлых кур и грязи. Музыка текла тягучая, как патока. Потолочный вентилятор на экране крутился, нарезая воздух на ломти. Лео смотрел на экран, но целлулоид плавился, и там, в жутком сепия-мороке, он видел не Гарри Эйнджела. Он видел себя. Свои потерянные глаза, уверенные в том, что они расследуют чужое преступление, — и не знающие, что зло уже внутри, уже в крови, уже на четырнадцатой странице отчёта CONADEP.

А напротив, в луже жертвенной плазмы, танцевала Эпифани Праудфут. Тёмная кожа, белое платье, жажда, плоть. Лиза Боне смотрела с экрана и улыбалась — и это была улыбка Имани из бара в Киншасе.

Но плёнка дёрнулась, соскочила с бобины, кадр перевернулся и роли поменялись. Неожиданно, как в испорченной проекции. Теперь Имани была Гарри — с ножом в кармане, идущим по тёмным улицам. А Лео был Эпифани — привязанной к кровавой постели, мягкой, тёмной, открытой, задыхающейся от ужаса. А сверху на него, глазами Луиса Сайфера, смотрела она, очищая варёное яйцо своими длинными чёрными пальцами, пожирая его душу кусок за куском.

— Я знаю, кто ты, — шептала она с экрана, и звук шуршал в его собственных ушных раковинах.

Камера на экране приблизилась вплотную к затылкам зрителей. Лео оглянулся. В последнем ряду, через два кресла от него, сидел его дед — Эктор Гонзалес Эррера. Сухое лицо, тонкие белые губы. Глаза — две холодные, стеклянные пуговицы, вшитые в морщинистую кожу. Дед не шевелился, но его слова звучали прямо в мозжечке Лео, перекрывая стрёкот плёнки:

— Если не сделаешь это ты, Лео, то это сделают с тобой.

Стрёкот кинопроектора «Сан-Мартин» сливался с треском дозиметра в бараке, а тот, в свою очередь, перетекал в сухой, ритмичный стук печатной машинки *Olivetti*, на которой в Буэнос-Айресе в семидесятых составлялись списки *desaparecidos* — без вести пропавших.

Клац-клац-клац. Дзинь. Вжжжух.

Каждая буквенная литера, вбиваемая дедом в плотную бумагу, отзывалась выстрелами на «Ферме» и закипанием медно-кобальтовой эмульсии в его печени. Язык потерял способность различать вкус и звук: свинец мишени пах свежим персиковым парфюмом Шарлотты, а её предательский шёпот имел колориметрическую плотность растворённого в азотной кислоте тория. Все имена, которые он знал, которые помнил — Гарри, Эпифани, Луис, Саймон — просеивались сквозь пальцы Имани, как мелкий сухой песок со дна пересохшей реки Конго...

Её ногти снова вонзились в его спину, сдирая с него кожу вместе с бостонскими воспоминаниями. Острые, точные, неумолимые, они прочертили пути от лопаток до самых рёбер.

Запах старого кинотеатра сменился тошнотворно-сладкой вонью пролитого пива *Budweiser*, дешёвой марихуаны, опадающих осенних листьев Кембриджа и персикового парфюма.

Остин. Или Кембридж. Первый курс. Лео девятнадцать, он тяжело, пьяно шагал по деревянной лестнице студенческого дома, держась за липкие перила. Бас из динамиков на первом этаже бил в грудь тупо и ритмично — в точности как второе сердце, которое ещё не успело вырасти, но уже отбрасывало тень. В его горле стояло горячее предчувствие катастрофы. Он шёл за своим будущим. За Шарлоттой. Ее имя он носил на кончике языка последние три месяца: белая кожа, светлые волосы, карие глаза, первый поцелуй между стеллажами с книгами по молекулярной биологии.

Комната на втором этаже. Дверь приоткрыта.

Лео толкнул её.

Шарлотта была на кровати. Над ней тяжело, животно и ритмично двигался Саймон — широкоплечий ублюдок из команды по лакроссу. Их тела сплетались, как извивающиеся лианы в его собственной груди. Лео стоял в дверном проёме, парализованный видом потной, чужой работы. Он слышал влажные шлепки

плоти, видел, как бледные пальцы Шарлотты впиваются в чужую веснушчатую спину.

Она повернула голову. Её глаза — пустые, стеклянные — встретились с его взглядом.

— Лео... — выдохнула она, но голос принадлежал не ей. Это был голос Имани: — Не бойся...

А Саймон медленно повернул к нему лицо. И под рыжей шевелюрой Лео увидел сухое, пергаментное лицо деда. Ледяные пуговицы глаз смотрели с мёртвым прищуром:

— Мир — это скотобойня, Лео. Если не сделаешь это ты...

Удар! Хлёсткие шлепки тел мгновенно превратились в плотный грохот выстрелов.

Так-так-так.

Запах пива и предательства выжгло резким, серным ароматом кордита и мокрой вирджинской сосны.

«Ферма». Густой, молочный туман полигона Кэмп-Пири. Лео лежал в жидкой грязи стрелкового коридора, сжимая в мокрых пальцах воронёный металл винтовки. Ему двадцать два. Приклад вбит в плечо.

— Перенос огня! Двойной в корпус, один в голову! — сухой, безжалостный голос отца бил по барабанным перепонкам большее отдачи. В нём не было ни злобы, ни любви — только холодная геометрия ликвидации. — Считай до трёх! На «три» — спуск! Не думай, Лео! Цель — это просто мясо и физика!

Лео нажимал на спуск. Раз. Два. Три. Фанерный силуэт вдалеке дёрнулся и осел.

А сбоку, в тени сизой вирджинской сосны, на складном стуле сидел дед Эктор. В безупречном плаще, с тростью, набалдашник которой блестел в тумане.

— Убивай первым, Лео, — шелестел старик, и звук его голоса глушил рёв автоматов. — Убивай до того, как они откроют рот. Сделай им больно, прежде чем они доберутся до твоей кожи.

Очередная мишень на рельсах выскочила из тумана. Лео вскинул ствол, палец сам надавил на железо, но мишень вдруг обрела объём. Это была не резина и не фанера. Это была Имани. Или Шарлотта. Или он сам — в светло-сером костюме полевого врача.

Лео закричал, пытаясь сорвать палец со спуска, но судорога свела кисть. Винтовка билась в его руках, выплёвывая пулю за пулей в знакомое тело. Но вместо крови из пробитой груди мишени вырывались всё те же чёрные летучие

мышы. Они неслись по траектории пульь обратно — прямо на Лео, врезаясь в его лицо, забивая рот, ноздри и уши мокрыми перепонками.

Лианы прорастали из-под земли Вирджинии, ломая трость деда, обвивая ноги отца, утягивая их обоих в гниющую, радиоактивную почву Верхней Катанги. Лео задыхался, кашлял, и из его собственного горла вместе с воздухом вылетали крошечные, дрожащие крылатые тени.

Имани лежала на нём.

Её тело — упругое, раскалённое, пропитанное потом — полностью прижало его к циновке. Её губы вонзились в его губы, язык — тёплый, шершавый, сильный — проходил по его нёбу, по его рёбрам, вылизывая вытекающую кровь. Боль от её зубов была такой ослепительной, что она разрушила сам концепт страдания, превратившись в звенящий, чудовищный экстаз.

Имани выпивала его прошлое — трусливую Шарлотту, холодного отца, мёртвого деда с его стеклянными глазами, запах старого кинотеатра и пороховую гарь «Фермы». Она пережёвывала его страхи, заменяя их своей тёмной, хтонической сутью.

Лео почувствовал, как в самом центре этого оргазма распада два его сердца — человеческое и вирусное — перестали биться неврапад. Второму сердцу больше не нужно было нарастать узелком под кожей. Оно не остановилось — оно растворилось, перелившись в первое. Они слились воедино. Два пульса ковались в один синхронный, невероятный поршень.

Единый удар.

Он был таким мощным, что фанера мишеней, плёнка Паркера, вирджинский туман и бетонные стены бункера разлетелись в пыль.

Резкий, глубокий вдох.

Тишина обрушилась на него, как опустившаяся на воду плита.

Ни крыланов. Ни лиан. Ни выстрелов.

Лео открыл глаза.

Свет, пробивающийся сквозь разошедшиеся щели в досках окна, был уже не утренним, а густым, янтарным, послеполуденным. Потолок — низкий, бетонный, со знакомыми пятнами селитры и трещиной, по которой полз маленький паук. Запах — сухой, чистый, с едва уловимой ноткой обугленного дерева и свежего кофе.

Он лежал на полу, на жёсткой циновке из пальмового волокна.

Он был абсолютно наг.

Лео медленно сел. Головокружения не было. Тошнота, ломота в суставах, ощущение стеклянной крошки в лёгких — всё исчезло. Тело ощущалось

удивительно цельным, налитым густой, звенящей, но абсолютно послушной силой.

Он опустил взгляд на свою грудь. Руки инстинктивно пробежали по рёбрам, ожидая нащупать рваные раны, вырванное мясо или гибкие стебли.

Крови не было. Лиан не было.

Но кожа была отмечена. На ключицах, на плечах, вдоль рёбер — там, где в его бреду вырывались лианы и вонзались зубы, — алели едва заметные, нежные розоватые полумесяцы. Следы ногтей. Лёгкие, поверхностные отпечатки укусов. Они не кровоточили, они пульсировали тупым, ласковым теплом — как физическое доказательство того, что её прикосновения были реальны, пока его разум летал над безднами. Плотные перламутровые узелки под кожей полностью рассосались.

Лео прижал пальцы к груди, замерев в ожидании.

Внутри мерно, глубоко и страшно, как двигатель океанского лайнера, бился единый, слитный пульс. Шестьдесят два удара в минуту. Без экстрасистол. Без гидравлических ударов. Без всего. Только сердце. Только пульс.

С улицы, сквозь разошедшуюся дверь, донеслись голоса. Звук доходил до него с кристаллической ясностью — будто бетонные стены истончились до папиросной бумаги.

— ...оно того стоило? — это был голос Илунги. Глухой, вибрирующий от еле сдерживаемого напряжения.

— Я сделала то, что должна была сделать, — голос Имани прозвучал ровно, как течение глубокой реки на равнине.

— Он чужак, Имани.

— Он теперь не чужак, Илунга.

Лео поднялся с циновки. Его мышцы перекачивались под кожей плавно, как у хищника после долгой спячки. В углу лежала его оливковая униформа наёмника. Он натянул брюки, застегнул рубашку. Ткань скользила по свежим следам на теле, вызывая лёгкое, волнующее покалывание. Затянув шнурки на высоких ботинках, он бросил взгляд на своё правое запястье.

Медный браслет был тёплым. Живым.

Лео толкнул массивную деревянную дверь и вышел из полумрака бункера в ослепительный, раскалённый свет конголезского дня.

Имани сидела в тени, у импровизированного стола, сделанного из старого пня. На ней были те же поношенные джинсы и мужская рубашка с закатанными рукавами. Волосы чуть сырые от пота, лицо усталое, но удивительно светлое. Она посмотрела на него так, как смотрят на человека,

вернувшегося из невероятно долгого пути: без лишних слов, с чистым узнаванием.

Рядом, у бетонной цистерны с водой, стоял Илунга, засунув руки в карманы. Его лицо оставалось непроницаемым, но в тяжёлом взгляде уже не было прежнего откровенного недоверия. Только фиксация факта: он выжил.

Земля под ботинками Лео казалась ему — впервые за все эти дни — не чужой. Глина не была врагом. Джунгли вокруг не были тюрьмой.

Он подошёл к Имани.

Она не стала ни обнимать его, ни задавать вопросов. Она просто взяла с торчащего рядом пня эмалированную кружку и протянула ему.

Кофе. Чёрный, густой, с бархатистой горчинкой.

Лео взял кружку. Сделал глоток. Горечь обожгла язык, стекая в пищевод, заполняя остаточную пустоту в груди.

И в этой плотной горечи больше не было ни Бостона, ни «Фермы», ни Шарлотты, ни мёртвых глаз деда.

Была только эта земля. Только этот день. И только она.

Глава шестнадцатая. Траектория цели

Зной над базой стоял неподвижный, густой и вязкий, словно неотстоянное пальмовое масло, в котором тонули и крики птиц, и далёкий гул грузовиков с рудника Като-Томбе. Воздух был наполнен озоном, прелой банановой листвой и сырым цементом.

Илунга стоял у ржавой цистерны для дождевой воды, прислонившись плечом к шершавому железу. На его тёмных пальцах, привыкших к маслянистому холоду затворной рамы «калашникова», прилипла щепотка сухих табачных крошек. Он не сводил глаз с Имани.

Она сидела на перевёрнутом деревянном ящике из-под чехословацких гранат. Её нагота уже была скрыта простой хлопковой рубашкой, но на тонких ключицах и темной, гладкой коже шеи всё ещё чувствовались свежие, невидимые для его глаз, налитые кровью полумесяцы — отпечатки укусов и ногтей Лео. И от неё веяло тем едва уловимым, горьковатым запахом тропического леса и жжёного сахара, который Илунга помнил ещё по их первой совместной ночи в деревне у реки Луалаба — восемь лет назад, до того, как очередная война сожгла их дом, до того, как обычное право *droit coutumier* превратилось в бессильный шёпот стариков.

Илунга смотрел на неё не с мужской обидой и не с ревностью — в джунглях Катанги эти чувства выгорали первыми, уступая место чистому

инстинкту выживания. Он смотрел на неё как на пророчицу, которая только что принесла жертву богам, о чьих именах запрещено говорить вслух.

— Почему он? — спросил Илунга.

Голос его был приглушённым, низким, ровным, как удары деревянного песта по сухой кассаве. В нём звучал сухой прагматизм человека, оценивающего неожиданную брешь в обороне.

Имани не подняла головы. Её пальцы медленно поглаживали тонкий медный браслет на левом запястье — древнее плетение семьи её матери, где каждая засечка что-то значила.

— Наверное, только он может остановить всё это, — ответила она.

Разговор между ними всегда строился не из слов, а из пауз между ними. Из того, как шуршит листва под босой ногой, как смещается тень от пальмы, как замирает сердце перед первым выстрелом.

— Как? — Илунга скрестил руки на груди. Тёмные жилы на его предплечьях натянулись, как сухие лианы.

Имани на мгновение закрыла глаза. За её закрытыми веками всё ещё вращались бешеные целлулоидные бобины из его бреда, шумел бостонский снег и бились о стены бетонного бункера чёрные, вылупившиеся из его вен крыланы.

— Я не знаю, — тихо сказала она. — Но земля приняла его. А он принял её.

Тяжёлая деревянная дверь бункера, обшитая листами кровельного железа, с протяжным, сухим стоном отошла в сторону.

Илунга мгновенно повернул голову. Из дверного проёма на раскалённую глину двора шагнул Лео.

Партизан отточенным глазом отметил всё: исчезла та нервная, сутулая угловатость белого человека, который панически боится наступить на ядовитую змею или вдохнуть заражённый воздух. Лео ступал босыми ногами по горячей пыли уверенно, слитно, тяжело, будто вес его тела изменился, обретя новую плотность. Под расстёгнутой воротником камуфляжной рубашки на его груди виднелась розовая сеть свежих рубцов, а на правом запястье отсвечивала чистая, полированная медь.

Лео остановился, щурясь от слепящего тропического солнца. Имани поднялась с ящика, подошла к плоскому пню, на котором стоял закопчённый чайник, и налила в эмалированную кружку густой чёрный отвар.

— На, выпей, — сказала она, протягивая ему посуду.

Лео взял кружку. Пальцы его были тверды, ногти перестали синеть от гипоксии. Он сделал долгий, жадный глоток. Горькая, жгучая жидкость

прошлась по пищеводу, и на мгновение ему показалось, что он пьёт не робусту, а жидкую, расплавленную землю этого края. Что он не просто слышит шум джунглей — он ощущает вибрацию земли за сотни метров, словно его кровеносная система стала работать как низкочастотный сейсмограф.

— Сколько я был в отключке? — спросил Лео. Слова прозвучали непривычно глубоко, без прежней одышки.

— Почти два дня, — ответила Имани.

Лео вздрогнул. Кружка замерла у его губ. Двое суток. Двое суток вычи из календаря, из жизни, растворив их в бреду, где Алан Паркер нарезал свет в старом кинотеатре, а его собственная венозная система распускалась радиоактивными гардениями.

— И что... что это было? — Лео посмотрел Имани прямо в глаза, пытаясь зацепиться за понятную систему координат — за вирусологию, за иммуноферментный анализ, за шаманизм, за что угодно, что имело имя.

— Лео, подожди, — Имани мягко, но непреклонно поднесла ладонь к его груди, едва касаясь ткани рубашки. — Сейчас это не важно.

Она перевела строгий, требовательный взгляд на Илунгу.

Не тяни. Говори.

Илунга тяжело вздохнул, отлип от цистерны и подошёл ближе. Лицо его снова превратилось в застывшую маску из сухой Катангской глины.

— Мбул Бенга мёртв, — ровно сказал партизан.

Лео медленно опустил кружку.

— Шахтёр? Но Реми говорил... Сара писала в рапорте, что его состояние стабилизировалось. Динамика была положительной. Он ведь уже вставал?

— Выходил из палатки вчера во второй половине дня, — подтвердил Илунга. — Сам видел. Пил кассавовый отвар. Говорил с людьми. А сегодня ночью... Неожиданно умер. Просто истёк кровью. За десять минут.

Илунга сделал паузу, глядя куда-то поверх головы Лео, в густую зелень джунглей:

— Дежурный санитар выскочил из палатки в слезах. К утру от внутренних органов Бенги осталась только тёмная слизь. Вся койка была пропитана чёрной, не сворачивающейся жижей. У него кровь шла даже из-под ногтей.

Он сунул руку в боковой карман своего потёртого жилета и вытащил плотный файл формата А4, сложенный вчетверо. Документы слегка пропитались запахом оружейного масла и почему-то сушёного перца.

— Это просила передать тебе доктор Хейбрехтс.

Лео выхватил бумаги, мгновенно разворачивая их. Глаза профессионала бегло пробежали по первому листу: гематологические показатели, графики концентрации D-димера, результаты экспресс-ПЦР.

— А девочки? — Лео резко поднял голову. — Сёстры из деревни?

— С ними всё в порядке, — ответил Илунга. — Температуры нет, синяков нет. Но на всякий случай Хёйбрехтс переместила их в жёсткий карантин. В отдельный изоляционный бокс под замком.

Лео пробежал глазами по второму листу. Данные Сары были безупречны и ужасающи. Графики лизиса эритроцитов не описывались ни одной стандартной кривой.

Он медленно опустил бумаги. В его глазах, ещё недавно мутных от горячки, теперь стояла стылая, математическая ясность. Мозг, перестроенный вирусом, мгновенно переключился с биологической угрозы на тактическую.

— Что слышно с рудника? — спросил Лео, и голос его прозвучал отстранённо, как будто он был совсем в другом месте. — Наёмники Дианы. Они ищут нас?

Илунга усмехнулся — коротко, одними уголками глаз, не разжимая губ.

— Вчера в Бата Колé приезжал Драгош, — ответил партизан, и в его тоне скользнуло холодное презрение человека, чья земля переварила и не таких завоевателей. — На двух джипах. Пулемёты расчехлены, стволы смотрят в спины. Согнали старейшин к колодцу. Румын кричал, брызгал слюной, обещал сжечь посевы и пустить кровь, если деревня не выдаст американского доктора и... — Илунга скосил глаза на Имани, — ведьму.

Имани никак не отреагировала на это слово, только её пальцы чуть сильнее сжали медный браслет.

— И что они? — Лео шагнул чуть ближе.

— Старейшины? Молчали, как камни в русле пересохшей реки, — Илунга пожал плечами, словно речь шла о чём-то обыденном. — Для них Драгош — просто злой дух, дуновение гнилого ветра, который скоро утихнет. А мы останемся. Им ничего не сказали. Наёмники покрутились в пыли, попинали собак и уехали обратно в свой лагерь.

— А госпиталь ВОЗ? — пальцы Лео сжали края медицинских отчётов. — Сара и остальные в безопасности? Если Драгош решит надавить на них...

— В госпитале не знают, где вы прячетесь, — отрезал Илунга, поднимая ладонь, словно преграждая путь сомнениям. — Я приказал своим людям перерезать все прямые контакты. Доктор Хёйбрехтс думает, что вы ушли глубоко в джунгли, к реке. Мои ребята передали ей только то, что безопасно передать, и забирали её бумаги. Они скорее проглотят собственные языки, чем выведут

наёмников на эту базу. Если Драгош нагрянет в ВОЗ с обыском, врачи не смогут вас выдать при всём желании. Никто не знает дороги сюда. Только лес.

Лео кивнул, принимая эту информацию как ещё одну решённую переменную в своём смертельном уравнении. Времени у них оставалось мало.

— Побудьте здесь, — бросил Лео, разворачиваясь на толстой подошве армейских ботинок. — Мне надо кое-что проверить.

— Лео, тебе надо сначала поесть! — крикнула ему вслед Имани, сделав шаг вперёд. — Ты двое суток ничего не ел!

— Потом. Позже, — не оборачиваясь, ответил он.

Дверь бункера захлопнулась, глухо отрезав шум тропического дня.

В импровизированной лаборатории пахло изопропиловым спиртом, едким фенолом и нагретым озоном от портативного геномного секвенатора MinION, тихо жужжавшего на краю дубового стола. Сизый свет люминесцентной лампы разрезал полумрак.

Лео сел на деревянный стул. Его движения были экономичными и сверхточными, будто ими управлял чужой, идеальный механизм.

Жгут на левое предплечье. Холодный щелчок стерильной иглы. Венозная кровь быстро заполнила вакутейнер.

Лео поднял пробирку к свету. Кровь была тёмно-рубиновой, естественной плотности. Никакой дегтярной густоты, никакой черной киновари. Он нанес каплю на предметное стекло, накрыл покровным и вставил в световой микроскоп.

В окуляре открылся идеальный космос: двояковогнутые диски эритроцитов плавали в прозрачной плазме, как ровные золотистые монеты. Никаких перламутровых структур. Никаких микрокристаллов тория. Лейкоциты были спокойны.

Затем он запустил экспресс-тест ПЦР на MinION. Спустя двадцать минут монитор выдал результат: *Ebola Filovirus Katanga strain — undetectable*. Вирусная нагрузка опустилась ниже порога детекции.

Лео разложил на столе все имеющиеся у него данные, превратив дубовую столешницу в сложную семиотическую карту катастрофы, в палимпсест из медицинских показателей и шпионских отчётов.

Слева — дневниковые записи погибшего бельгийского биолога Мориса и протоколы вскрытия охотника Касонго Мпала (из 3-й главы). В центре — медицинские карты шахтёра Мбул Бенги и сестёр из деревни, присланные Сарой Хёйбрехтс. Справа — его собственные анализы и геномные карты филовируса, выделенного из крыланов из лагеря наёмников Southbridge Security.

Лео начал выстраивать филогенетическое древо патогена, читая симптомы как знаки древнего, полузабытого алфавита.

1. **Касонго Мпала (охотник):** Нашёл Мориса в лесу. Заразился диким штаммом. Вирус действовал как классический, топорный убийца. Нулевой геномный сдвиг. Молниеносный распад сосудистого русла. Смерть за 48 часов.
2. **Морис Брюне (биолог):** Где заразился неизвестно. У него вирус вступил в реакцию с высокой радиацией Катангской урановой смолки. Произошла первая мутация — вирус попытался перестроить аорту Мориса, создать перламутровые узелки для аккумуляции изотопов, но человеческий организм не выдержал такой нагрузки. Морис умер от системного гидравлического удара.
3. **Крыланы из лагеря Southbridge:** Стабильный, многовековой симбиоз. Бессмертные биореакторы. Вирус живёт в их тканях, не убивая хозяина, используя их как идеальный резервуар.
4. **Мбул Бенга (шахтёр):** Самый страшный вариант. Заразился от охотника. У него вирус попытался пойти по пути «симбиоза» — замедлил пульс, снизил температуру, дал человеку ложную ремиссию. Вирус «тестировал» хозяина, пытаясь встроиться в его ДНК (геномный сдвиг 0,4%). Но когда иммунная система Бенги попыталась отторгнуть чужеродный материал, патоген мгновенно сбросил адаптивные настройки. Произошёл реверсивный взрыв к первородной, геморрагической форме. Сверхэкспрессия ферментов лизиса — и человек буквально растворился изнутри за считанные минуты.
5. **Сёстры из Бата Колé:** Полная, мгновенная интеграция. Геномный сдвиг 0,3%. Вирус не убил их и не затаился — он растворился в их метаболизме, сделав их бессимптомными носителями.
6. **Он сам (Лео Гонзалес):** Стабильная интеграция через алхимический и биологический шок. Геномный сдвиг 0,2%. Вирус перестроил его сердечно-сосудистую систему, словно слив два сердца в одно, и уснул, превратив Лео в такой же идеальный, бессмертный резервуар, как и крыланы.

Лео откинулся на спинку стула и зажмурился.

Картина сложилась с леденящей, математической чёткостью.

Этот штамм Эболы был не просто патогеном. Это была живая эволюционная машина, обладавшая странной, почти осознанной гибкостью. Он искал выход. Он тестировал человеческий материал. Если организм был слаб или сопротивлялся — вирус превращался в абсолютное геморрагическое

оружие со 100-процентной летальностью, разрывая носителя на части, чтобы вырваться в окружающую среду в виде аэрозоля и кровавой пыли.

И все эти нити, все эти мутировавшие цепочки РНК вели в одну-единственную географическую точку.

В закрытую штольню на территории лагеря Southbridge Security. К той самой багровой, радиоактивной луже киновари, сочащейся из-под завала.

Когда Лео вышел из бункера, солнце уже перевалило за зенит, отбрасывая длинные, хищные тени от деревьев.

На вкопанном в землю деревянном столе уже стояла тарелка. Имани молча наблюдала за ним. В миске: горячий рис, куски тушёного мяса дикого кабана в густом арахисовом соусе и жареные зелёные бананы.

— Ешь, — коротко сказала Имани, подвигая к нему миску и армейскую алюминиевую ложку.

Илунга сидел напротив на табурете, неторопливо протирая ветошью затворную раму своего автомата.

Лео сел. Он взял ложку и начал есть. Первые два куса он проглотил не чувствуя вкуса — желудок, мучимый двухдневным голодом, сжимался в судороге. Но с каждым новым глотком к нему возвращалась холодная, выверенная ясность ума.

Он прожевал очередной кусок мяса, запил его водой из глиняного кувшина, положил ложку на край тарелки и поднял глаза.

— Мы должны всё уничтожить, — произнёс Лео. Его голос прозвучал ровно, без эмоций, как у хирурга, зачитывающего диагноз. — Всё сжечь.

Имани замерла с кувшином в руках.

— Что? — тихо спросила она.

— Лагерь Southbridge Security, — Лео перевёл взгляд с неё на Илунгу. — Источник вируса там. В той штольне. В бараке. И он ведёт себя не так, как обычная Эбола. Он тестирует носителей. Понимаете? Если он поймёт, что не может создать стабильный симбиоз с большинством людей — он сбросит настройки. Он превратится в супер-патоген. В воздушно-капельную геморрагическую лихорадку. Он вырвется наружу, как Covid, только убивать будет каждого первого.

Илунга медленно отложил ветошь, взял затвор и со щелчком вставил его в ствольную коробку.

— Это опасно? — спросил партизан.

— Это конец, — ответил Лео. — Сначала вымрет Бата Колé и все шахтёры Като-Томбе. Потом Лубумбаши. А через пару недель вирус на рейсовом самолёте из Киншасы улетит в Брюссель и Париж. Погибнут миллионы.

Илунга сузившимися глазами посмотрел на американца.

— И как ты предлагаешь «всё сжечь», доктор? — в голосе партизана проскользнула сухая, горькая ирония. — Мои люди — это четырнадцать человек с ржавыми «калашами» и двумя гранатометами РПГ-7. У наёмников Southbridge тридцать профессионалов в тяжёлой броне, укреплённые ДОТы, крупнокалиберные пулемёты и тепловизоры. Мы не подойдём к их забору даже на бросок гранаты.

Лео отправил в рот ещё ложку риса, медленно прожевал и вытер губы тыльной стороной ладони.

— Не мы, — сказал он. — «Компания».

Илунга нахмурился, в его глазах отразилось неведение. Он явно не понял термина.

Имани опустила кувшин на стол. Медный браслет на её запястье тихо звякнул об эмаль. Она посмотрела на мужа, а затем перевела долгий, тяжёлый взгляд на Лео.

— ЦРУ, — тихо и отчётливо произнесла Имани.

Илунга замер. Его пальцы, лежавшие на деревянном ложе автомата, мгновенно напряглись.

Имани слегка запнулась, её взгляд на мгновение затуманился, словно она снова всматривалась в лихорадочный морок из далёкого прошлого:

— Я виде... Я всё слышала, когда ты бредил, Лео. Голоса. Полигон в Вирджинии. Выстрелы. Про твоего отца.

Илунга медленно подался вперёд. Его смуглое лицо, изрезанное мелкими шрамами, стало непроницаемым, как базальт.

— Значит, ты работаешь на ЦРУ... доктор? — голос партизана опустился до опасного, рычащего шёпота.

Лео утвердительно кивнул головой, продолжая жевать и смотреть партизану прямо в зрачки. Ни страха, ни попытки оправдаться в его поведении не было.

— Они имеют отношение к вирусу? — спросил Илунга, и в его руке слегка качнулся ствол автомата. — Это они привезли его сюда?

Лео прекратил жевать. Он отложил ложку, выпрямил спину и положил обе ладони на стол.

— Нет, — твёрдо сказал Лео. — В Лэнгли понятия не имеют о том, что нашли в шахте Като-Томбе. Управление интересуется совсем другое. Контрабанда. IC Waze и их подставные структуры подозреваются в незаконной добыче и незаконном вывозе неочищенного урана в промышленных масштабах. Они продают его в третьи страны — в Иран или в Северную Корею. Моя задача была одна: найти и зафиксировать доказательства.

— И что сделает твоя «Компания», если ты дашь им доказательства? — спросил Илунга.

— Они нанесут удар, — ответил Лео.

— Удар? Сюда? — Имани вплеснула руками.

— Недалеко от побережья, в международных водах Гвинейского залива, дрейфует ракетный эсминец ВМС США типа «Арли Бёрк», — Лео говорил сухим, протокольным языком инструктажей Лэнгли. — На его борту — крылатые ракеты «Томагавк» с бетонобойными и термическими боеголовками. Если я передам точные координаты и подтверждение наличия руды с высоким содержанием урана, они нанесут точечный удар.

И в этот момент он вновь ощутил на губах знакомый вкус вирджинской гари. Качественная американская сталь, летящая на бреющем полёте над Гвинейским заливом, должна была стать единственным скальпелем, способным прижечь эту древнюю язву. Это была холодная математика Пентагона, в которой не оставалось места для поэзии.

Лео обвёл их обоих взглядом:

— Ракеты уничтожат штаб Southbridge, запечатают и завалят штольню сотнями тонн породы, а термический взрыв выжжет всё внутри при температуре в три тысячи градусов. Вирус будет уничтожен физически.

— Но ведь погибнут люди? — тихо, с болью спросила Имани. — Там рабочие. Там простые конголезцы из низовых смен...

— Погибнут только те, кто будет непосредственно на территории базы в момент удара, — спокойно ответил Лео. Но в его голосе на секунду прорезался голос его отца-инструктора с полигона Кэмп-Пири. — Удары будут высокоточными. Гражданских из окрестных деревень и сам рудник это не затронет.

Сделав паузу, он выдержал тяжёлое молчание и добавил:

— Иначе, Имани, через месяц вымрет половина Африки. Погибнут миллионы.

Илунга долго смотрел на Лео. В его глазах отражалась сложная, мучительная работа мысли. Партизан, всю жизнь воевавший ржавым железом в грязи и джунглях, пытался осмыслить эту пугающую, божественную лёгкость,

с которой белые люди могли вызвать огонь с небес из океана за тысячи километров отсюда. Он посмотрел на свои руки, перебиравшие затворную раму. Рядом с тем, что предлагал американец, его автомат казался не страшнее детской рогатки.

Илунга поднял взгляд на Имани. Сказался тот самый бессловесный, многолетний опыт понимания друг друга: она едва заметно кивнула.

Партизан опёрся локтями о стол, приблизив своё лицо к Лео.

— Лео, — произнёс Илунга. — А какие нужны доказательства? Чтобы твой эсминец выстрелил?

— Руда, — Лео вытащил из кармана рубашки сложенную страницу из дневника Мориса. — Руда с аномально высоким содержанием урана-235 и специфическими изотопами тория. Мне нужен физический образец из жилы. Фотография спектрального анализа и точные GPS-координаты выхода пласта. И эта жила где-то здесь есть. Не в самой шахте, рядом.

Илунга и Имани снова переглянулись.

— Надо поговорить с Муленгой, — сказал Илунга, обращаясь к жене.

— С кем? — нахмурился Лео.

— Капья Муленга, — ответила Имани. — Старый шаман. Тот самый колдун, что проклинал тебя у маисовых полей, когда мы вернулись.

— Старик помнит эти холмы ещё до того, как сюда пришли израильтяне с геологическими картами, — добавил Илунга, щелчком загоняя патрон в патронник и ставя автомат на предохранитель. — Он знает, где старые отвалы. Он знает, где земля «светится по ночам» и где у людей выпадают зубы. Если где-то на поверхности есть выход смолки — Муленга о нём знает.

— Его отец работал с моим прадедом, — добавила Имани.

Лео посмотрел на них, на эту пару, связанную местом и общим прошлым, и поднялся из-за стола. Еда была доедена. Внутри его груди мерно, глубоко и мощно, перегоняя обогащённую кровь по обновлённым сосудам, бился единый, нестигаемый поршень нового сердца.

— Хорошо, — сказал Лео, застёгивая пуговицы защитного цвета рубашки. — Значит, едем к нему.

Глава семнадцатая. Кость земли

Лес расступался перед капотом потрёпанного «Мицубиси» неохотно и тяжело, словно густая зелёная вода, с глухим шелестом смыкающаяся за кормой лодки.

Деревня Бата Колé встречала их тишиной — выжженной, напряжённой тишиной. Иссущённой солнцем, удушливым страхом и застывшим ожиданием бедствия. Несколько рядов мазанок из необожжённого кирпича и ржавого гофрированного железа тянулись вдоль разбитой красной колеи, точно выбитые зубы в нижней челюсти. Между ними — вытопанные, покрытые трещинами проулки, перевёрнутые деревянные ступы и заброшенные маисовые поля, на которые медленно оседала пыль. Ни детей, ни кур, ни даже мух над навозом. Лишь отдалённый, едва слышный плач младенца, доносившийся откуда-то из-за глиняной ограды, да устойчивый запах пережжённого пальмового масла, древесного дыма и стоячей воды.

Илунга затормозил у крайнего двора на окраине. Этот дом был шире и добротнее остальных — с высокими воротами и глухим забором из шлакоблоков.

За оградой, в серо-бурой тени раскидистого мангового дерева, кипела тихая, монотонная жизнь. У калитки стояла молодая женщина с годовалым ребёнком на бедре — она молча и неподвижно провожала глазами джип. Во дворе две старухи в выцветших платьях ритмично толкли деревянными пестами сухую маниоку в массивных каменных ступах. Глухие, плотные удары — *тух... тух...* — разносились над раскалённой землёй, словно пульс древнего, усталого зверя. Чуть отдали, над костром из сырых поленьев, выпускал сизый дым огромный чугунный котёл на трёх валунах. От него тянуло пряным, сытным паром — каким-то тушёным мясом, обжаренными пальмовыми орехами и резкой нотой дикого лука.

Илунга заглушил мотор.

— Ждите здесь, — бросил он и вышел из кабины.

Лео и Имани остались в открытом кузове пикапа. Имани сидела, прижав колени к груди, неподвижно опустив ладони на потёртые джинсы. Для жителей Бата Колé она оставалась изгоем — той, что предала кровь рода ради белых. И Лео физически ощущал это густое, натянутое, как струна, отчуждение. Медный браслет на его запястье излучал тихое, ровное тепло, пульсируя в такт его новому, единственному сердцу. Внутри его грудной клетки больше не было хаотичного трепета — обновлённый синусовый узел гнал кровь ровно и густо, и в этом ритме он улавливал странный отклик: медь на запястье отдавала сухой, щекочущей судорогой, будто реагировала на невидимую жилу, залегавшую глубоко под мазанкой шамана.

Илунга подошёл к калитке и тихо заговорил с женщиной. Та кивнула и юркнула в полумрак двора.

Через пару минут тяжёлая резная дверь мазанки скрипнула, и на порог вышел Капья Муленга.

Старый шаман казался высеченным из эбенового дерева или из сухой, покрытой трещинами глины. Высушенная, пергаментная кожа, натянутая на скулах, короткие белые волосы ёжиком и впалая грудь, украшенная связкой птичьих лап и мелких костей на тёмном шнурке. Его глаза — мутные, затянутые толстой бельмовой паволокой катаракты — смотрели не на людей, а сквозь время и пространство. В правой руке он сжимал резную деревянную трость с костяным набалдашником, пальцы его перебирали выступы на полированном дереве, словно отсчитывали года.

Он не спустился со ступеней. Остановился на пороге, положив ладонь на косяк — жест владельца, обозначающий грань между своим и чужим.

— Молодой Мбоко, — проскрипел колдун. Голос его был сухим, с тихой, глухой вибрацией, от которой по коже пробежал холод. Он назвал Илунгу по древней фамилии его предков, сразу очерчивая границы разговора. — Зачем ты привёз их?

Илунга стоял перед калиткой с прямой спиной, опустив руки вдоль тела. В его позе впервые читалось глубокое, почти религиозное уважение — не к старику, а к той незримой силе, которую тот воплощал.

— Земля горит, Капья, — заговорил партизан на лингала. — Белые наёмники за забором выпустили из штольни заразу. Вся деревня в опасности. Нам нужна твоя помощь.

Муленга медленно поднял руку с высохшими пальцами, останавливая его речь.

— Твои слова тяжелы, Илунга, — тихо, но твёрдо проговорил старик. — Но такие слова не бросают в пыль перед одним человеком.

Шаман повернул морщинистое лицо во двор и бросил одно короткое, гортанное слово. Одна из женщин у котла мгновенно отложила пест, быстрым шагом вышла со двора и исчезла в лабиринте деревенских улиц.

— Подождём старейшин, — проскрипел Муленга и скрылся в тени дома.

Они ждали под палящим тропическим солнцем около двадцати минут. Наконец во дворе собрались пятеро стариков — двое тех, кто перекрывал дорогу джипу во время побега, и трое новых. Все — в пожелтевших от времени белых холщовых рубахах, с высушенными солнцем лицами и руками, огрубевшими от многолетнего труда до состояния сухой печной глины. Они молча расселись на деревянных скамьях и перевёрнутых ящиках под широкой кроной мангового дерева. Муленга сел в центре, в плетёное из лиан кресло, неподвижный и суровый, как идол.

Женщины отошли к краю двора, продолжая беззвучно возиться у чугунного котла, изредка поглядывая на собравшихся.

Илунга встал перед советом. Лео и Имани сохраняли молчание чуть позади. На этой земле слово принадлежало тем, кто пустил в неё корни сотни лет назад.

Партизан заговорил. Голос его был ровным, без эмоций — как докладывает командир перед боем. Он не стал прибегать к сложной медицинской терминологии. Он перевёл выводы Лео на язык джунглей и предков: рассказал о чёрной, гниющей крови, которая растворяет человека изнутри за десять минут, о смерти охотника Касонго, белого биолога Мориса и шахтёра Бенги. Он объяснил, что скверна вырывается из старой штольни на территории лагеря Southbridge, и что белый доктор хочет обрушить на эту штольню огонь с неба. Но чтобы вызвать этот огонь, доктору нужны доказательства — тот самый камень, от которого земля «светится по ночам», а у людей сохнут кости и выпадают зубы.

— Старейшины, — закончил Илунга, — вы знаете эти холмы лучше, чем кто-либо. Вы знаете, где предки запрещали копать земляные ямы. Но нам нужен этот камень.

Он замолчал и сел на корточки.

Старики молчали. Они переглядывались — медленно, невесомо, как переглядываются люди, привыкшие говорить не словами, а взглядами и паузами.

Наконец один из них, с белёсыми, выцветшими бровями и глубокими носогубными складками, качнул головой в сторону Лео:

— Пусть говорит белый.

Лео шагнул вперёд. Встать перед пятью стариками в конголезской деревне — это не выступить перед Учёным советом в Гарварде и не дать отчёт перед инструктором на «Ферме» Лэнгли. Здесь была иная шкала истинности, где каждый жест весил значительно больше десятка научных монографий.

— Зараза, которую нашли наёмники, — это не просто лихорадка, — начал Лео, медленно взвешивая каждое слово, пока Илунга синхронно переводил его на лингала. — Она страшнее любого проклятия. Она умнее. Вирус учится, подстраивается под человека, чтобы найти следующую жертву. Если он вырвется за периметр лагеря — он не оставит в живых никого. Он уничтожит не только вашу деревню. Погибнут города, столицы, весь мир.

Старейшины смотрели на него неподвижными, тёмными глазами, но воздух вокруг них плотнел.

— Но есть способ его остановить, — продолжил Лео. — Корабли американцев с океана нанесут точечный ракетный удар. Удар придёт с неба, рано утром, на рассвете. Штольню завалит сотнями тонн породы, а термический

огонь выжжет вирус дотла. Ни вашу деревню, ни основной рудник Като-Томбе это не затронет.

Он сделал паузу, давая мыслям уложиться в их головах:

— Чтобы свести к минимуму жертвы среди простых конголезских рабочих и сотрудников ЧВК, я предлагаю организовать диверсию. Когда я узнаю точную дату и время удара, люди Илунги нападут на основной рудник. Наёмники — псы, реагирующие на угрозу добыче. Основная часть гарнизона бросит лагерь и помчится отбивать рудник. И когда ракеты упадут на штольню, в лагере останутся лишь единицы.

— Мбоко, ты уверен, что у него всё получится? — спросил один из стариков, внимательно глядя на партизана.

Илунга молча кивнул.

Старейшины склонили головы друг к другу. Их тихий, отрывистый шёпот на лингала шелестел, как сухая трава под порывом ветра — гортанные слоги, частые паузы, споры и, наконец, согласие.

Муленга всё это время сидел неподвижно. Его трость лежала на коленях. Он не участвовал в совете — он слушал глубинную суть происходящего.

Спустя несколько минут старик с белёсыми бровями поднял руку. Тишина вернулась во двор.

— Мы поможем тебе найти камень, белый человек, — произнёс старейшина, и его голос звучал как хруст гальки под тяжёлым сапогом. — Муленга покажет дорогу к старым отвалам.

Он перевёл враждебный, наполненный древним отторжением взгляд на Имани, а затем снова на Лео:

— Но у земли есть цена. Когда всё закончится и огонь упадёт с небес, вы оба покинете наши края. Навсегда. Вы не вернётесь ни в эту деревню, ни в эти холмы. В вас самих живёт проклятие. Вы несёте его в своей крови. Покиньте Катангу, или джунгли сами сожрут вас.

Имани едва заметно вздрогнула. Лео заметил, как её пальцы коснулись медного браслета — единственного, что останется у неё от этой земли. Её пальцы сжались в кулаки, костяшки побелели, но она молча склонила голову.

Лео встретил взгляд старейшин прямо:

— Хорошо, мы уйдём.

Муленга поднялся с плетёного кресла. Его движение было неторопливым, сухим, словно распрямлялся древний ствол сук. Он взял трость и шаг за шагом прошёл мимо старейшин к калитке. У ворот остановился и бросил несколько коротких слов одной из женщин.

— Нужно кайло, — сказал он. — И фонарь.

Спустя минуту она вынесла из глубины двора тяжёлое, заржавленное шахтёрское кайло с обтёсанной деревянной рукоятью и армейский налобный фонарь с треснувшим стеклом на мощном аккумуляторе.

Муленга обхватил рукоять кайло своими костлявыми пальцами с привычной уверенностью человека, державшего этот инструмент тысячу раз. Он неторопливо подошёл к пикапу, сам распахнул дверцу и тяжело опустился на переднее пассажирское сиденье рядом с местом водителя.

Кайло старик положил позади сиденья. Трость зажал между ног. Фонарь оставил на приборной панели.

Лео и Имани забрались в открытый кузов. Илунга поворотом ключа завёл дизель, и пикап тронулся, поднимая облака рыжей пыли.

На выезде из Бата Колé машина проезжала мимо белых брезентовых тентов полевого госпиталя ВОЗ.

За жёлтой пластиковой лентой кордона, у входа в зелёную зону, стояли Реми Гайяр и Дзузу Кома. Оба — в белых медицинских халатах, с налобными фонарями на шеях. Француз нервно курил, стряхивая пепел в грязь, а его лицо, мокрое от пота, казалось высеченным из серого воска. Дзузу стояла рядом, прижимая к груди планшет с документами.

Реми поднял голову и увидел проезжающий пикап. На его измождённом лице отразилась сложная, горькая сумятица — смесь профессионального бессилия, человеческой тревоги и тоскливого понимания того, что его коллега переступил черту, за которой никакие эпидемиологические протоколы больше не действуют. Дзузу тихо положила ладонь французу на плечо, и её внимательные, тёмные глаза проводили машину неподвижным, долгим взглядом.

До Лео долетел резкий, въедливый до тошноты запах хлорамина и горелой пластмассы — из синей бочки у палаток утилизировали использованные защитные костюмы. Этот медицинский, стерильный дух прежнего мира вызвал у него мгновенную, сухую смуту в горле. Они казались фигурами из чужого сна, застрявшими в безнадёжной логике инструкций, в то время как под лопатками самого Лео ещё горели свежие, налитые горячей кровью невидимые шрамы.

Он не помахал им. Не закричал. Он просто постарался запомнить их лица — двух людей из своей прежней, строгой академической жизни, которая сгорела без остатка в радиоактивном бреду. Машина прибавила ход, и белые брезентовые палатки растворились за поворотом.

Джунгли накрыли их мгновенно. Сначала колея петляла среди колючего подлеска, но вскоре кроны столетних фикусов и кайя сомкнулись над дорогой

сплошным тёмно-зелёным сводом, превращая путь в сырой, дышащий тоннель. Воздух густел, наливаясь застоявшимися запахами перегноя, мокрой листвы и перезрелых плодов.

Муленга сидел на переднем сиденье абсолютно неподвижно. Его выцветшие от времени глаза смотрели прямо в ветровое стекло:

— Прямо... У поваленного баобаба влево... Через сухой ручей.

Пикап подпрыгивал на обнажившихся корнях, днище скрежетало о валуны. Тропа становилась всё суше и уже, пока джип неожиданно не выкатился на широкую, выжженную прогалину.

Перед ними, среди зарослей ядовито-зелёного мха, открылись руины. Здесь время сожрало всё, кроме камня и ржавчины. Два рыжих, покосившихся стальных портала и обломки железных рельсов для вагонеток торчали из красной глины, уходя в тёмный, заваленный зев скалы. Вокруг валялись почерневшие останки деревянных крепежей, покрытые белёсым налётом плесени.

Это была старая, заброшенная шахта — глухой провал, вскрытый американцами ещё восемьдесят лет назад.

Илунга заглушил мотор. В тишине слышно было лишь пощёлкивание остывающего металлического глушителя.

Незванные гости почувствовали, как из глубины шахты потянуло холодным погребным сквозняком, и в нём едва уловимо примешивался странный, неестественный для этого места аромат — запах ладана и цветущей гардении.

Муленга открыл дверцу и ступил босыми ногами на влажный мох. Он взял кайло с коленей, поднял фонарь и подошёл к кузову, протягивая вещи Лео.

— Видишь, — старик указал резной тростью сквозь плотные заросли вправо, туда, где поднимался пологий, абсолютно голый холм из серой каменистой породы. — Примерно полкилометра, или чуть дальше. Там, где земля пахнет сухим железом и смертным холодом, ты найдёшь то, что ищешь.

Лео выпрыгнул из кузова, достал из бардачка машины дозиметр — прибор тихо щёлкнул, реагируя на фон. Лео повесил его на шею и после взял кайло — старый металл обжёг ладони холодом ржавчины и чужой, забытой работы. Фонарь он положил в холщовую сумку, закинув её за плечо.

Имани мгновенно вылезла следом, её губы сжались в плотную, непреклонную линию:

— Я пойду с тобой.

Но Муленга резко выставил трость, с сухим треском преграждая ей путь.

— Нет! — голос колдуна лязгнул, как стальной затвор. — Он должен пойти туда один.

Старик повернул своё безучастное, изрезанное глубокими морщинами лицо в сторону мёртвого холма:

— Это место проклято. Твой прадед знал. Тот, кто копает здесь, теряет разум. Или жизнь. Пусть это проклятье встретится с ним наедине. Если земля примет его — он вернётся.

Имани замерла. Её руки, сжатые в кулаки, дрожали, но она не сделала больше ни шага. В её тёмных, глубоких глазах отражалась вся глубина страха, веры и молчаливой любви, которую нельзя произносить вслух перед лицом древнего леса.

Лео шагнул к ней. Коротко, жёстко, одним движением обнял — прижал к себе, вдохнул запах её волос. Через тонкую хлопковую ткань её рубашки он почувствовал трепещущую, горячую гладь её кожи, услышал, как частыми, птичьими толчками билось её сердце... И отпустил.

— Я вернусь, — сказал он.

Имани кивнула. Один раз. И всё.

Лео перехватил деревянную рукоять кайло и в одиночку шагнул в густые заросли, пробираясь к серому холму.

Глава восемнадцатая. Капище

У леса были иные глаза — глубокие, подпочвенные, сотканые из путанных нитей мицелия, древних докембрийских пластов, мокрого лишайника и гниющей листвы, впитывающей каждую каплю стоячей воды. Джунгли чувствовали тяжесть ботинок шагающего человека, ритмичную судорогу его мышц, химический след пота — взбудораженный, белый, пропитанный терпким кофе, антибиотиками и далёким бостонским снегом. Джунгли помнили.

Потому что похожий шаг уже звучал здесь недавно. Другой белый человек — хрупкий, с тонкой костью, пахнущий аптечным фенолом, дорожной пылью и судорожным испугом — прошёл через эти же папоротники, задевая головой свисающие гибкие лианы. Он двигался от серого холма, зажимая под мышкой тяжёлый стальной контейнер, и не вернулся. Джунгли приняли его следы, растворили его запах в тёплом перегное и превратили его имя в ничто.

А теперь пробирался второй.

Он шёл иначе. В его шаге отзывалась другая — слитная, уверенная плотность, с какой вдоль глубоких штреков продвигаются подземные воды. Медный браслет на его запястье отдавал в сырой воздух ровное, глубокое тепло,

а в его груди бился глубокий поршень, ритм которого джунгли признавали родственным. Он нёс в себе их собственную, выстраданную скверну.

Джунгли не торопились. Они помнили всех, кто ступал на эту землю, — и каждого, кто из неё не вышел.

И Лео продвигался сквозь их чащу.

Массивное ржавое кайло билось о его бедро при каждом наклоне туловища. Армейский фонарь хлестал по груди, а счётчик Гейгера на шее издавал редкие, тихие щелчки — сухой, едва слышный шелест, похожий на движение песка в песочных часах.

Подлесок становился непроходимым. Сначала — колючий кустарник с мелкими жёсткими листьями, царапающими предплечья до алых царапин. Затем — дикие высокие папоротники, пахнущие прелой землёй и опадающими плодами дикого манго. И наконец — исполинские столетние кайя и фикусы, чьи переплетённые кроны полностью гасили дневной свет, роняя на влажный мох лишь редкие, колючие, золотые монеты пробившегося солнца.

Мох под ногами был мягким, упругим — он пружинил, как живое мясо. Воздух густел с каждым шагом: влага, запахи, звуки — всё нарастало, спрессовывалось, превращаясь в плотную, почти осязаемую среду, в которой приходилось не идти, а продираться.

Казалось, этот воздух можно пить. Или, если бросить кайло, сумку, снять армейские ботинки, то можно нырнуть и плыть. Плыть куда-то вдаль — туда, где тебя не найдут — туда, где будешь только ты и Имани...

Лео почувствовал, как браслет на правом запястье начал постепенно теплеть — ровным, глубоким, живым теплом. Как тепло рук, которые держат тебя, обнимают тебя, вытирают тебя. И ты, чистый, освеживший, чувствуешь их тепло — даже здесь.

Полкилометра. Моховой ковёр кончился.

Деревья расступились, образовав естественный амфитеатр у подножия серого, абсолютно голого холма из обугленной каменистой породы.

Здесь земля казалась выжженной задолго до появления человека. Ни единого стебля, ни единой травинки — только сухой, подёрнутый серым шлаком известняк. В самом центре этой бесплодной прогалины возвышалось древнее капище.

Семь базальтовых изваяний, вытесанных из тёмного, иссиня-чёрного камня, стояли полукругом. Их стёртые дождём и веками вершины напомнили Лео молчаливых стражей, застывших над невидимой межой. Вся поверхность базальта была глубоко испещрена круговыми знаками, спиралями, точками и параллельными линиями — похожий на тот, символический алфавит, который

был выбит на его медном браслете и проступал на традиционных платьях из ткани вакса. Это был язык, существовавший до появления букв, до того, как человек попытался выстроить мир в стройные шеренги академических словарей.

За полукругом идиолов, в самом основании холма, чернел лаз.

Не рукотворный штрек с деревянными крепежами, а рваный, естественный разлом, вымытый тысячелетиями подземных токов. Край прохода выглядел абсолютно ровным, отполированным, точно сквозь него веками пробирались гладкие тела огромных существ. Из глубины тянуло погребным, ледяным сквозняком, в котором смешивался резкий аммиачный дух, запах сырой извести и тонкая, дурманящая нота ночного костуса.

Лео щёлкнул тумблером налобного фонаря. Узкий, слепящий луч высветил скользкие, покрытые минеральным налётом стены.

Он сделал шаг внутрь.

Дозиметр немедленно ожил.

Тихий фоновый треск сменился настойчивым, частым щёлканьем. Стрелка прибора дёрнулась влево и уверенно поползла к красным делениям. Двести. Триста. Четыреста микрорентген в час. Земля под ногами фонаря плотным, сухим жаром.

Разлом сужался. Лео двигался, едва не касаясь плечами влажных каменных выступов. Давление нарастало, насыщаясь запахами железа, сырого суглинка и подземной влаги.

Под ботинками что-то тяжело и утробно чавкнуло.

Лео опустил луч фонаря вниз.

По полированному полу пещеры тёк тонкий, вязкий ручеек — тёмно-бордовый, с безумным перламутровым опаловым отливом. Это была не кровь и не обычная ржавчина. Это была та же густая минеральная эмульсия — киноварь, сульфиды ртути, окислы тория и урановые соли, сочащиеся из докембрийского монолита. Лео ступил прямо в неё: липкая жидкость облепила подошвы, протягивая вслед за ботинками тонкие багровые нити.

Счётчик Гейгера зашёлся частой дробью. Шестьсот. Семьсот микрорентген.

Лео миновал изгиб прохода и вышел в естественный грот.

Своды здесь поднимались на высоту двух человеческих ростов, стены были покрыты теми же высеченными знаками — спиралями, глубокими точками и замкнутыми кольцами.

И в этот момент пространство наполнилось звуком.

Не шаги, не завывание ветра. Не шум осыпающихся камней.

Сухой, шелковистый шорох. Шелест множества кожаных перепонок, медленно складывающихся в темноте.

Лео поднял луч фонаря к потолку.

Под самым сводом, цепляясь изогнутыми когтями за трещины в известняке, висели крыланы. Десятки огромных молотоглавых летучих мышей с размахом бархатных крыльев больше метра. Они не спали. Их сморщенные тупые морды с наростами повернулись на свет, а слепые, абсолютно затянутые мутной молочной плёнкой глаза зафиксировали его присутствие.

В этом незрячем, сосредоточенном взгляде не было ни испуга, ни звериной агрессии.

В нём проступило глубокое, нечеловеческое узнавание. Они смотрели на него так, как смотрят на существо, несущее в своей крови ту же самую древнюю, радиоактивную алхимию, что питала их собственные жилы под сводами этого грота. Ни одна тварь не дёрнулась, не издала ультразвукового писка. Они висели в полной тишине, провожая белого человека с кайлом неподвижным, вековым вниманием.

Дозиметр сорвался на тревожный свист. Восемьсот. Девятьсот. Тысяча микрорентген.

И тут Лео почувствовал запах.

Не гуано. Не аммиак. Не сырой суглинок.

Запах больничной палаты.

Абсолютный, выжженный в памяти до последней молекулы. Хлорамин. Прокалённый кварцем пластик. Сухой линолеум. И за ним — едва уловимый, сладковато-приторный дух облучённой, распадающейся плоти.

Бостон. Госпиталь Mass General. Ему шесть лет.

Отец вёл его за руку по длинному, гулкому коридору, где линолеум под ногами отдавал сухим скрипом. Воздух в коридоре пах именно так — медицинским озоном и подтаявшей радиацией.

Палата четыреста двенадцать.

Мать лежала на узкой белой койке. Её когда-то густые волосы были полностью выбриты, на коже проступала прозрачная щетина, а под глазами залегли глубокие синеватые провалы. Брахитерапия. Стереотаксическая радиохирургия и телетерапия не остановили опухоль, и врачи ввели в ткани её мозга радиоактивные зёрна, которые выжигали болезнь изнутри. От неё веяло этим пугающим, сухим теплом распадающегося ядра.

Маленький Лео подошёл к кровати. Отец застыл у дверей, опустил руки.

Мать повернула голову. Она не произнесла ни слова — её потрескавшиеся губы лишь тронула тихая, светлая, уставшая от болезни улыбка. В ней не было ни страха, ни жалости к себе, только бесконечная нежность уходящего человека. Она взяла его детскую ладонь и прижала к своей горячей, впавшей щеке.

— Мама... — выдохнул Лео.

Она улыбнулась ему ещё раз. И мир схлопнулся.

Лео стоял посередине пещеры в Верхней Катанге. Горячие, солёные слёзы текли по его щекам, смывая пыль и смешиваясь с каплями пота. Счётчик Гейгера свистел на пределе. Незрячие крыланы под сводом хранили молчание.

Он вытер лицо рукавом оливковой рубашки, сделал глубокий вдох и шагнул к дальней стене грота.

В нише между двумя естественными каменными натёками залегала она.

Урановая смолка. Настуран.

Тяжёлая, иссиня-чёрная порода с жирным, смолистым блеском на свежем изломе. Она проходила толстой, неровной жилой сквозь белый известняк, рассыпаясь по краям яркими жёлто-зелёными высыпами вторичных урановых минералов.

Лео поднёс датчик счётчика прямо к чёрному пласту.

Прибор взревел сплошным, верещащим рокотом. Стрелка мгновенно ушла за пределы шкалы. Тысяча двести. Тысяча пятьсот микрорентген в час. Порода буквально кипела ионизирующим излучением.

Лео опустил на колени прямо в тёплую гранатовую жидкость. Достал из холщовой сумки молоток и зубило, приложил остриё к краю жилы и с силой ударил.

Звонкий металлический щелчок отозвался под сводами. Скульптурный, увесистый кусок смолки размером с крупный кулак с неспешным хрустом отвалился от стены. Лео быстро, с профессиональной точностью обернул образец в три слоя плотной холщовой ткани и уложил на дно сумки. Затем отколол второй кусок, поменьше, и отправил следом.

Застёгивая ремень сумки, он поднял взгляд на чёрную жилу.

— Спасибо, — тихо проговорил он.

Не пещере. Не джунглям. Не древним богам на каменных изваяниях.

Маме.

Он развернулся и пошёл к выходу. Крыланы провожали его тем же бесшумным, слепым, вековым взглядом. Ни одно крыло не вздрогнуло. Они продолжали висеть под потолком, точно застывшие в камне обереги.

Лео вышел из провала.

Белый, нестерпимый свет тропического дня ударил по глазам. Зелёное море джунглей хлынуло навстречу запахами перегретой травы, сырого опада и дикого мёда. Дозиметр на его шее мгновенно утихомирился, вернувшись к привычному сухому пощёлкиванию.

Он прошёл мимо базальтовых идолов капища, не задевая камней, и спустился по склону холма.

Пикап ждал на прогалине. Имани сидела на деревянном борту кузова, поджав ноги к груди. Илунга стоял у капота с автоматом на плече. Шаман застыл на переднем сиденье джипа, сжимая трость между коленей.

Лео вышел из чащи. Его ботинки были покрыты подсохшей оранжевой глиной, рубашка промокла насквозь, на щеках темнели пыльные дорожки от слёз. В руке он сжимал тяжёлую сумку.

Имани мгновенно спрыгнула на землю. Её глаза прочли всё без единого слова.

— Лео...

— Всё в порядке, — проговорил он сухим, хриплым голосом. — Нашёл. Поехали. Отвезём Муленгу.

Она подскочила к нему и обняла — яростно, всем телом, вцепившись пальцами в его плечи. Лео прижал её к себе, уткнувшись лицом в её волосы, пахнущие запахом, который казался своим. Её ладонь легла на его правое запястье — прямо поверх тёмной меди, — и в его груди сердце отозвалось ровным, мощным, синхронным толчком.

Они забрались в кузов пикапа. Илунга поворотом ключа заставил дизель взречься.

Машина тронулась, разворачиваясь на узкой колее и уходя обратно в сторону Бата Колé, чтобы высадить старика.

Они ехали обратно в деревню. Джунгли расступались перед капотом, смыкаясь за кормой, как смыкается вода. Свет пробивался редкими, колючими осколками, роняя на грязное лобовое стекло золотые монеты.

Лео сидел в кузове, держа Имани за руку. Её пальцы — тонкие, сильные, с короткими ногтями — обхватывали его ладонь поверх медного браслета. Холод металла и тепло её кожи — два мира, одна точка.

Он смотрел на дорогу, убегающую назад. И думал.

Он уже знал, что будет дальше.

Вернувшись в бетонный бункер на заброшенной базе, он запустит генератор. Достанет куски урановой смолки из холщовой сумки, разложит их на

столе рядом с включённым дозиметром и сделает серию чётких снимков с привязкой к геометкам лагеря Southbridge Security.

Затем активирует Starlink и зайдёт в защищённый терминал связи агентства.

Он не напишет в отчёте ни единого слова про вирус, мутации или живучих крыланов. Это заставило бы Лэнгли отправлять сюда мобильные группы биозащиты, учёных и спецназ — и тогда джунгли зальются кровью.

Он ударит по главной, системной фобии Вашингтона.

Лео укажет точные GPS-координаты барака на краю карьера. Передаст координаты ангара, куда сгружали синие пластиковые бочки с ионообменными смолами, и подземной лаборатории Жирара за стальной гермодверью.

А в графе оперативного резюме выведет короткие, не допускающие двоякого толкования строки:

«На территорию базы ЧВК работающей на компанию IC Waze завезено оборудование для первичного экстрагирования и обогащения уранового концентрата. Маркировка производителя модулей — China National Uranium Co., Ltd. (CNUC / SinoU). Наличие сырья с аномально высоким содержанием урана-235 подтверждаю. Объект готовится к нелегальной поставке обогащённых материалов на чёрный рынок. Запрашиваю немедленную нейтрализацию инфраструктуры».

Этого будет более чем достаточно.

Зашифрованный пакет уйдёт через спутник. В Лэнгли поднимут карту целей. На борту эсминца отработают пусковые расчёты.

Ракеты придут на рассвете. Они уничтожат барак, лабораторию, завалят штольню сотнями тонн раскалённой породы и навечно испепелят вирусный очаг.

Лео сильнее сжал пальцы Имани. Она подняла на него свои тёмные, бездонные глаза, в которых не было страха — только безграничное, глубокое доверие земли, принявшей его как своего.

— Всё будет хорошо, — тихо сказала она.

Лео посмотрел на смыкающуюся за бортом пикапа зелёную стену Катанги и молча кивнул.

Всё будет хорошо.

Глава девятнадцатая. Дождь

Ливень обрушился на старую бельгийскую базу около четырёх пополудни. Обрушился не постепенно, не робкими предвестниками, а сразу, тотально,

свинцовой, монотонной тяжестью — так падает театральный занавес в финале затянувшейся трагедии. Сначала лес оцепенел: птицы, цикады, крикливые макаки-мона — всё затаилось, вжалось в кору и мох. Небо сгустилось до состояния мокрого бархата, густого — тёмно-синего бархата, набухшего грозовой водой. А затем хлынуло. Крупные, с фалангу пальца, капли падали с такой пугающей силой, что вспенивали оранжевую пыль плаца, на глазах превращая её в вязкую, пульсирующую, блестящую кровь земли. Джунгли жадно, с утробным гулом пили эту воду, шелестя миллионами глянцевых листьев.

Имани стояла в дверном проёме кухонного блока, прислонившись плечом к шершавому, сочащемуся сыростью бетонному косяку. Воздух вокруг неё загустел, пропитался резким запахом озона, перепревшей древесины, раздавленной зелени и горьковатым дымом от тлеющей чугунной печи. На ней были потёртые джинсы и мужская хлопковая рубашка с закатанными рукавами — её единственная броня, оставшаяся от прошлой жизни в Бата Колé. Илунга привёз им одежду, но пока ей не хотелось переодеваться. Она смотрела.

Под навесом из рваного гофрированного железа, приваленного к стене бункера, стоял длинный дощатый стол. Над ним, склонив головы, застыли двое.

Муж и любовник.

Два человека, высеченные из совершенно разной породы, но странным, почти магическим образом уравнивающие друг друга в этом влажном, гниющем мареве. Между ними, придавленная по краям двумя ржавыми автоматными гильзами, рацией и кружкой с остывшим кофе, лежала распечатка. Илунга приехал с ней сегодня утром, на своём измятом «Паджеро» — подробными спутниковыми снимками карьера Като-Томбе. Бумага уже успела пойти волнами от сырости, пропиталась запахом оружейного масла и табака. Сверху лагерь казался идеальной, стерильной геометрией: белые прямоугольники контейнеров, математически выверенный периметр колючей проволоки, слепые квадраты вышек, тёмная, разверстая пасть ангара. Это была смерть, разложенная по полочкам, переведённая на язык сухой инженерной семиотики.

Имани смотрела на них сквозь серебряную сетку воды.

Илунга стоял слева. Его выцветшая камуфляжная футболка прилипла к широкой спине, цветная рубашка накинута сверху. Профиль партизана казался вырезанным из древнего базальта — спокойный, собранный, непроницаемый. Его палец с содранным ногтем медленно скользил по зернистой бумаге, чертя линии невидимых фронтов. Так выглядит человек, который тысячу раз готовился к бою, зная, что однажды лес заберёт его навсегда, но продолжал возвращаться.

Лео стоял справа. В многоцветной пятнистой куртке без знаков различия, с короткими, потемневшими от влаги волосами. Американец пугающе

изменился за эти дни: исчез столичный лоск, движения лишились академической суеты, став хищными, экономными, как у дикой лесной кошки. Вирус и джунгли переплавили его, выжгли всё наносное, оставив лишь твёрдый, смертоносный каркас. В его запавших от бессонницы глазах больше не было ни лихорадки, ни растерянности. Только ясность. Холодная, хирургическая, пугающая ясность человека, заглянувшего за край. Тёмная медь браслета на его правом запястье тускло мерцала в сером полумраке навеса.

Между мужчинами не было ни вражды, ни неловкости. Лишь мудрое, плотное молчание — молчание двух воинов, понимающих, что любые слова о прошлом сейчас разрушат больше, чем спасут.

— Подтверждение из Лэнгли пришло ночью, — голос Лео звучал сухо и ровно, прорезаясь сквозь оглушительный барабанный бой ливня по шиферу. — Ударные комплексы на эсминце переведены в боевой режим. Запуск ракет — завтра. Расчётное время поражения цели — ноль шесть тридцать. Сразу после рассвета.

Он острием карандаша коснулся центра спутникового снимка.

— Четыре «Томагавка». Две термобарические боеголовки вскроют барак у старого рудника и ангар. Две бетонобойные ударят прямо в основание холма, над сводом штольни, где находится лаборатория Жирара. Они спровоцируют направленный обвал. Сотни тонн раскалённой породы запечатает штольню наглухо. Температура превысит три тысячи градусов. Вирус, урановая смолка — всё сгорит за миллисекунды.

Илунга склонился ниже, прищурив тёмные, как переспелые оливы, глаза.

— А лагерь наёмников?

— Как мы и говорили, для минимизации потерь, ты выманишь их оттуда до удара. Но протокол требует визуального подтверждения уничтожения объекта. Я буду здесь, — карандаш Лео скользнул к возвышенности на востоке. — Слепая зона для их периметральных камер. Зафиксирую попадание, а после отправлю код верификации.

Имани сделала шаг из дверного проёма в полумрак навеса. Её голос прозвучал негромко, но с той литой, хтонической непреклонностью, с которой вода точит камень:

— Я пойду с тобой.

Оба мужчины одновременно подняли головы. Дождь за их спинами словно на секунду сбился с ритма.

Илунга нахмурился, на его скулах заходили желваки.

— Это безумие, Имани. Ракета — это не ружейная пуля. Ударная волна, термический выброс... Если ветер поменяется, вас накроет раскалённой пылью и осколками бетона.

— Я его одного не отпущу, — она встала рядом с Лео. Её рука привычно, почти рефлекторно легла на его предплечье. Медь соприкоснулась с её кожей, и Имани почувствовала, как под хлопковой тканью ровно, неспешно бьётся его пульс. Мы связаны — говорило её прикосновение.

Илунга посмотрел на неё долгим, внимательным взглядом. В его глазах мелькнула сложная, многослойная тень — горечь потери, смешанная с глубоким, безоговорочным уважением к её выбору. Он коротко кивнул. Один раз. Вопрос был закрыт.

— Мои люди готовы, — глухо произнёс партизан, постучав узловатым пальцем по бумажной карте в районе жилых бараков основного рудника. — Мы работали над этим весь день. Я договорился со старшими смен. Сегодня вечером, как только стемнеет, рабочие начнут бунтовать.

— Как именно? — Лео подался вперёд, цепко глядя на карту.

— Как бунтуют загнанные в угол люди. Скажут: до них дошли слухи из деревни про чёрную кровь, про мёртвого шахтёра Бенгу. Они в ужасе. Они уверены, что это новая Эбола, и что белые наёмники заперли заразу за забором, чтобы не останавливать добычу. Бунт будет первобытным, громким. Они выкатят свои самосвалы на дороги, разожгут костры в железных бочках с соляровкой. Напьются местного самогона...

Он посмотрел на Лео, затем на Имани.

— От него кровь становится горячей, а страх исчезает. Будут кричать, бить арматурой по заборам, требовать ответов. Начнётся настоящий хаос.

Илунга криво, почти хищно усмехнулся.

— Наёмникам из Southbridge придётся стянуть к карьеру почти весь личный состав, чтобы удержать эту разъярённую толпу от прорыва к дорогому оборудованию, — и, проведя пальцем по карте, словно замыкая круг ловушки, продолжил. — А в пять тридцать утра, когда небо только начнёт сереть, мои парни ударят с фланга. Мы расстреляем пару магазинов в воздух поверх вышек и всадим гранату в пустой склад с покрышками. Грохот и пламя будут стоять такие, что у их командира не останется выбора. Она бросит в бой последние резервы с базы. Они побегут защищать карьер. А ракеты упадут на полупустой лагерь.

— Если наёмники не купятся на это?

— Должны.

— Хорошо, — Лео медленно выдохнул. — Значит, к шести тридцати у штольни останутся только дежурные охранники.

Капли мерно отстукивали своё: *тук... тук... тук...* — словно невидимый часовой механизм отсчитывал последние часы уходящего мира.

— Ночью за вами приедет Касонго, — продолжил Илунга, собирая карту и сворачивая её в тугой, пахнущий порохом рулон. — Он знает лесные тропы как свои пять пальцев. Довезёт вас в обход постов до подножия восточного холма. Дальше подниметесь сами. После удара спускайтесь к нему, он будет ждать в низине. Привезёт обратно сюда.

— Спасибо, Илунга, — сказал Лео, глядя ему прямо в глаза.

Партизан не ответил. Он засунул свёрнутую карту в нагрудный карман рубахи, тяжело опёрся ладонями о край стола и посмотрел на рыжую, пузырящуюся грязь за пределами навеса.

— А что потом? — после затянувшейся паузы, не поворачивая головы, спросил он.

Вопрос повис в сыром воздухе. Лео посмотрел на Имани. Она ответила ему долгим, спокойным взглядом. В этом визуальном касании не было ни сомнений, ни страха — только невыносимо нежное, прочное пространство, принадлежащее лишь им двоим.

— Мы уйдём, — ответил Лео.

Илунга обернулся. Его лицо оставалось маской из мокрого камня.

— Куда?

Лео промолчал. У него не было маршрута. Бостон остался в прошлой, мёртвой жизни. Лэнгли превратилось в обоюдоострый инструмент, который завтра придётся отбросить. Был только этот дождь, эти джунгли и женщина, чьё дыхание он чувствовал кожей.

— Я могу переправить вас через границу в Замбию, — деловым, лишённым эмоций тоном предложил Илунга. — Там есть мои люди. Контрабандные тропы. Никакого пограничного контроля. Никаких лишних вопросов.

— Не надо, Илунга, — мягко, но твёрдо сказала Имани. Оба мужчины посмотрели на неё. — Я должна попрощаться с дедушкой. В Мбанза-Нгунгу.

Илунга прикрыл глаза.

— Хорошо. Давайте я хотя бы довезу вас до Лубумбаши, — сказал он. — Оттуда поедете на запад... или куда сами решите.

Лео и Имани одновременно, словно единый организм, кивнули.

Партизан потянулся к внутреннему карману куртки, достал огрызок химического карандаша и вырвал из блокнота клочок бумаги. Прижав его к шершавой доске стола, быстро набросал одиннадцать угловатых цифр.

— Вот, — Илунга протянул бумажку Лео. — Это номер телефона. Человек в Киншасе. Нгала. Скажете, что от меня. Он мастер. Сделает вам обоим чистые документы — паспорта, водительские, всё что нужно. Настоящие бланки. С ними вылетите из страны куда угодно. Ему нужны только ваши фотографии.

Лео взял листок, сложил вдвое и бережно опустил в нагрудный карман рубашки. Он понимал истинную, колоссальную цену этого жеста. Илунга дарил им не просто контакт — он дарил им право на будущее.

— Спасибо, — голос Лео дрогнул едва заметной, искренней хрипотцой. — Это действительно пригодится.

Илунга отстранился от стола. Несколько секунд он молча смотрел на них. На свою жену, стоящую плечом к плечу с другим мужчиной. На белого американца, который пришёл сюда чужаком, а теперь нёс в своей крови ритм Катанги. На двух людей, странным образом сплетённых в один, неразрушимый, живой узел.

— Берегите друг друга, — глухо, с едва уловимой, тут же задавленной вибрацией в голосе произнёс он.

Он развернулся, натянул на голову выцветшую кепку и шагнул из-под навеса прямо в плотную стену ливня. Вода мгновенно пробила ткань, потекла по широкой спине, заблестела на мокрой шее. Его тяжёлые ботинки с чавканьем вязли в красной глине.

Дизель «Паджеро» чихнул, взревел, выбросив облако сизого дыма. Фары мазнули по стене джунглей тусклым, расплывчатым жёлтым светом. Внедорожник тронулся, с рыком вгрызаясь шинами в раскисшую колею, и уже через секунду его грузный силуэт начал растворяться, таять в зелёной мгле, поглощаемый бесконечным потоком воды с небес. Ещё через мгновение исчез и звук мотора, оставив после себя лишь абсолютную, тотальную симфонию дождя.

Илунга уехал.

Имани стояла у самого края навеса, глядя в пустоту просеки. Крупные, тёплые капли задувало ветром, они оседали на её скулах, на подбородке, путались в ресницах, смешиваясь с невидимой, прозрачной влагой, застилавшей глаза. Вода была солёной, или небесной, она не знала. Да и какая разница — и та и другая одинаково мокрая. Тонкий медный браслет тихо, музыкально звякнул, когда она сжала пальцы в кулак.

Лео стоял рядом. Он не пытался её обнять, не нарушал границу её прощания. Он просто был здесь — непреложной, тёплой массой. Его плечо в

дьюме от её плеча. Запах его влажной кожи, горького кофе и стали — рядом с её запахом костуса и дождя.

Завтра небо обрушится на эту землю ревущим огнём. Завтра всё изменится навсегда. Но сейчас, в эту текучую, растянувшуюся секунду, мир сузился до размеров крошечного островка под грязным шифером.

Имани медленно повернула голову. Её глаза — бездонные, чёрные, с янтарными жилками, вбирающие в себя весь сумрак наступающего вечера — встретились с глазами Лео.

Она протянула руку. Её прохладные пальцы скользнули по его мокрой щеке, очертили линию челюсти, коснулись пульсирующей жилки на шее.

— Иди ко мне, — прошептала она так тихо, что слова не прозвучали, а скорее выдохнулись прямо в его губы.

И Лео шагнул. Он не просто пошёл за ней — он сам втянул её в густую, дышащую темноту бункера, прижимая к себе с такой силой, словно пытался спрятать её под собственными рёбрами. Туда, где не было ни распечаток, ни ракет, ни прошлого. Туда, где удушливая тяжесть тропической ночи наступала медленно и неизбежно, смыкаясь над ними защитным, непроницаемым куполом.

Глава двадцатая. Медь

Джунгли разорвал сухой треск рвущегося брезента. Очереди калибра 7,62 вспороли предрассветный туман над рудником Като-Томбе, эхом прокатившись по склонам базальтовых холмов. Спустя мгновение густой, приглушённый удар сотряс воздух. Затем ещё и ещё. Над кронами деревьев, там, где находился склад старых покрышек, вспухло грязное, оранжево-чёрное облако. Пламя, жирное и коптящее, жадно лизнуло серое экваториальное небо.

Лео лежал на животе, плотно вжимаясь в мокрую от росы землю на гребне восточного холма. Пятнистая камуфляжная ткань, которую Касонго привёз глубокой ночью, холодила кожу, но внутри, под рёбрами Лео, мерно, мощно, синхронно сердце качало кровь. Он прильнул к окулярам бинокля. Потёртый немецкий Zeiss с тонкой, еле заметной трещиной на правой линзе приблизил периметр базы Southbridge Security так близко, словно Лео находился прямо за витками колючей проволоки.

Рядом, плечом к плечу с ним, лежала Имани. Мокрая от утренней росы ткань куртки облепила её тело, очерчивая изгиб спины и грациозную линию бёдер. Лео чувствовал жар её кожи сквозь грубую материю — этот жар струился, пульсировал, подчиняя себе остывшую за ночь землю. Граница между их телами размывалась в душном, наэлектризованном воздухе. Запах раздавленных стеблей папоротника смешивался с ароматом её пота —

мускусным, тёмным, отдающим диким мёдом и влажной глиной. Каждый вдох Имани отзывался глубокой вибрацией в его собственной груди, словно их лёгкие соединила невидимая, трепещущая корневая система. В этой плотской близости, на самом краю чужой неминуемой смерти, таилось звериное, пронзительное единение: пульс одного становился ритмом жизни для другого, и случайное касание тел обжигало сильнее раскалённой гильзы.

В окулярах бинокля разворачивалась паника. Идеальная, выверенная механика лагеря ЧВК ломалась, захлёбываясь первобытным хаосом. Вспышка взрыва на руднике сработала как детонатор для муравейника. Двери жилых модулей распахнулись, выплёвывая наёмников. Они выбегали, на ходу застёгивая липучки тактических жилетов, с металлическим лязгом досылая патроны в патронники карабинов, на бегу запрыгивая в кузова трёх тяжёлых бронированных «Лэнд Крузеров».

Из штабного контейнера выскочил Драгош. Его массивный лысый череп блестел в свете дежурных прожекторов, мощные руки рубили воздух, раздавая короткие, беззвучные для наблюдателей команды, указывая направление движения к руднику. Дизели взревели, машины вырвались за распахнутые ворота и растворились в предрассветной мгле, оставляя за собой лишь густой шлейф красной пыли.

База мгновенно опустела. Внутри периметра замерли лишь четверо часовых на угловых вышках, да двое людей на бетонном плацу.

Диана Пэтрашку стояла у входа в подземный бункер. Её белая блузка казалась фосфоресцирующим пятном в сумерках. В одной руке она сжимала рацию, отдавая быстрые, жёсткие приказы. Архитектор контроля, пытающаяся удержать рушащуюся архитектуру порядка. Рядом ссутулился доктор Жирар, переминаясь с ноги на ногу, в нелепой старомодной пижаме, постоянно протирая запотевшие очки, он был похож на растерянного зрителя, случайно оказавшегося на сцене во время пожара.

Лео опустил бинокль на секунду и взглянул на циферблат своих стальных Casio. Ноль шесть двадцать восемь. Он накрыл ладонь Имани своей и почувствовал, как земля под ним дышит. Это было настоящее, медленное давление, будто где-то глубоко в базальте что-то гигантское неспешно переворачивалось на другой бок. Браслет на запястье внезапно стал горячим. Не тёплым — горячим, почти обжигающим. Имани рядом тихо выдохнула, и он понял: она тоже это заметила.

Диана всё ещё стояла у гермодвери. Рация у её губ. Жирар рядом, в пижаме, в очках, с трясущимися руками. Лео смотрел на них и впервые за все эти дни подумал не о вирусе и не о задании. Он подумал: через несколько секунд этих двоих не станет. И что странно — ему было почти всё равно. Почти.

Сначала не было звука. Было только давление.

Воздух над ними вдруг стал плотным, как вода. Уши заложило. В груди что-то сжалось — чистое физическое сжатие, будто невидимая рука схватила лёгкие и медленно сжала их в кулак. Имани рядом дёрнулась и прижалась плечом сильнее. Лео ощутил, как её пальцы впились ему в запястье прямо поверх меди.

Звук родился где-то в желудке, в самых кишках земли, и лишь потом достиг барабанных перепонок.

Низкий, нарастающий, вибрирующий рёв турбин, испаряющих плотный воздух. Крылатые ракеты шли на предельно малой высоте, стелясь над самыми кронами фикусов, неотвратимые, как карающие стальные ангелы. В их хищной, стремительной грации таилась пугающая, смертоносная красота — абсолютный триумф западной геометрии над африканским хаосом.

Диана резко вскинула голову. Её маска холодного расчёта треснула, пропуская наружу обнажённый ужас человеческого тела перед лицом падающих небес. Рация выскользнула из её пальцев. Она схватила старика Жирара за ворот и с невероятной, звериной силой рванула его на себя, валяя в грязь, увлекая за бетонный парапет, прочь от стальной гермодвери — прочь, как можно дальше.

Первая вспышка была белой.

Не оранжевой. Не красной. Белой — такой чистой и резкой, что на долю секунды мир исчез. Лео зажмурился слишком поздно. Перед глазами остался раскалённый круг, а когда он снова открыл их — барак уже не существовал. На его месте стоял вертикальный столб огня, который втягивал в себя воздух с такой силой, что даже на холме качнулись ветки.

Этот ослепительный свет полностью поглотил лабораторию Мориса у края старого карьера.

Спустя мгновение до холма докатился чудовищный, выбивающий воздух из лёгких грохот. Термобарический заряд расцветал гигантским, раскалённым лотосом. Облако аэрозоля всосало в себя весь кислород и детонировало, превращая колониальный кирпич, ржавый шифер, образцы вируса и саму память о французском биологе в столб ревущего, чистого огня. Торжество абсолютной температуры стёрло материю, оставив лишь дымящийся кратер.

Ударная волна дошла через несколько секунд.

Она пришла плотной, горячей стеной. Лео инстинктивно накрыл собой Имани, прижав её голову к земле. Давление ударило в спину, выбило дыхание, забило в нос запах серы, горящего пластика и чего-то сладковато-тошнотворного — горелого мяса и формалина. В ушах зазвенело. На мгновение он перестал слышать даже собственное сердце.

Когда слух вернулся, первым, что он услышал, был тихий, сдавленный всхлип Имани.

Второй и третий удары слились в единый сейсмический спазм. Бетонобойные «Томагавки» вонзились прямо в склон холма над бункером, глубоко проникнув в базальтовую плоть. Земля вспучилась, как живое тело, в которое вонзили раскалённый скальпель. Она поднялась огромным пузырьём, на мгновение зависла — и рухнула внутрь себя. Глухой, тягучий грохот раздался снизу, из самых кишок породы. Лео почувствовал его коленями, животом, зубами. Казалось, что под ними обваливается не холм, а целый пласт континента. В бинокле он успел увидеть, как гермодверь бункера на долю секунды выгнулась наружу, а потом её просто смяло вместе с бетоном. Сотни тонн породы, известняка и красной глины рухнули вниз, намертво, навсегда запечатывая штольню с её радиоактивной киноварью, центрифугами и слепыми крыланами.

Четвёртая ракета превратила ангар IC Waze со всем оборудованием в бурлящее озеро расплавленного пластика и металла. В дыму мелькнула белая блузка — и исчезла. Лео не стал искать её взглядом.

Он оторвался от бинокля. Взрыв дошёл до холма сухим, обжигающим ветром, ударившим в лица, бросив в волосы пепел и прелые листья. Внизу, в долине, зияли чёрные воронки, окутанные густым дымом. Огненные языки жадно пожирали остатки контейнеров. Кость земли была выжжена и захоронена под собственным весом.

Руки дрожали. Холм под ним всё ещё немного вибрировал — медленно, судорожно содрагаясь, как огромное животное, которому только что проломили череп.

Имани лежала рядом, лицом в траву. Её плечи мелко тряслись. Лео протянул руку и положил ладонь ей между лопаток. Она не отстранилась.

— Всё кончено, — тихо сказал он.

Она кивнула, не поднимая головы.

Внизу, в дыму, что-то ещё продолжало гореть. Но земля больше не дышала.

Лео вытащил из кармана рацию и нажал кнопку передачи.

— Илунга, это Лео, — его голос звучал сухо, ритмично, без малейшей дрожи. — Цель поражена. Все четыре попадания подтверждаю. Лагерь накрыт, штольня завалена. Вы можете уходить.

Треск статики разорвал эфир, и сквозь помехи пробился глухой голос партизана:

— Принято. Мои ребята отходят.

— У тебя все целы?

— Да. Увидимся на базе.

Лео повернулся к Имани. В её расширенных, тёмных зрачках отражались оранжевые сполохи далёкого пожара. В них читалось глубокое, вековое спокойствие земли, которая переживала и не такие катаклизмы.

— Уходим, — Лео тяжело выдохнул, чувствуя, как адреналин медленно покидает мышцы. — Оставалось только подтвердить поражение целей, и всё.

Они беззвучно скользнули вниз по склону, укрытые изумрудными папоротниками. В низине, спрятанный в густом кустарнике, их ждал старый джип. За рулём сидел Касонго. Он не задал ни единого вопроса, только молча жевал незажжённую самокрутку. Лео и Имани забрались на заднее сиденье, и машина растворилась в утреннем тумане, увозя их прочь от пепелища.

Полдень проглотил остатки утренней прохлады, обрушив на старую бельгийскую базу плотный, звенящий зной.

Илунга приехал около двух часов. Партизан выглядел измотанным: камуфляж покрыт копотью, на скуле темнела свежая ссадина, но в каждом его движении сквозила мрачная, тяжёлая удовлетворённость человека, завершившего свою войну.

На вытоптанном плацу Лео стоял у проржавевшей бочки из-под солярки, поставленной на кирпичи. Внутри гудело пламя. Лео методично, лист за листом, предавал огню прошлое. Распечатки геномных последовательностей, дневники Мориса, графики секвенирования. Бумага чернела, сворачивалась, истончалась, превращаясь в невесомый серый пепел, уносимый ветром в джунгли. Следом в пламя полетели пластиковые флешки, плавясь с едким сладковатым запахом, затем — предметные стёкла с мазками крови, лопающиеся от жара с тонким хрустом. Тексты смерти уничтожались, стирались из книги жизни.

Имани в тени навеса собирала их немногочисленные вещи. Тканевый баул, фляга, ноутбук. Белый кейс терминала Starlink, закрытый навсегда, стоял у двери — цифровой узел связи с Лэнгли был оборван.

Илунга подошёл к бочке, щурясь от раскалённого воздуха, и остановился рядом с Лео.

— Это образцы, — произнёс американец, отправляя в огонь последнюю папку с расчётами. — Анализы. Материалы исследований. Их никто не должен найти. Никогда.

Партизан молча кивнул. Он прекрасно знал цену стёртым следам на тропе.

Имани вынесла три белых эмалированных кружки с чёрным, густым кофе. Они сели на деревянные ящики и выпили его в полном молчании, глядя, как догорает костёр. Горечь робусты смешивалась с горечью пепла на губах, но это была правильная, очищающая горечь.

Все трое сидели молча. Ни один из них не спешил. Время, которое столько недель гнало их вперёд, наконец остановилось. И в этой остановке было всё, что нужно сказать.

Они погрузили баул и Starlink в кузов. «Паджеро» Илунги мерно раскачивался на ухабах лесной колеи. Лео и Имани сидели сзади, деля на двоих плотную, тягучую тишину, в которой больше не было напряжения.

Внезапно Имани наклонилась вперёд и коснулась плеча партизана.

— Давай заедем к старой шахте, — её голос прозвучал тихо, но предельно отчётливо. — К той, что показывал Муленга.

Илунга бросил быстрый взгляд в зеркало заднего вида, коротко кивнул и крутанул руль, уводя пикап на заросшую просеку. Вскоре машина выкатилась на знакомую прогалину.

— Останови здесь, — сказала Имани. — И подожди нас.

Она открыла дверцу. Лео вышел следом. Воздух здесь стоял абсолютно неподвижно, напоённый густым запахом леса. Джунгли молчали. Казалось, что само время здесь замерло, в ожидании этих двоих.

Они остановились в нескольких шагах от края тёмного провала.

Ржавые стальные порталы торчали из красной глины, как сломанные рёбра. Чёрный провал входа чернел в основании холма, обрамлённый трухлявыми, почерневшими крепями. Из глубины тянуло утробным, погребным холодом и едва уловимым, древним, и таким знакомым ароматом — ладан и гардения.

Имани повернулась к Лео. В её огромных глазах плескалось бездонное, освобождённое спокойствие. Она протянула руки и мягко обхватила его правое запястье. Её тонкие, дрожащие пальцы скользнули по гладкой поверхности медного браслета, нащупали невидимый стык и бережно раздвинули металл.

— Он больше тебе не нужен, — прошептала она.

Медь соскользнула с его руки. Кожа Лео, привыкшая к постоянному, пульсирующему теплу обруча, вдруг ощутила странную, прохладную, кристальную свободу. Сердце внутри него билось ровно — одно, сильное, человеческое сердце.

Затем Имани стянула свой левый браслет — тонкий, с параллельными линиями, хранивший память её бабушки.

Она подошла к самому краю бездны, сложила оба кольца в ладонях и поднесла к губам. Её губы зашевелились. Это был лингала — текучий, как сама река Конго, древний язык заклинаний и прощаний. Лео не понимал ни слова, но чувствовал кожей ритм этих слов. Имани говорила с мицелием, с камнем, с невидимыми духами леса, возвращая им долги.

Она разжала пальцы.

Два медных кольца сверкнули в тусклом свете прогалины и полетели во тьму. Они исчезли в зияющей пасти шахты абсолютно беззвучно. Ни стука о камень, ни эха, ни всплеска. Земля приняла подношение, поглотив его с безмолвной благодарностью, навсегда закрывая цикл.

Имани опустила руки. Тёплый ветер тронул её волосы. Лео шагнул ближе. Она подняла на него глаза — в их янтарной глубине плескалась глубокая, первозданная тишина. Она медленно потянулась к нему, её пальцы легли на его шею, туда, где тяжело и ровно билась жилка. Прикосновение её голой, освобождённой от меди кожи высекло искру, от которой по позвоночнику Лео прокатилась горячая, тягучая волна. Воздух между ними сгустился, стал осязаемым, пахнувшим вчерашней грозой и смятой травой. Лео обхватил её лицо ладонями, осязая подушечками пальцев бархатную испарину на висках, чувствуя её прерывистое дыхание на своих губах. В этом медленном, жадном касании растворялась их последняя отдельность. Два тела сливались в единый, переполненный первобытной нежностью сосуд, где каждый вдох перетекал в выдох другого, а кровь пела в одном ритме.

Два сердца. Один пульс...

Спустя несколько минут они медленно вернулись к машине. Илунга стоял, опираясь на капот, смотря на них долгим, понимающим взглядом. Он видел завершение круга и не нуждался в объяснениях.

За бортом пикапа, в проёме покрытого оранжевой пылью окна, стояли джунгли, как вечные стражники — зелёные, густые, бесконечные. А над кронами — чистое, высокое, бездонно-синие небо. И только где-то далеко, за холмами, всё ещё дымился Като-Томбе.

Лео и Имани сели на заднее сиденье. Двери захлопнулись, отсекая запахи леса.

С этим сухим, металлическим щелчком Имани физически ощутила, как лопнула, истончившись до звона, невидимая пуповина, связывавшая её с материком. Для Африки она стала призраком. Отдав медные кольца тьме прошлого, она добровольно вычеркнула своё имя из памяти мзему — духов рода. Базальт Катанги больше не откликнется на её шаги, и предки не придут в её сны, потому что она перестала существовать для этой земли. Отныне её единственной почвой, единственной родиной, единственной связью будет биение пульса под кожей мужчины, сидящего рядом.

У них больше не было метрик, не было гражданства. Для законов, с этой секунды, они превращались в чистый лист, в безымянные статистические тени, чьё право дышать на чужой земле придётся доказывать заново.

Имани посмотрела на Лео, затем перевела свой ясный, прозрачный взгляд на зеркало заднего вида, в котором отражались глаза Илунги. В её лице больше не было ни теней прошлого, ни страха перед грядущим — только звенящее смирение перед пустотой, которую она выбрала сама.

Она прикрыла глаза и облегчённо, всем телом, освобождая лёгкие до самого дна, выдохнула:

— Едем.